

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ АКАДЕМИЯ МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Поволжский (г. Саратов) юридический институт (филиал)

С. Ю. БЫТКО

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ**

Монография

Москва
РПА Минюста России
2014

УДК 343.241
ББК 67.408.02
Б 95

Автор:

С. Ю. Бытко, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Поволжского (г. Саратов)
юридического института (филиала) РПА Минюста России

Рецензенты:

Н. Н. Ланупина, кандидат юридических наук, доцент,
и. о. заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин Поволжского
(г. Саратов) юридического института (филиала) РПА Минюста России;
Р. А. Севастьянов, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии

Бытко, С. Ю.

Б95 Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания: монография / С. Ю. Бытко; РПА Минюста России, Поволжский (г. Саратов) юридический институт (филиал). – М.: РПА Минюста России, 2014. – 136 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-89172-891-2

В монографии рассматривается понятие эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность, ее условия, а также критерии оценки. С учетом сделанных теоретических выводов анализируется эффективность предупредительного воздействия уголовных наказаний за убийства, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также за получение взятки.

Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических образовательных учреждений, сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления, всех тех, кто интересуется проблемами реализации конституционного (уставного) законодательства.

УДК 343.241
ББК 67.408.02

*Печатается по решению учебно-методического совета
Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала)
РПА Минюста России*

ISBN 978-5-89172-891-2

© Бытко С. Ю., 2014
© РПА Минюста России, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Понятие, условия и критерии эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания.....	7
1.1. Категория «эффективность» в уголовном праве: понятие, сущность, условия и критерии оценки... ..	7
1.2. Эффективность наказания и ее критерии.....	24
1.3. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания как основание криминализации.....	38
1.4. Оценка эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания посредством анализа функций уголовного права.....	49
Глава 2. Некоторые условия повышения эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания.....	60
2.1. Идеология и право.....	60
2.2. Суверенная уголовная политика Российской Федерации.....	66
2.3. Элементы коллективной ответственности как средство повышения эффективности уголовного наказания.....	70
2.4. Калечащие наказания и учет биологических особенностей человека при конструировании уголовно-правовых норм.....	82
Глава 3. Оценка эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний, предусмотренных за отдельные виды преступлений	91
3.1. Эффективность наказания за убийство.....	91
3.2. Оценка эффективности уголовных наказаний за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.....	99
3.3. Оценка эффективности уголовного наказания за получение взятки	115
Заключение.....	125
Библиографический список	127

Введение

Исследование эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания представляет несомненный практический интерес, обусловленный необходимостью оценки результативности огромного комплекса мероприятий, направленных на охрану наиболее ценных прав и свобод личности, общества и государства.

Однако осуществление такой оценки является серьезной научной проблемой, порожденной сложностью вычленения тех или иных обстоятельств, влияющих на эффективность предупредительной деятельности, высоким уровнем латентности отдельных видов преступлений. В разное время проблемой эффективности в праве занимались В. В. Глазырин, А. Э. Жалинский, М. И. Ковалев, В. Н. Кудрявцев, М. П. Лебедев, Н. А. Лопашенко, В. И. Никитинский, А. С. Пашков, И. С. Самощенко, В. М. Сырых, В. А. Федосова, Ф. Н. Фаткуллин, А. А. Тер-Акопов, Д. М. Чечот, М. Д. Шаргородский, Е. П. Шикип, Л. С. Явич.

Проблемы эффективности уголовно-правовых институтов и отдельных видов наказаний изучали Б. С. Бикситова, Т. Н. Волкова, Ю. А. Демидов, Я. Н. Ермолович, В. С. Минская, Б. Т. Разгильдиев, С. М. Фролова, И. М. Усманов. Непосредственно эффективности уголовного наказания на монографическом уровне была посвящена работа М. Д. Шаргородского.

Вместе с тем необходимо отметить, что сам термин «эффективность» авторами применяется в различных контекстах — по отношению к праву в целом, его отдельным институтам, нормам, а также к уголовно-правовой политике. Соответственно разнятся подходы к пониманию сущности этого термина, его оценок и критериев. Если же говорить об уголовном наказании, то в соответствии с действующим уголовным законодательством оно предусматривает три цели. При этом представляется весьма проблематичной возможность оценки реализации целей исправления осужденного и восстановления социальной справедливости. В ходе теоретического анализа был обоснован вывод, что корректные критерии эффективности могут быть разработаны только для цели предупреждения преступлений. Одновременно показано, что эффективность достижения данной цели уголовного наказания вносит основной вклад в эффективность уголовного закона и уголовной политики Российской Федерации.

В работе обосновано важное теоретическое положение, в соответствии с которым преступления и проступки не имеют качественного отличия в виде общественной опасности. Проступки, наряду с преступлениями, также являются общественно опасными, но в меньшей степени. Такой вывод приводит к необходимости пересмотреть понятие преступления и основания для криминализации. В связи с этим обосновывается вывод, что основанием для криминализации является не только общественная опасность отдельных деяний, но и неэф-

эффективность мер дисциплинарного или административного воздействия по отношению к соответствующим деятелям. Таким образом, именно эффективность уголовного наказания, его способность предупреждать отдельные виды общественно опасных деяний является самостоятельным основанием для криминализации.

Нами был проведен анализ и критический разбор теоретических положений об условиях эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность, а также критериев ее оценки. К условиям эффективности уголовного наказания следует относить: 1) соответствие уголовного законодательства закономерностям развития общества; 2) неотвратимость наказания; 3) эффективную деятельность правоохранительных органов; 4) правильное применение уголовно-правовых норм, реализацию судами всего потенциала уголовных наказаний.

Также были выделены дополнительные условия эффективности, которые в отечественной уголовно-правовой теории ранее не рассматривались: свободная от идеологического влияния деятельность ученых-криминологов; осуществление Российской Федерацией суверенной уголовной политики, усиление общественного контроля за поведением личности, чему может способствовать введение мер ограниченной уголовной ответственности по отношению к прикосновенным к преступлению лицам, а также учет биологических (физиологических) особенностей человека при конструировании уголовно-правовых норм.

В теории уголовного права в качестве критериев эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания рассматривались динамика рецидивной преступности (критерий эффективности индивидуального предупреждения) и динамика всей преступности (эффективность общего предупреждения). Проведенный анализ показал, что эти показатели имеют серьезные недостатки, ограничивающие их применение. Было высказано предположение о том, что для оценки эффективности могут привлекаться показатели, не относящиеся к сфере уголовно-правового регулирования. Поскольку уголовное наказание влияет на поведение людей, оно вызывает определенные эффекты и за пределами уголовно-правовых отношений, которые могут быть измерены. В то же время эти эффекты (в нашей терминологии – маркеры) не могут быть едиными для всех преступлений. В связи с разнообразием общественно опасных посягательств, поиск критериев эффективности наказания для отдельных видов преступлений является достаточно сложной задачей. Так, для налоговых преступлений критериями эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания может выступать динамика собираемости налогов и сборов; по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ – показатели смертности либо, как в период недавней эпидемии дезоморфина, – динамика преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ «Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», а также показатели уровня латентности соответ-

вующих преступлений.

В общем случае поиск критериев эффективности является сложной задачей и должен составлять отдельное направление уголовно-правовых исследований.

При анализе условий эффективности уголовного наказания было вынесено предложение об установлении ограниченной уголовной ответственности лиц, прикосновенных к совершению преступлений, но не предпринявших мер к его предотвращению. Предполагается, что такие меры могут применяться к военнослужащим, сотрудникам МВД, прокуратуры, определенным категориям служащих, на которых законом возложено обеспечение порядка, борьба с преступностью, управленческая деятельность, и ряд других. К числу лиц, в отношении которых допустимы меры коллективной ответственности, необходимо относить:

- прикосновенных к преступлению, совершенному их коллегой;
- имевших объективную возможность препятствовать совершению преступления;
- не принявших мер к предотвращению преступления или его последствий.

Так, к ограниченной уголовной ответственности могут привлекаться должностные лица, осведомленные о систематическом получении взяток своим коллегой и не предпринявшие мер к пресечению таких преступлений.

Ограниченная уголовная ответственность (коллективная ответственность) может быть реализована в форме предупреждения, денежного взыскания, временного отстранения от должности, понижения в должности или увольнения.

В работе была сделана попытка на основе теоретических положений оценить эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на отдельные виды преступлений. В частности, было показано, что применяемые уголовные наказания за убийства могут быть признаны эффективными. Одновременно неэффективными в современных условиях являются уголовные наказания за получение взятки и за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Используемые при оценке подходы могут быть использованы в качестве основы для анализа эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания за другие виды преступлений.

Этим и другим проблемам посвящена настоящая работа.

Глава 1. Понятие, условия и критерии эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания

1.1. Категория «эффективность» в уголовном праве: понятие, сущность, условия и критерии оценки

Применение термина «эффективность» в уголовном праве

В теоретической литературе всплеск интереса к проблеме эффективности правового регулирования пришелся на конец 50-х – начало 60-х годов – период, предшествовавший принятию нового Уголовного кодекса РСФСР прошлого столетия. В настоящее же время, по мнению В. М. Сырых, исследователи редко занимаются оценкой эффективности правовых норм, что объясняется изменением экономического базиса и сущности современного Российского государства и переходом в связи с этим к новой парадигме нормативного правового регулирования общественных отношений, а также высокой стоимостью таких исследований¹.

Данное замечание весьма примечательно, поскольку снижение числа работ, посвященных эффективности правового воздействия со стороны исследователей может быть индикатором отсутствия соответствующего интереса со стороны государства. Такое явление весьма симптоматично и само по себе может быть предметом научного интереса. Нам замечание В. М. Сырых интересно тем, что напрямую касается темы нашей работы, а также тем, что существуют отдельные маркеры, косвенно свидетельствующие о правоте этого автора, например, нерешенность вопросов о строительстве арестных домов, исправительных центрах, препятствующая введению такого интересного и многообещающего уголовного наказания, как арест. Ссылки на нехватку денежных средств для реализации этих видов наказаний представляются неубедительными, призванными завуалировать истинную причину — отсутствие государственного интереса к этому вопросу. Российская Федерация в течение ряда лет конвертировала огромные суммы доходов от реализации полезных ископаемых в низкодоходные долговые обязательства США, фактически не используя миллиарды долларов.

Впрочем, если дело обстоит таким образом, то актуальность предлагаемого исследования только возрастет, поскольку в некоторых подходах к определению эффективности правового регулирования, как будет показано ниже, учитываются материальные затраты на реализацию положений закона.

В соответствии со словарным определением, термин «эффект», произошедший от латинского слова «effectus», означает результат, следствие каких-

¹ См.: *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права. Т. 2. Логика правового исследования (Как написать диссертацию). М., 2004. С. 263–264.

либо причин, действий¹. Происходящий от этого слова термин «эффективность», таким образом, следует понимать как способность какого-либо действия или причины вызывать определенный результат.

В толковом словаре русского языка определение прилагательного «эффективный» рекомендуется понимать как действенный, результативный².

Таким образом, термин «эффект» и производные от него понятия «эффективность» и «эффективный» означают способность какого-либо действия производить результат. Вместе с тем, применительно к конкретным приложениям и отраслям знания, термин «эффективность» получает уточнения. Так, можно говорить об экономической эффективности, повышении эффективности труда, эффективном использовании выделенных средств, эффективной рекламе и т. д.

Следует упомянуть и еще об одном встречающемся определении эффективности, которая трактуется как «существенное отношение изменений на выходе неравновесной системы к изменениям на входе, позволяя зафиксировать ее критерии»³. Есть основания считать, что подобное определение имеет смысл применять и по отношению к оценке эффективности правовых институтов, поскольку использование специфического термина «неравновесная система» подразумевает такое свойство, как управляемость: прилагая правовое регулятивное воздействие, мы ожидаем определенного результата, эффекта. Нет смысла применять какое-либо управляющее воздействие к равновесной системе, то есть к такой системе, которая независимо от приложенного к ней воздействия возвращается в определенное стабильное состояние. Очевидно, что подобные системы ни в каком регулировании не нуждаются, все, что требуется в подобных случаях — всего лишь подождать какое-то время.

Многозначность и универсальность термина «эффективность» порождает необходимость разобраться в его содержании и применительно к предупредительному воздействию уголовного наказания.

Обзор теоретической литературы позволил выявить следующие приложения термина эффективность к сфере уголовно-правового регулирования, являвшиеся в разное время предметом изучения:

- эффективность правового регулирования;
- эффективность уголовной политики;
- эффективность уголовного закона;
- эффективность уголовной ответственности;
- эффективность реализации отдельных уголовно-правовых институтов;
- эффективность уголовно-правовых норм;
- эффективность уголовного наказания;
- эффективность исполнения отдельных видов наказания;
- эффективность реализации отдельных целей наказания;
- эффективность судебной практики;

¹ См.: Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 1990. С. 1583.

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2002. С. 914.

³ Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. М., 2004. С. 827.

В ряде случаев термин «эффективность» применительно к отдельным видам наказания используется, но его сущность не раскрывается. Видимо, авторы подразумевают его очевидность¹.

При всем многообразии направлений применения этого термина в уголовном праве нет единого понимания о том, как его толковать, не ясно также, скрывается ли за таким обилием какое-то сходное понятие, а также в каком соотношении находятся указанные категории между собой. Установление ясности в этом вопросе позволит, во-первых, точнее определить место и роль разрабатываемого понятия «эффективность предупредительного воздействия наказания» в теории предупреждения преступлений, а во-вторых, определить степень теоретической разработанности темы, а также выявить вопросы, оставшиеся незатронутыми другими исследователями.

Теоретики уголовного права, используя термин эффективность, в каждом конкретном случае преследовали специфические цели, обусловленные стоящими перед ними задачами. Однако обращает на себя внимание определенная система применения этого термина, соответствующая иерархии отдельных институтов, понятий уголовного права. При этом эффективность расположенных ниже категорий и институтов, учитывается при оценке эффективности категорий и институтов уровней, расположенных выше.

На верхнем уровне находится эффективность правового регулирования², интересующая исследователей с позиций оценки деятельности правовой системы в целом, абстрагируясь от эффективности отдельных отраслей. Уровнем ниже располагается эффективность уголовной политики³, т. е. направления внутренней политики государства, состоящего в определении круга преступных деяний, их законодательных признаков, определении форм и методов уголовно-правового воздействия на преступность в целях ее снижения и уменьшения ее негативного влияния на социальные процессы⁴.

В теории уголовного права оценка эффективности уголовной политики признается эквивалентной эффективности уголовного законодательства⁵. Такая позиция представляется весьма логичной, поскольку уголовный закон формируется в рамках уголовной политики, основными методами которой являются криминализация и декриминализация, пенализация, депенализация, дифферен-

¹ См.: Волкова Т. Н. Низкая эффективность штрафа в современной системе наказаний: критический взгляд на проблему // Уголовно-исполнительное право. 2008. № 1. С. 15–18; Замрий О. Н. О применении гражданско-правовых средств в сфере исполнения уголовного наказания в виде штрафа в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки // Вестник ТвГУ. Сер.: Право. 2012. Вып. 32. С. 38–42.

² См.: Пашков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3.

³ См., напр.: Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел : учебник / под ред. Л. И. Беляевой М., 2003.

⁴ См.: Лопашенко Н. А. Уголовно-правовая политика Российской Федерации // Уголовное право России : курс лекций. Т. 1, кн. 1 / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. С. 248.

⁵ См., напр.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009.

циация и индивидуализация уголовной ответственности¹. Иными словами, уголовная политика реализуется в уголовном законе, а, значит, тождественны понятия «эффективность уголовной политики» и «эффективность уголовного закона». Высказывалось и другое мнение, согласно которому эффективность уголовной политики на практике сводится к эффективности уголовно-правовых норм, и должна оцениваться с учетом эффективности отдельных правовых институтов, отраслей права, групп отраслей права². Полагаем, что такая разница в оценке связана с различным толкованием понятия уголовной политики, в которую кроме собственно уголовно-правовой политики иногда включают и уголовно-исполнительную, уголовно-процессуальную, криминалистическую и др.³ Если же понимать уголовную политику в узком смысле, как ее понимает Н. А. Лопашенко, то ее нельзя, по нашему мнению, сводить к эффективности уголовно-правовых норм. Отдельные уголовно-правовые нормы могут быть сколь угодно хорошими и эффективными, хотя уголовный закон в целом может быть таким не признан, в силу наличия в нем положений, не соответствующих текущим требованиям противодействия преступности, не учитывающих особенностей общественных отношений, недостатков складывающейся судебной практики и т. д.

Говоря об эффективности, хотелось бы дополнить, что мы не видим существенного практического значения в ее анализе по отношению к отдельным уголовно-правовым нормам, поскольку во всех случаях оценивать нужно целый комплекс взаимосвязанных уголовно-правовых норм, образующих самостоятельные уголовно-правовые институты. Так, например, И. М. Усманов, анализируя условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, рассматривает его именно как уголовно-правовой институт в комплексе с другими нормами и оценивает его эффективность в зависимости от совершенства законодательной регламентации норм о досрочном освобождении, правильного применения их на практике и надлежащей организации исполнения принятых решений⁴. И такой подход представляется правильным, поскольку эффективность условно-досрочного освобождения не может быть оценена лишь по одной норме, предусмотренной ст. 79 УК РФ. Принимается во внимание и категория совершенного преступления (ст. 15 УК РФ), вид назначенного уголовного наказания, возложенные на осужденного обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ, и т. д.

¹ См.: Там же. С. 251.

² См.: Назначение наказания, его эффективность и освобождение от уголовной ответственности и наказания : учебное пособие / под ред. Г. Б. Виттенберга. Иркутск, 1978. С. 12–19.

³ См.: *Панченко П. Н.* Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль, 1999. С. 106.

⁴ См.: *Усманов И. М.* Условия эффективности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Право и безопасность. 2009. № 33.

Сказанное, впрочем, не относится к работам строго теоретического характера, посвященным общим проблемам эффективности правовых норм, в которых авторы, абстрагируясь от конкретных отраслей права, формируют общее представление об эффективности и условиях, при которых она реализуется¹.

А. А. Тер-Акопов, исследуя воинские преступления, заключил, что эффективность ответственности за них эквивалентна эффективности всех правовых оснований ответственности за эти преступления.

Впрочем, этот автор использовал терминологию, с которой мы не вполне согласны. Так, он ввел понятие «эффективность уголовной ответственности», а в качестве критериев ее эффективности указал коэффициент, рассчитываемый на основе числа лиц, склонных к совершению преступления и воздержавшимся от него². Полагаем, что для уяснения позиции автора нужны некоторые пояснения. Во-первых, уголовную ответственность он понимал широко, включая в нее как неблагоприятное правовое последствие совершения преступления, так и сознание возложенной ответственности, стимулирующее правопослушное поведение. Во-вторых, указанный автор высказывал тезис, что степень воздействия правовой нормы на поведение является главным показателем ее эффективности³.

Если учесть, что воздержание от преступления (правопослушное поведение) обеспечивается примером применения уголовно-правовых норм, то, скорее всего, речь идет о фактическом применении уголовного закона, а именно — применении уголовного наказания к лицам, совершившим преступление. В таком аспекте позиция А. А. Тер-Акопяна по поводу эффективности уголовной ответственности редуцируется к эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания.

Что касается соотношения терминов «эффективность наказания»⁴ и «эффективность исполнения отдельных видов наказания», полагаем их нельзя смешивать, поскольку, во-первых, различаются по своему содержанию категории «наказание» и «исполнение наказания». В первом случае нас интересует, прежде всего, достижение целей уголовного наказания, а во втором — и качество его исполнения. Как указывала Б. С. Бикситова, изучавшая эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, эффективность деятельности мест лишения свободы и иных органов исполнения наказания измеряется успешностью в исполнении приговоров и достижения целей наказания⁵.

¹ См., напр.: Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко, В. В. Глазырин. М., 1980.

² См.: Тер-Акопов А. А. Правовые основания ответственности за воинские преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982. С. 289–347.

³ См.: Там же.

⁴ См., напр.: Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973.

⁵ См.: Бикситова Б. С. Эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы (по материалам Оренбургской области) : дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2006.

Если же говорить об эффективности применительно к уголовному наказанию за какие-то отдельные преступления, то во многих случаях санкции соответствующих норм УК РФ являются альтернативными, поэтому оценка эффективности осуществляется безотносительно к качеству исполнения конкретного вида наказания. Нас здесь интересует практическая оценка применения всех возможных наказаний за это деяние. Кроме того, на эффективность наказания влияют самые различные факторы, начиная от целесообразности криминализации соответствующего деяния, качества его законодательного описания, адекватного определения видов и размеров наказаний за его совершение, правильного назначения судом вида уголовного наказания, его сроков и т. д. Как видно из указанного перечня качество исполнения самого уголовного наказания занимает в оценке не первое место.

Таким образом, эффективность наказания и эффективность исполнения наказания — это несовпадающие явления, требующие самостоятельных подходов при оценке. При этом эффективность исполнения наказания играет важную, но второстепенную роль, дополняя информацию об оценке эффективности наказания за отдельные виды преступлений.

Если говорить о соотношении эффективности уголовного наказания и эффективности достижения отдельных его целей, то они соотносятся между собой как целое и его часть. Вместе с тем, различные цели наказания требуют частую взаимоисключающих способов их достижения. Так, достижение цели восстановления социальной справедливости может потребовать строгого наказания, чрезмерного для исправления этого осужденного. Одновременно с этим, длительные сроки лишения свободы чреватые разрывом социальных связей осужденного, и могут привести к его асоциализации и, как следствие, совершению после отбывания наказания новых преступлений, что противоречит цели предупреждения новых преступлений. И наоборот, чрезмерно мягкое наказание снизит потенциал сдерживания и не будет соответствовать достижению цели восстановления социальной справедливости. Сложное соотношение целей наказания и сложность вычленения их влияния на эффективность наказания в целом приводят к тому, что в теории права исследования эффективности наказания иногда сводятся к изучению его предупредительного воздействия, как основной цели наказания.

Нам представляется такой подход целесообразным, поскольку цель предупреждения исторически рассматривалась первоочередной, а иногда и основной целью наказания¹.

Впрочем, исследуется и эффективность цели исправления. В частности, С. М. Фролова, анализируя эффективность уголовного наказания в виде исправительных работ, назначаемых несовершеннолетним, предлагает критерием эффективности этого вида наказания считать совершение несовершеннолетним

С. 24.

¹ См., напр.: *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 105–106.

осужденным нового преступления в период отбывания им наказания, а также совершение несовершеннолетним осужденным преступлений после освобождения от отбывания назначенного ему наказания. Основным показателем достижения цели исправления несовершеннолетних осужденных к исправительным работам, по мнению этого автора, является уровень рецидива¹. Любопытно, что в качестве критериев исправления С. М. Фролова использует рецидив преступления, динамику которого М. Д. Шаргородский предлагал использовать при оценке эффективности специальной превенции, о чем речь пойдет ниже. Здесь же интерес представляет то обстоятельство, что, основываясь на показателях преступности, мы не можем предложить различных критериев для исправления и предупреждения преступлений. Иными словами, по уровню и динамике рецидива оценивается и достижение как цели исправления, так и частного предупреждения, что свидетельствует, во-первых, о сложности разграничения эмпирических проявлений исправления и частного предупреждения преступлений и, во-вторых, о главенстве цели предупреждения преступлений, поглощающей в своих проявлениях цель исправления.

Наконец, в теории встречается термин «эффективность судебной практики». В. С. Минская, анализируя эффективность наказаний за коррупционные преступления, применяет этот термин, хотя его содержание не раскрывает. Однако из контекста можно сделать вывод, что этот автор считает судебную практику по делам о коррупционных преступлениях неэффективной, заключая, что она нуждается в активизации с тем, чтобы задействовать тот карательный потенциал наказаний, которым обладает действующее законодательство. Совершенство закона при отсутствии воли его применять является, по мнению этого автора, залогом неэффективности борьбы с преступностью². Соглашаясь с низкой оценкой эффективности судебной практики по коррупционным преступлениям, мы не разделяем сделанного вывода, в соответствии с которым эффективность судебной практики ставится в прямую зависимость от использования ею карательного потенциала наказаний.

Если толковать такой вывод как необходимость существенного ужесточения назначаемых наказаний, то такой подход не будет соответствовать положениям уголовного законодательства. Суд обладает усмотрением при назначении наказания, выбирая его вид и размер, руководствуясь положениями ст. 60 УК РФ «Общие начала назначения наказания», которые не содержат требований по назначению как можно более строгих наказаний.

Другое дело, что в ряде случаев, как например по ст. 290 УК РФ «Получение взятки», как мы это покажем в соответствующем параграфе, в большинстве случаев назначаются необоснованно мягкие наказания, не соответствующие

¹ См.: Фролова С. М. Понятие эффективности исправительных работ применительно к несовершеннолетним осужденным // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 54. Томск, 2012. С. 57–58.

² См.: Минская В. С. Уголовная ответственность за коррупционные преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2009. № 14. С. 60.

щих опасности взяточничества и потребностям борьбы с этим явлением. Таким образом, реализуемая судебная политика в этой сфере не соответствует декларируемым государством заявлениям о нетерпимости к проявлениям коррупции. Такая ситуация сама по себе требует самостоятельного изучения. Для нас же важным представляется то обстоятельство, что складывающаяся судебная практика может в значительной степени влиять на эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания. Таким образом, состояние судебной практики назначения наказания по уголовным делам необходимо включать в оценку эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания.

А. Э. Жалинский рассматривает эффективность применительно к уголовному праву, уголовному правотворчеству, а также практике применения уголовного закона¹. Полагаем, что рассмотренные этим автором понятия эквивалентны уже рассмотренным нами соответственно эффективности уголовного закона, уголовной политике, а также судебной практике.

Завершая обзор использования термина эффективность в уголовно-правовой сфере, можно сделать вывод, что оценка эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания входит составной (и, наверное, основной) частью в оценку эффективности уголовного наказания в целом, которая, в свою очередь является определяющей при оценке эффективности уголовного закона (уголовной политики).

Содержание термина «эффективность» в уголовно-правовой сфере

Мы не случайно используем вначале термин «уголовно-правовая сфера», пусть он и представляется несколько неудачным, поскольку, как показано выше, термин эффективность применяется к различным правовым и надправовым категориям, имеющим общую уголовно-правовую направленность. Таким образом используемый термин — это попытка объединить в одном месте разнообразные ипостаси эффективности.

Как мы уже отмечали, анализируя термин «эффективность», ключевым для его понимания является достижение результатов. В теории уголовного права этот термин зачастую связан с достижением целей уголовно-правового воздействия. И это тоже закономерно, поскольку цель — это идеальное мысленное предвосхищение результата деятельности².

В теории уголовного права оценка как представление о том, что эффективность правовых норм необходимо оценивать через результат, появилось не сразу. В начале обсуждения проблем эффективности права предполагалось их качество оценивать на основании их оптимальности, правильности, обоснованно-

¹ См.: Жалинский А. Э. Оценки эффективности уголовно-правовой борьбы с преступностью // Право и политика. № 4 (112). С. 819–826.

² См.: Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 1993. С. 1473.

сти и целесообразности правовых норм¹.

Нет никаких сомнений, что гораздо лучше принимать правильные и оптимальные нормы, чем неправильные и неоптимальные. Однако и при таком подходе мы не можем уклониться от решения вопроса — как оценивать правильность и оптимальность? Если говорить об оптимальности то она определяется как некий компромисс: существуют решения, приводящие к абсолютному результату быстро но с большими издержками, либо, наоборот, медленно, но малозатратно. Впрочем, примером соотношения различных параметров можно привести множество. Полагаем, что критерий оптимальности интересен с теоретической точки зрения, и в ряде случаев теории права, включая в оценку эффективности издержки правового регулирования, говорят, по нашему мнению, именно об оптимальности.

Что же касается характеристик норм права как правильных, обоснованных, целесообразных, то с этим невозможно не согласиться. Полагаем, что при оценке правовых норм эти критерии при соответствующем уточнении вполне могут быть использованы в качестве условий их эффективности.

О необходимости соотношения эффективности с оптимальностью указывали также И. С. Самощенко и В. И. Никитинский, включающие в оценку кроме собственно эффективности, определяемой в соответствии со степенью приближения к цели, полезности (соотношения между результатом действия нормы и побочными последствиями) и экономичности (материальных затрат, необходимых для обеспечения функционирования нормы)².

В дальнейшем рассматриваемый подход сменился функционально-целевым (названным так В. А. Федосовой)³. Примером здесь является определение эффективности, данное авторами монографии «Эффективность правовых норм», посвященной эффективности правовых норм. Здесь она понимается как отношение между фактически достигнутым результатом и той целью, для достижения которой нормы были созданы⁴. Сходное определение дал О. Г. Перминов, по мнению которого эффективность правового регулирования понимается как действенность достижения целей, которые первоначально ставились законодателем⁵.

По мнению В. М. Баранова, при оценке эффективности правовой нормы необходимо учитывать то, как ее применение способствует достижению целей правового регулирования. Саму же цель этот автор видит в том, чтобы не со-

¹ См.: Керимов Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М., 1960. С. 143; Лебедев М. П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1.

² См.: Самощенко И. С., Никитинский В. И. Изучение эффективности действующего законодательства // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 3–12.

³ См.: Федосова В. А. Эффективность действия норм советского права. Воронеж, 1984. С. 19–20.

⁴ См.: Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 22.

⁵ См.: Перминов О. Г. Проблемы реализации наказания. М., 2003. С. 168.

вершались деяния, запрещенные соответствующими нормами под угрозой наказания. Следовательно, под эффективностью необходимо понимать степень приближения полученного результата к цели¹.

В монографии «Теоретические основы предупреждения преступности» А. Э. Жалинский определил эффективность как качественно-количественную характеристику, отражающую определенное соотношение целей и результатов².

Таким образом, указанные авторы несколько отходят от словарных определений эффективности, понимая под ней не фактически полученный результат, а измеренную каким-либо образом степень соответствия полученного и ожидаемого результатов.

В целом, такое определение эффективности через цель в уголовном праве представляется целесообразным, поскольку сама цель уголовно-правового регулирования достаточно четко определена, как это сделано в ст. 2 УК РФ «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации». При этом могут быть внятно сформулированы желаемые результаты применения уголовного наказания.

Иногда используются сходные, но менее качественные, размытые формулировки, когда эффективность отождествляют с результативностью воздействия правовых норм³. Недостаток такого определения видится в излишнем, без нужды, усложнении терминологии, когда вместо терминов, понимаемых более-менее единообразно (что очень важно в теоретических работах), используются неопределенные понятия, например «результативность», которые сами нуждаются в определении.

В. А. Федосова выделяет также причинно-функционально-целевой подход оценки эффективности, когда кроме результативности нормы оценивается и ее совершенство⁴. По данному поводу хотелось бы заметить, что совершенство нормы определяется множеством обстоятельств: применением лаконичных, не допускающих многозначных толкований формулировок, юридической техникой, исключением дублирования и т. д. Однако эти обстоятельства к эффективности правового регулирования, на наш взгляд, имеют косвенное отношение. Положения действующего уголовного законодательства (как, впрочем, и предшествовавшего УК РСФСР 1960 г.) неоднократно изменялись, формулировки тех или иных положений оспаривались теоретиками, однако сами нормы при этом работали на предупреждение преступлений. Другое дело, что качество законодательного описания нормы может повлечь затруднения в судебной практике (например, при недостаточной определенности существенных признаков состава преступления) и, в конечном итоге, снизить ее эффективность. Таким

¹ См.: Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 92.

² См.: Теоретические основы предупреждения преступности / А. С. Клочков, В. Н. Шляпочников, В. Н. Кудрявцев и др. М., 1977. С. 241.

³ См.: Шикит Е. П. Основные условия эффективности применения права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 5.

⁴ См.: Федосова В. А. Указ. соч. С. 20.

образом, качество законодательного описания играет весьма важную, но вспомогательную роль в процессе применения нормы, поэтому и рассматривать его надо в роли условия эффективности нормы.

Необходимо отметить также еще один важный и перспективный для целей нашего исследования момент. В монографии «Эффективность правовых норм» авторы разделяют эффективность на юридическую и социальную. Юридическая заключается в ориентации деятельности людей в направлении, задаваемом самой нормой, а социальная — в более отдаленных социальных последствиях, являющихся целью государственного управления. Справедливо отмечается, что правовая норма — это средство для достижения более глубоких социальных целей, имеющих классово-партийный, общественно значимый смысл¹.

Идея такого разделения представляется весьма ценной, позволяющей преодолеть ограниченность узко-правовых критериев эффективности и «выйти на оперативный простор» в проблеме определения эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания. Действительно, ориентируясь лишь на показатели преступности, в своих оценках исследователи добровольно ограничивают себя достаточно капризными и непредсказуемыми инструментами, характеристики которых «гуляют» в широких пределах, а латентность не позволяет иногда точно оценить даже порядок явления.

Интересным полигоном для обкатки идеи оценки нормы через ее социальную эффективность могут стать преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, правовая база борьбы с которыми сильно деградировала после 2003 года. Здесь отправная посылка заключается в том, что эффективность предупреждения преступлений может оцениваться не только по динамике рецидива или преступности в сфере незаконного оборота наркотиков, но и по более отдаленным целям социального регулирования, связанным с обеспечением здоровья населения.

Условия эффективности норм

В научной литературе разграничивается вопрос о содержании понятия «эффективность правовых норм» и условиях, при которых норма может быть эффективной.

Авторы монографии «Эффективность правовых норм», тщательно проработавшие этот вопрос, в качестве таковых называли: 1) соответствие нормы классовой и социальной структуре общества, системе общественных отношений, идеологии и культуре данной общественно-экономической формации; 2) совершенство законодательства, под которым понимается соответствие положений закона складывающимся в обществе социально-экономическим, идеологическим и культурно-психологическим условиям; 3) организационный аспект эффективности заключается в деятельности правотворческих, правоприменительных и правоохранительных органов.

¹ См.: Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С. Указ. соч. С. 48.

менительных и правоохранительных органов; 4) особенности политической и правовой культуры различных слоев и групп населения, состояние их правового сознания; 5) совершенство правоприменительной деятельности¹.

Обращает на себя внимание, что критерии эффективности можно условно разделить на те, которые зависят от качества правовых норм, их адекватности имеющейся системе общественных отношений, особенностей культуры, политики и т. д. и внешних по отношению к самому праву, не зависящих от него непосредственно. В частности, авторы указывают на особенности политической и правовой культуры различных слоев и групп населения, состояние их правового сознания. Полагаем в этой связи, что право конструируется с учетом особенностей общества, в котором оно будет действовать. Разные по своей эффективности нормы будут применяться в одной и той же среде в расчете на одни и те же группы населения, в условиях одного и того же уровня политической и правовой культуры и правосознания. Поэтому этот фактор нужно учитывать на этапе правотворческой работы. Однако утверждать в период действия нормы, что она не работает, потому что уровень правосознания или уровень его культуры не соответствуют ожиданиям законодателя (или теоретиков права), будет некорректно. В подобных случаях вполне уместна поговорка: «нечего на зеркало пенять, коли рожа крива». В данном случае все претензии по эффективности нормы должны быть адресованы законодателю, который не учел особенностей условий применения нормы и, таким образом, запрограммировал все будущие провалы. Поэтому мы не можем согласиться с отнесением подобных факторов к условиям эффективности правовых норм.

Аналогичным образом, В. М. Сырых относит к условиям социальной эффективности норм права обстоятельства, внешние по отношению к самому праву, не зависящие от него и учитываемые (при должном уровне теоретического обоснования) на уровне законотворческой работы. Так, к числу прочих, к обязательным условиям эффективности он называет уровень экономического развития общества и уровень культуры его членов².

Если разделить такую точку зрения, то можно представить себе такую ситуацию: законодатель отказывается от разработки правовых норм, поскольку текущий уровень экономического развития заранее обрекает на провал все возможные усилия по правовому регулированию. Полагаем, что в реальности такое невозможно и такой капризный законодатель будет заменен на другого, согласного работать и создавать нормы при любых показателях экономики.

Кроме того, в соответствии с предложением В. М. Сырых, напрашивается вывод, что в обществах с низким уровнем экономики наличествует и соответствующего качества правовое регулирование. В связи с этим хотелось бы заметить, что всегда повышению уровня экономического развития и связанного с ним улучшения оснащенности правоохранительных органов, сопутствовало по-

¹ См.: Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С. Указ. соч. С. 76–83.

² См.: Сырых В. М. Указ. соч. С. 270–273.

вышение и качественное улучшение технической вооруженности преступного мира. Поэтому кардинальных изменений в борьбе с преступностью (а нас интересует именно этот аспект правового регулирования) технический прогресс не принес. Более того, как отмечал В. В. Лунеев, основной тенденцией преступности является ее абсолютный и относительный рост¹.

В отличие от названных выше авторов, Л. И. Спиридонов среди условий эффективности правовых норм выделяет только такие, которые зависят от усилий законодателя и правоприменительных органов, относя к таковым своевременность, правильность и полноту отражения в законе свойств общественно опасного деяния, объявленного преступлением; соответствие положений уголовного законодательства общепринятым нормам морали и уровню правосознания; соответствие юридических требований складывающимся в обществе социально-экономическим и политическим закономерностям; стабильность уголовного законодательства, единообразное применение правовых норм; сочетание уголовно-правовых санкций и мер общественного воздействия; состояние информированности населения о содержании уголовно-правовых норм; осознание неотвратимости наказания; стабильность уголовной политики².

В уголовно-правовой теории М. Д. Шаргородский называл следующие условия эффективности уголовных наказаний:

- 1) соответствие уголовно-правового запрета объективным закономерностям, действующим в обществе;
- 2) соблюдение принципов уголовного права;
- 3) неотвратимость наказания;
- 4) стабильность уголовной политики;
- 5) соответствие практики назначения наказаний общественному мнению³.

В перечне условий эффективности, предложенных М. Д. Шаргородским и Л. И. Спиридоновым обращает на себя внимание такое обстоятельство, как стабильность уголовной политики. Полагаем, что оно нуждается в пояснении. Дело в том, что любое понятие и любая категория, рассматриваемые сами по себе в отрыве от действительности, не имеют никакого значения. Стабильность уголовной политики, подразумевающая постоянство уголовного законодательства и правоприменительной практики, в определенных условиях может выступать в качестве обстоятельства, способствующего как повышению, так и снижению эффективности уголовно-правовых норм и, в частности, уголовных наказаний. Поэтому, говоря о достоинствах стабильности, нужно оговаривать, когда это благо, а когда оно оборачивается провалами в борьбе с преступностью, обусловленными неразворотливостью уголовного-правового законодательства. Естественно, если общество стабильно, преступность хорошо изучена и не демонстрирует тенденций к росту, появлению новых видов преступлений, то существо-

¹ См.: Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 14.

² См.: Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 211–221.

³ См.: Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 70.

вание качественных, понятных правоохранительным органам и судам уголовно-правовых норм будет способствовать скорости и качеству их применения. Однако такие «тепличные» условия в нашей стране давно закончились, и стабильность уголовной политики может расцениваться как ее стагнация, катастрофическое отставание от развивающейся преступности. Признаки подобного катастрофического отставания уголовного законодательства появились в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: производители курительных смесей, содержащих наркотические вещества, получили возможность быстро менять их формулу, после чего продают безнаказанно эти вещества в течение нескольких месяцев, пока не будут внесены соответствующие изменения в список запрещенных наркотических веществ и психотропных средств. За это время по стране прокатывается вал смертей от применения таких препаратов, торговцы выбрасывают на черный рынок новое зелье с измененной формулой, и порочный круг замыкается. На сайте «Российской газеты» имеется подборка материалов по этой теме с отсортированными по датам заголовками, более подходящими для репортажей с фронта: «16.10.2014: в Башкирии «спайсами» отравились полсотни человек»; 15.10.2014: на Среднем Урале пятеро подростков отравились «спайсами»; 15.10.2014: на Кубани после спайса девушка погибла, четверо ребят в коме; 14.10.2014: под Волгоградом трое подростков отравились «спайсом»; 14.10.2014: в Майкопе два студента из Чечни отравились спайсом; 14.10.2014: количество отравившихся «спайсом» воронежцев выросло до 37; 11.10.2014: на Кубани от спайса погибла 16-летняя уроженка Луганска; 08.10.2014: на Кубани от отравления спайсами погибли шесть человек» и т. д.¹ Очевидно, что стабильность закона в подобной ситуации равносильна отсутствию самого закона. Поэтому полагаем, что, в первую очередь, интересы охраны интересов граждан, общества и государства от преступных посягательств требуют не столько стабильности законодательства, сколько быстрее приведения его в соответствие с изменениями, происходящими в преступности и в обществе, что, по нашему мнению, равноценно названному М. Д. Шаргородским такого условия эффективности, как соответствие уголовно-правового запрета объективным закономерностям, действующим в обществе. Самостоятельного же значения в качестве условия эффективности уголовно-правовых норм, стабильность уголовной политики, как нам представляется, не имеет.

Также нужно остановиться на таком условии эффективности, как соответствие уголовно-правовых норм принципам уголовного права. М. Д. Шаргородский, выделяя это условие эффективности, рассматривал его с теоретических позиций. Мы же, имея действующий УК РФ, в котором впервые были закреплены принципы уголовного законодательства, можем сделать вывод, что они по своей сути являются рекомендацией законодателю, не мешая, впрочем, их игнорировать. Практически же применение уголовно-правовых норм проис-

¹ См.: Курительные смеси. URL: <http://www.rg.ru/sujet/4039/> (дата обращения: 15.10.2014).

ходит без ссылки на эти принципы. Поэтому, с учетом сложившихся реалий в области уголовно-правового законодательства представляется актуальным не сколько соответствие уголовно-правовых норм принципам уголовного права, сколько учет в правотворческой деятельности результатов научных исследований, касающихся состояния преступности, ее основных тенденций и эффективности имеющихся норм. Таким образом, научно-обоснованный характер правотворческой деятельности представляется нам важным условием эффективности правовых, в том числе, уголовно-правовых норм.

Завершая обзор теоретических представлений об условиях эффективности правовых норм, хотелось бы обратить внимание на то, что наличие замечательного и совершенного законодательства должно подкрепляться его точным и единообразным применением. Как заметил в этой связи М. И. Ковалев, самая совершенная правовая система может оказаться малоэффективной, если ее нормы неверно применяются или не применяются вообще¹. С практической точки зрения неэффективность здесь может проявляться в неприменении норм права (отказах в возбуждении уголовных дел), неоправданном назначении видов и размеров наказаний, не соответствующих общественной опасности совершенных преступлений. В настоящее время подобная тенденция наблюдается при назначении наказаний за получение взятки, о чем будет сказано ниже.

Критерии эффективности

Теоретическая проработка является важным условием эффективности применения норм права, однако заранее смоделировать все возможные последствия применения нормы и качество правового регулирования не всегда представляется возможным. Кроме того, как было показано выше, при функционально-целевом подходе определение эффективности осуществляется с учетом результатов применения права. Поэтому полагаем справедливым теоретическое положение, согласно которому эффективность правовых норм может быть выяснена только при рассмотрении права в действии².

В уголовно-правовой науке оценку эффективности уголовно-правовой политики, уголовного закона, отдельных норм и наказания предлагалось осуществлять на основе показателей преступности, которые, таким образом и являлись критериями оценки эффективности. Такой подход лежит, что называется на поверхности, поскольку и задачи уголовного законодательства, и цели уголовного наказания связаны с противодействием преступности.

В частности, эффективность уголовной политики предлагалось оценивать на основе показателей, характеризующих уровень, динамику и структуру всей преступности; уровень, структуру и динамику рецидивной преступности, а также уровень, структуру и динамику предупрежденных преступлений различ-

¹ См.: Ковалев М. И. К вопросу об эффективности уголовного законодательства // Проблемы эффективности уголовного закона. 1975. Вып. 37. С. 27–38.

² См.: Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов. Казань, 1975. С. 92.

ных категорий¹.

М. Д. Шаргородский для оценки эффективности достижения цели индивидуальной превенции предлагал опираться на динамику рецидивной преступности².

Ряд авторов предлагают оценивать эффективность как достижение результата с минимальными затратами³, в которые предлагается включать материальные затраты на законотворческую деятельность, оценку полученных результатов, издержки и полезность нормы, соотношение издержек и выгод⁴, экономичность нормы (затраты труда на производство по уголовным делам, зависящие от количества квалифицирующих признаков, которые входят в предмет доказывания)⁵.

Как уже говорилось выше, определение эффективности с учетом затратного критерия, сводит эффективность к оптимальности, когда наилучшим является компромиссное решение, предусматривающее некоторое ухудшение получаемых результатов при снижении до приемлемого уровня затрат на их достижение. В зависимости от целей и задач, а также ресурсов, которыми обладает государство, этот показатель может существенно изменяться.

В то же время, говоря об эффективности уголовно-правовых норм, как мы полагаем, нельзя игнорировать результат, особенно, если речь идет о преступлениях против жизни и здоровья граждан, государственной безопасности и ряде других. Поэтому говорить о предпочтительности той или иной реализации уголовно-правовой нормы в связи с экономическими затратами можно лишь в том смысле, что при равной эффективности, одна из них требует меньших затрат. При этом представляется неправильным сравнивать по экономическим затратам нормы действующего законодательства, поскольку к каждой конкретной ситуации применяется лишь определенная норма. Правильнее говорить об эффективности реализации той или иной редакции нормы.

Существование во многих нормах Особенной части УК РФ альтернативных санкций, по нашему мнению, совершенно не означает, что необходимо

¹ См.: Назначение наказания, его эффективность и освобождение от уголовной ответственности и наказания : учебное пособие / под ред. Г. Б. Виттенберга. Иркутск, 1978. С. 12–19.

² См.: Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 61.

³ См.: Паишков А. С., Явич Л. С. Эффективность правовой нормы // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 41–44. См. также: Бикситова Б. С. Эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы (по материалам Оренбургской области) : дис. ... канд. юрид наук. Бишкек, 2006. С. 21.

⁴ См.: Жалинский А. Э. Оценки эффективности уголовно-правовой борьбы с преступностью // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сборник очерков / под ред. В. В. Лунеева. М., 2010. С. 743–756.

⁵ См.: Ермолович Я. Н. Эффективность военно-уголовных норм и эффективность военно-уголовной политики // ЭНИ «Военное право». Вып. 1. URL: http://www.voennoepravo.ru/files/%d0%95%d1%80%d0%bc%d0%be%d0%bb%d0%be%d0%b2%d0%b8%d1%87_4.doc (дата обращения: 15.10.2014).

сравнивать их между собой с учетом экономических затрат на исполнение соответствующих видов наказаний. Судья выбирает конкретный вид наказания, исходя из возможности достижения его целей применительно к каждому конкретному случаю.

Поэтому, говоря о применении экономического критерия эффективности, нужно говорить об особенностях различных редакций норм, предусматривающих те или иные виды уголовных наказаний, оставляя в действующем законодательстве только такие, которые при равных затратах обеспечивают максимальную эффективность, или, наоборот, такую же эффективность как и другие редакции, но при меньших затратах. Впрочем, высокая эффективность норм права, по нашему мнению, может быть обстоятельством, при котором увеличение расходов на их реализацию может признаваться допустимым. Определяющим фактором здесь будет наличие соответствующих свободных ресурсов у законодателя.

Сказанное следует отнести и к тем случаям, когда оценка эффективности производится по размерам издержек и выгод, не имеющих стоимостного выражения. Так, затратный критерий, предложенный А. Э. Жалинским, предполагает оценку расходов, издержек и выгод, включающих лишения, которые несет не только осужденный, но и члены его семьи (материальные и моральные), государство, изолирующее граждан, способных приносить значительную пользу обществу, тиражирование ценностей преступного мира среди всего населения, являющееся последствием неоправданно широкого применения наказания в виде лишения свободы и пр.

В связи с изложенным, представляется, что затратные (экономические, стоимостные и пр.) критерии применения уголовно-правовых норм должны учитываться при оценке затрат на реализацию уголовного законодательства на этапе законотворчества на основе данных о состоянии и динамике преступности, криминологических прогнозов преступности, затрат на расследование преступлений и т. п. Применять же их в качестве критерия оценки эффективности уголовно-правовых норм нам представляется неверным.

Хотелось бы отметить позицию А. Е. Наташева, по мнению которого максимальная эффективность наказания достигается в тех случаях, когда уголовное, исправительно-трудовое, процессуальное законодательство и практика его применения в наибольшей мере способствуют объективным закономерностям развития общества и всей совокупности общественных отношений¹. Полагаем, что в данном случае критерии эффективности отождествляются с условиями эффективности, о чем говорилось выше.

Обобщая проведенный анализ применения категории эффективности в уголовном праве, можно сделать следующие выводы:

1. Эффективность реализации целей уголовного наказания является важ-

¹ См.: *Наташев А. Е., Стручков Н. А.* Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. С. 164.

нейшим условием эффективности всего уголовного законодательства и уголовной политики.

2. Сущность эффективности состоит в способности уголовно-правовых норм реализовывать цели правового регулирования. В случае с уголовным наказанием это выражается в способности достигать его целей.

3. К условиям эффективности уголовного наказания можно отнести:

– соответствие уголовного законодательства закономерностям развития общества;

– его неотвратимость;

– эффективная деятельность правоохранительных органов;

– правильное применение уголовно-правовых норм, реализация судами всего потенциала уголовных наказаний;

4. Критериями эффективности правовых норм следует считать достижение ими целей правового регулирования.

Впрочем, об условиях и критериях эффективности уголовного наказания будет сказано ниже.

1.2. Эффективность наказания и ее критерии

Любая осмысленная деятельность нуждается в оценке полученных результатов. Не является исключением и уголовно-правовое регулирование.

В уголовно правовой сфере законодатель обозначил в качестве задач уголовного права в ст. 2 УК РФ «Задачи уголовного законодательства» охрану целого ряда общественных отношений. Вместе с тем понятие «охрана» подразумевает некоторый процесс, протяженный во времени. Результаты такой деятельности в законе не указываются, и их формулировка представляет собой, по всей видимости, нетривиальное занятие, поскольку в числе последних можно предполагать недопущение новых преступлений, искоренение преступности как явления, повышение уровня защищенности общественных отношений от преступных посягательств и т. д. При этом, в зависимости от ожидаемых конечных результатов могут различаться и применяемые меры уголовно-правового воздействия.

Самостоятельные цели, то есть желаемый результат, имеет лишь один феномен уголовного права — уголовное наказание. Поэтому оценку качества и эффективности уголовно-правового регулирования можно производить лишь на основе сведений об их достижении. Вместе с тем, следует признать, что не для всех провозглашенных в ч. 2 ст. 43 УК РФ целей можно сконструировать какие-то достаточно простые и однозначные критерии, свидетельствующие об их достижении.

Например, исправление осужденного, в соответствии с ч. 1 ст. 9 УИК РФ, предполагает формирование у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Таким образом, исправление за-

конодателем понимается как некий процесс, который, по верному замечанию В. Г. Громова, не может являться целью. Достигнуть же можно лишь какого-то результата, например, исправленности осужденного¹.

В то же время в уголовном праве под исправлением понимается не процесс, а некий результат. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 79 УК РФ, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать его условным.

Таким образом, ни в УК, ни в УИК не определяется, какие результаты должны быть получены в результате исправительного воздействия наказания.

В теории права под исправлением понимается изменение внутренних качеств личности, под воздействием которых субъект воздерживается в будущем от совершения преступлений. Так, И. С. Ной считал, что исправление – это «перековка» осужденного из индивидуалиста в человека, способного личные интересы правильно сочетать с общественными интересами, способного владеть собой, разумно регулировать свои потребности, а не удовлетворять их за счет нарушения законных интересов других граждан². По мнению А. Ф. Мицкевича, результатом исправительного воздействия наказания должно стать воздержание данного лица от новых преступлений в силу наступивших изменений в его психике в виде негативного оценочного отношения к преступным формам поведения, положительного отношения к общепринятым основным правилам поведения и готовности вести себя в соответствии с этими правилами³. В. В. Мальцев приходит к выводу, что исправление осужденного – это такое положительное морально-правовое изменение личности осужденного, обусловленное применением наказания, которое препятствует совершению им новых преступлений⁴.

При всем положительном отношении к содержанию цели исправления осужденных, мы должны констатировать, что каких-либо способов выяснить — действительно ли она достигается, мы не имеем. Невозможно узнать — действительно ли осужденный под воздействием исправительных мер изменил свою систему ценностей, переосмыслил свое поведение или его убеждения и ценности остались прежними. Все что доступно фиксации и научному анализу – это поступки человека, которые могут с определенной степенью достоверности свидетельствовать о произошедших изменениях личности. Впрочем, даже в случае возобновления преступной деятельности нельзя со всей уверенностью утверждать, что причиной этого стала неэффективность ранее назначенного наказания.

¹ См.: Громов В. Г. Об уточнении целей уголовного наказания // Общество. Культура. Преступность : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. Саратов, 2006. С. 57.

² См.: Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 37.

³ См.: Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание. СПб., 2005. С. 114.

⁴ См.: Мальцев В. В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. Волгоград, 2007. С. 111.

Существует еще несколько обстоятельств, затрудняющих оценку эффективности исправительного воздействия уголовного наказания.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что в отечественной криминологии теоретики в своем большинстве рассматривают в качестве причин совершения преступлений деформации личности, возникающие в результате какого-либо негативного воздействия. Например, В. Н. Кудрявцев писал о том, что преступление является результатом деформаций в любом звене событий, образующих генезис индивидуального поведения: деформированные потребности и ценностные ориентации, патологическое состояние субъекта, низкий уровень самоконтроля¹, а В. М. Малков полагает, что совершение конкретного преступления является результатом взаимодействия образовавшихся под воздействием неблагоприятных жизненных условий негативных нравственно психологических свойств личности и внешних объективных обстоятельств, образующих криминогенную ситуацию². Поскольку подобные представления в отечественной криминологии являются преобладающими, они были отражены и в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. При таком понимании причин конкретного преступления закрепление в качестве одной из целей уголовного наказания исправления преступника представляется понятным и оправданным, поскольку появляются четко определенные цели приложения усилий по исправлению (деформации личности) и способы воздействия (труд, воспитательная работа и т. д.).

Однако существуют и другие представления о причинах совершения преступлений, которые способны существенно изменить представления о сущности и методах исправительного воздействия. Так, Ю. М. Антонян полагает, что причиной преступлений во многих случаях, когда субъект не может внятно объяснить свои мотивы, являются бессознательные переживания индивида, побуждающие его к совершению противоправных действий³. Но тогда формы и методы исправления в отношении таких осужденных должны быть скорректированы, поскольку, как указывает сам автор, в отношении многих рецидивистов традиционно применяемые формы и методы воспитательной работы неэффективны.

Однако имеются еще более радикальные воззрения на причины преступлений. Так, Э. А. Поздняков в своей работе «Философия преступления» обосновывает простую мысль, что склонность к отклоняющемуся поведению есть не патология, а самая, что ни на есть норма, соответствующая человеческой природе. Никаких специфических черт личности, присущих только преступникам или, наоборот, законопослушным гражданам, не существует⁴. И такое мнение заслуживает самого серьезного внимания. Действительно, если бы люди не были склонны к девиациям, то нужна ли была государству столь сложная зако-

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 176–177.

² См.: Малков В. Д. Криминология : учебник для вузов. М., 2006. С. 100.

³ См.: Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С. 110–112.

⁴ См.: Поздняков Э. А. Философия преступления. М., 2001.

нодательная система с иерархией запретов и мощный правоохранительный аппарат? И если бы не склонность к отклоняющемуся поведению, то могли ли быть созданы выдающиеся произведения искусства, совершены дерзкие научные открытия, переворачивающие мировоззрение современников и требующие категорического отказа от привычных норм?

Предположение, выдвинутое Э. А. Поздняковым, подтверждается огромным числом латентных преступлений и высоким уровнем лиц, совершивших преступление впервые, и ранее не состоявших на профилактических учетах. Во многих частных компаниях признается факт невозможности заранее выявить возможных похитителей и искоренить, тем самым, хищения. Поэтому появляются управленческие модели, в которых воровство учитывается в качестве одного из факторов, определяющих как потери компании, так и ее доходы, поскольку сотрудники компании, занимающиеся хищениями, как правило, более мотивированы в своей деятельности, приносят больше дохода по сравнению с законопослушными работниками¹.

Если принять эту позицию, то вопрос о возможности исправления повисает в воздухе, не имея какой-либо точки приложения в личности преступника.

Приведенный спектр воззрений на причины преступности далеко не полон, однако и указанные точки зрения достаточно полно иллюстрируют то, что теоретический фундамент, лежащий в основе цели исправления, не является монолитным.

Еще одно обстоятельство, осложняющее возможность оценки эффективности исправительного воздействия, связано со сложностью прогнозирования поведения человека.

Лауреат нобелевской премии И. Р. Пригожин показал, что до недавнего времени классическая наука изучала, в основном, линейные системы, т. е. системы, положение которых в любой заданный момент времени определяется их предыдущим состоянием. Однако, такие линейные, предсказуемые системы, как показывает развитие науки, составляют лишь малую часть во всем наблюдаемом мире. Поведение же большинства систем может быть спрогнозировано лишь в весьма ограниченных пределах. Будучи выведенными из равновесия, в некоторые моменты своего развития такие системы попадают в так называемые точки бифуркации, т. е. состояние, при котором малейшее внешнее воздействие может привести к сколь угодно большому изменению в поведении системы. В качестве примера И. Р. Пригожин приводит маятник. Если к нему приложить незначительное усилие, он начинает демонстрировать свойства линейной системы. Если же маятник поместить в верхнюю точку (точку бифуркации), то никакими средствами современной науки нельзя точно спрогнозировать, в какую сторону он сдвинется. Малейшее внешнее воздействие может изменить состояние маятника в любую сторону².

¹ См.: Мартынов Д. Ворье мое // Компьютерра. 2008. 2 сент. С. 32–34.

² См.: Пригожин И. Философия неустойчивости // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.

Таким образом, предсказательные возможности современной науки по Пригожину ограничиваются периодами времени между следующими друг за другом точками бифуркации (нестабильности). Причем заранее предсказать время их появления также невозможно.

Представляется, что идеи И. Р. Пригожина применимы и к прогнозированию индивидуального преступного поведения. Дело в том, что криминология рассматривает общество и человека в обществе как в достаточной степени прогнозируемые системы. Имея данные, например о личности, окружении, воспитании, как полагают современные криминологи, мы можем определить вероятность совершения им в будущем преступления. Впрочем, оговаривается, что такое прогнозирование эффективно в стабильные периоды развития общества¹.

Несомненно, отсутствие потрясений, кризисов, существенно повышает точность криминологических прогнозов, в том числе, индивидуальных. Однако современное нам общество назвать стабильным сложно. И речь идет не только о каких-то глобальных политических и экономических кризисах, хотя их влияние на преступность, очевидно, велико. Но даже на уровне нормативного регулирования по вине законодательной и исполнительной властей периодически происходят мини-кризисы, серьезно дестабилизирующие ситуацию в обществе. Ярким примером является двукратное увеличение в 2013 г. страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации для индивидуальных предпринимателей². За шесть месяцев, прошедшие с момента принятия этого закона, более 600 тысяч предпринимателей прекратили свою деятельность, поскольку сочли новые размеры страховых взносов неподъемными для своего бизнеса³. С криминологической точки зрения подобные управленческие решения могут быть расценены как криминогенные факторы, выталкивающие без всяких на то причин в сферу теневого бизнеса сотни тысяч человек, со всеми последующими негативными криминологическими последствиями в виде повышения латентности налоговых преступлений, криминализации бизнеса и т. д.

Примеры подобного рода крайне негативно сказываются на эффективности криминологического прогнозирования, когда невозможно предвидеть возможные кризисы, подрывающие стабильность, создающие очередные точки бифуркации, когда малейшее внешнее воздействие может привести практически любого законопослушного гражданина к совершению

¹ См.: Долгова А. И. Криминология. М., 2005. С. 472.

² См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования : федеральный закон РФ от 3 декабря 2012 г. № 243-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50, ч. 5, ст. 6966.

³ См.: Стенограмма встречи Председателя Правительства РФ Д. А. Медведева с членами Общероссийской общественной организации «Деловая Россия». URL: <http://government.ru/news/2653/> (дата обращения: 15.10.2014).

преступления. В жизни любого из нас, подчас неожиданно, возникают сложнейшие, экстремальные ситуации, при которых дальнейшие действия предпринимаются спонтанно, без обдумывания и анализа возможных последствий, в том числе, негативных. Так, решение об увеличении пенсионных отчислений, сделавшее для многих вполне законопослушных людей ведение бизнеса нерентабельным, перед многими предпринимателями неожиданно поставило вопрос о невозможности ведения дел официально и необходимости перехода на «нелегальное положение», осуществления своей деятельности неофициально, без регистрации и уплаты соответствующих налогов. Наверное, ситуации, подобные той, которая возникла после внезапного двукратного увеличения отчислений в Пенсионный фонд, для многих и будут теми самыми точками бифуркации, в которых поведение человека становится принципиально непредсказуемым.

И. Пригожин и И. Стенгерс, в частности, отмечают, что общество является очень сложной системой, испытывающей огромное количество бифуркаций, что существенно ограничивает предсказательные возможности наук об обществе¹. Думается, что это утверждение справедливо и по отношению к возможностям прогноза индивидуального поведения.

В свете всего вышесказанного, по-новому воспринимаются полученные криминологами данные о том, что очень многие преступления совершаются случайно. В частности, А. Э. Жалинский и А. А. Герасун показали, что большинство убийств, изнасилований, разбоев и грабежей совершаются внезапно, неожиданно для всех². Неожиданность совершения преступления такими лицами означает, что виновные не отличались своим поведением, системой ценностей, убеждениями от основной массы населения.

По данным А. Ф. Зелинского из числа осужденных, отбывающих наказания за тяжкие насильственные преступления, 85 % учинили насилие непреднамеренно: 31,2 % намерений возникли в момент встречи с потерпевшим, 24 % – во время ссоры, 10,8 % – в драке, 7 % – в ответ на оскорбление, насилие или иные неправомерные действия потерпевших; 12 % опрошенных лиц заявили, что у них вообще не было преступного умысла и что они не могут объяснить, как все получилось. Более 2/3 утверждали — и это нашло подтверждение в приговорах судов — что отношения с потерпевшими до начала посягательства были нормальными, а нередко и дружескими³.

Приведенные данные свидетельствуют о чрезвычайной сложности, если не о принципиальной непредсказуемости прогнозирования поведения человека на отдаленную перспективу, и заставляют скептически оценивать содержание

¹ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001. С. 276.

² См.: Жалинский А. Э., Герасун А. А. Криминологические аспекты непредумышленных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. № 15. М., 1972. С. 3–10.

³ См.: Зелинский А. Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности // Советское государство и право. 1984. № 9. С. 52–58.

цели исправления осужденных, поскольку уважительное отношение к труду, обществу, общепринятым нормам поведения, которые должны достигаться в процессе исправления, не гарантируют воздержания субъекта от преступления.

И, наконец, говоря о цели исправления, необходимо заметить, что ее содержание, раскрытое в ч. 1 ст. 9 УИК РФ, предполагает приведение убеждений личности, ее системы ценностей к какой-то общепринятой норме. Однако в современном российском государстве, в условиях резкого имущественного расслоения общества, сложно говорить о существовании каких-то общепринятых норм нравственности. Различные группы населения, объединенные общим имущественным положением, отношением к средствам производства, доступом к образованию, здравоохранению, условиям труда и отдыха, вырабатывают специфические групповые нормы нравственности. Как заметил по этому поводу Карл Маркс, способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание¹.

Общественное бытие современной России формировалось в очень сложных условиях после катастрофического распада СССР, резкого роста преступности, безработицы, наркомании, алкоголизма и т. п. Масштабная приватизация, последствия которой до сих пор определяют экономический облик государства, проводилась с массовым нарушением законодательства. Экономист М. Л. Хазин, бывший в 1990-е годы сотрудником министерства экономики РФ и владеющий информацией о приватизации «из первых рук», публично утверждает, что все так называемые олигархи получили свое состояние через приватизацию, которая, по его словам, как в целом, так и в каждом своем элементе, была преступным деянием, как с точки зрения интересов граждан, так и с позиции закона. Поэтому все бенефициары и все организаторы приватизации являются преступниками².

Подобная оценка приватизации имеет место и на уровне высшего руководства нашего государства. Так, Президент В. В. Путин, комментируя судебную тяжбу, протекающую в Лондоне между российскими олигархами, заявил: «Деньги заработаны, украдены здесь – здесь пускай и делят»³.

Парадоксальность приведенных высказываний состоит в том, что из числа так называемых олигархов, к уголовной ответственности был привлечен всего один — М. Ходорковский. В то же время в условиях практически официального признания того, что и остальные также причастны к совершению преступлений, никаких мер по привлечению этих лиц к уголовной ответственности не

¹ См.: Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс и Ф. Энгельс. ПСС. 2-е изд. Т. 13. М., 1959. С. 7.

² См.: Хазин М. Про олигарха Евтушенкова: перевоспитание приватизаторов. URL: <http://www.odnako.org/blogs/pro-oligarha-evtushenkova-perevospitanie-privatizatorov/> (дата обращения: 15.10.2014).

³ Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение. ТВ Россия-1. 2011. 15 дек.

предпринимается. Иначе как двойными стандартами уголовного правосудия, дифференцирующего граждан по признаку участия в приватизационных процессах «первой волны» на обычных и неприкасаемых, назвать сложно. И эта ситуация, на наш взгляд, прекрасно иллюстрирует отсутствие каких-либо единых стандартов нравственности и морали в современном нам российском обществе, в котором большинство, пострадавшее от грабительской приватизации, бессильно наблюдает за безнаказанностью грабителей.

Пример Украины, охваченной войной, показывает, насколько отличаются нормы нравственности олигархических групп, цинично подменяющих интересы государства своими собственными корыстными устремлениями и затеявших во имя этого уничтожение своего народа, и необеспеченных слоев населения, выступающих в роли пушечного мяса. Наивно полагать, что в России все иначе и такого разрыва в нравственных нормах отдельных групп общества у нас нет. В нашем отечестве, например, банкиры, прекрасно зная о бедственном положении кредитора, пострадавшего от наводнения или от другого удара стихии, могут цинично потребовать досрочного погашения кредита. И такие ситуации воспроизводятся регулярно, демонстрируя специфическую ростовщическую мораль, овладевшую частью наших граждан¹.

Прекрасный образчик морали новых русских мы находим у Марии Байбаковой, рассказывающей о том, каким образом необходимо обращаться с прислугой в доме. Само использование термина «прислуга» (в тексте используется без кавычек) является отсылкой к позапрошлому веку, когда существовало жесткое деление общества на господ и слуг. При этом автор всячески подчеркивает наличие своей специфической этики у класса «господ». Например, можно встретить такой пассаж: «Есть еще одно табу, нарушение которого влечет за собой нарушение границ. Как бы вы ни были возмущены и расстроены, нельзя кричать на персонал. Дело даже не в том, что это неэтично (хотя это, конечно, неэтично). А в том, что бурные эмоции мы должны открыто выражать только по отношению к равным»². Полагаем, что прислуга, обращению с которой посвящен опус М. Байбаковой, также формирует в своей среде специфические нормы морали.

Надеемся, что приведенный пример все же не является характерным для современной России. Однако наивным было бы предполагать и единство нравственных и моральных ценностей в современном обществе. Линий разделения можно провести множество, например, сообщество предпринимателей, получающих прибыль за счет использования наемного труда, формирует свою мо-

¹ См.: *Лаврентьева П.* Пострадавших от наводнения на Дальнем Востоке принуждают срочно гасить кредиты. URL: <http://www.odnako.org/blogs/posradavshih-ot-navodneniya-na-dalnem-vostoke-prinuzhdajut-srochno-gasit-kredit/> (дата обращения: 15.10.2014).

² *Байбакова М.* Увольнять прислугу надо быстро и при свидетелях. URL: http://www.tatler.ru/nashi_lyudi/interview_and_photo_set_21/334709_mariya_baybakova_uvolnyat_prislugu_nado_bistro_i_pri_svidetelyah.php#activehp=334711;p=335196 (дата обращения: 15.10.2014).

раль, отличающуюся от морали наемных рабочих (несколько десятков лет назад мы говорили бы в таком контексте о классовой морали эксплуататоров и эксплуатируемых, однако сейчас так говорить не принято).

А если отсутствуют стандарты морального и нравственного поведения в обществе, то невозможно говорить и об общей норме взглядов, оценок, убеждений к которой, по мысли законодателя, должно привести осужденного исправительное воздействие уголовного наказания.

Кроме того, в современной России, когда общество расколото по имущественному признаку, граждане из различных социальных групп имеют качественно отличающиеся возможности доступа к образованию, здравоохранению, условиям труда и отдыха, утверждать, что существуют какие-либо стандарты в духовно-нравственной сфере представляется, по крайней мере, легкомысленным, поскольку радикально отличаются даже источники формирования культурных и нравственных ценностей.

Что понимать в подобной ситуации под деформацией в духовно-нравственной сфере — абсолютно неясно. Является ли нормальной духовно-нравственной сферой олигарха, сколотившего состояние путем махинаций во время приватизации и выступающего в настоящее время столпом общества, политическим деятелем? Можно ли считать нормальным подогреваемое рекламой в официальных СМИ острое желание малоимущего подростка купить престижный дорогой смартфон? Впрочем, возможна постановка вопроса и в марксистском стиле: является ли этичным присвоение предпринимателями прибавочной стоимости, произведенной трудом наемных рабочих?

Таких вопросов можно задавать множество и ответы на них либо неочевидны, либо их решение не представляется возможным в рамках складывающейся экономической и политической системы. И это значит, что мы не можем в условиях современного социального антагонизма в России сформулировать какой-либо приемлемый стандарт морального и нравственного поведения, охватывающий все стороны жизни граждан, а, следовательно, и понять, что будет являться деформацией, порождающей преступное поведение. Разумеется, по ряду ключевых вопросов, таких, как, недопустимость причинения смерти, вреда здоровью, консенсус исторически сложился (хотя и здесь возможны различные варианты), но речь идет о более широком круге вопросов.

Сформулированное в УИК РФ понятие исправления в виду вышесказанного представляется в некоторой степени наивным, отражающим советские представления о должном, которые диссонируют с современностью. Между тем, на подобных представлениях о причинах преступности в отечественном законодательстве возводится стройная концепция исправления осужденного путем применения к нему мер уголовного и уголовно-исполнительного воздействия.

Ввиду изложенного, нам представляется весьма проблематичной возможность оценки эффективности исправительного воздействия уголовного наказания. Впрочем, и в советское время М. Д. Шаргородский критически оценивал

такую возможность¹.

То же самое можно сказать и о другой цели уголовного наказания — восстановлении социальной справедливости. Нет полной ясности о сущности термина «социальная справедливость», в чем она проявляется и чем отличается от просто справедливости, каковы могут быть критерии достижения этой цели.

Если предположить, что эта цель достигается привлечением лица к уголовной ответственности за совершенное преступление и назначением ему наказания, то проблем оценки эффективности реализации соответствующей цели уголовного наказания не возникает: наказание назначено — значит социальная справедливость восстановлена.

Однако, полагаем, все обстоит несколько иначе, поскольку при таком упрощенном понимании эффективность реализации цели уголовного наказания определяется не самим наказанием, его содержанием, продолжительностью, качеством исполнения, а лишь формальной процедурой его назначения: если процедура соблюдена, то будет назначено наказание, а, значит, реализуется цель восстановления социальной справедливости. Очевидно, что при таком подходе цель уголовного наказания подменяется целью процессуальной, что полагаем неправильным.

Если же рассматривать восстановление социальной справедливости как приведение в исходное состояние нарушенных преступлением общественных отношений, то, как верно указывает В. Г. Громов, такая цель в ряде случаев не сможет быть достигнута. Это касается многих случаев причинения вреда здоровью, убийств, причинения материального вреда².

Складывающаяся законотворческая и правоприменительная практика не вносят ясности, еще более запутывая этот вопрос, поскольку во многих случаях назначаемое наказание и возможности освобождения от него или от уголовной ответственности находятся в зависимости от социального (экономического, служебного) положения виновного. Например, лицам, осуждаемым за взяточничество без отягчающих обстоятельств, с вероятностью 96 % будет назначено наказание, не связанное с лишением свободы³. С учетом повышенной общественной опасности этого явления назначаемые взяточникам в большинстве случаев кратные штрафы мы считаем не соответствующими цели социальной справедливости.

Интересная ситуация складывается в сфере противодействия экономическим преступлениям. Например, наказание за мошенничество, сопряженное с предпринимательской деятельностью, в настоящее время значительно мягче, чем за простое мошенничество. Налицо прямая связь между размером наказания и имущественным положением осужденного, что, по нашему мнению, ни-

¹ См.: Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 61.

² См.: Громов В. Г. Основные направления снижения криминогенного потенциала мест лишения свободы. М., 2008. С. 156.

³ Подробнее об этом будет говориться в главе, посвященной эффективности наказания за получение взятки.

как не может являться восстановлением социальной справедливости. В противном случае мы должны признать социальное неравенство и связанное с ним неравенство при привлечении к уголовной ответственности и назначении наказания нормой.

Указанные соображения позволяют нам согласиться с позицией С. И. Курганова, полагающего, что понятие социальной справедливости в силу своей неопределенности и конъюнктурности, идеологической и политической перегруженности не должно использоваться в уголовном законодательстве правового государства¹. Неопределенность в содержании данной цели, отсутствие указаний на субъектов, ее реализующих, не позволяют выработать простые критерии оценки эффективности ее реализации.

Таким образом, из трех целей уголовного наказания не представляется возможным сформулировать какие-то внятные показатели оценки эффективности их достижения для двух — исправления осужденных и восстановления социальной справедливости.

Несколько иначе обстоит дело с третьей целью уголовного наказания — с предупреждением преступлений, которая в теории подразделяется на цели общего и специального предупреждения. М. Д. Шаргородским были предложены критерии оценки эффективности уголовного наказания, характеризующие его предупредительное воздействие — динамика рецидива преступлений, характеризующая эффективность индивидуального предупреждения преступлений и динамика преступности — отражающая эффективность общей превенции².

Полагаем, что предложенные М. Д. Шаргородским критерии могут быть использованы при оценке эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания с определенными ограничениями:

1. Рецидив преступлений может свидетельствовать о сформировавшейся устойчивой антисоциальной направленности личности. Однако повторение преступлений может быть не связано с неэффективностью предыдущего наказания, а являться результатом случайного стечения обстоятельств, либо возникновения принципиально других мотивов, чем те, по которым преступления совершались ранее.

2. Немаловажным обстоятельством является криминогенность мест лишения свободы, закономерно порождающая рецидив преступлений. Мы не можем точно сказать — стало ли совершенное повторно преступление результатом неэффективности уголовного наказания, либо условия отбывания наказания привели к деформациям в системе ценностей осужденного, подтолкнули его к общению с преступными авторитетами, «обучившими» традициям и нравам преступного мира, что в совокупности явилось причиной нового преступления. Проблема криминогенности (способности порождать преступность) мест

¹ См.: Курганов С. И. Изменение целей наказания: кризис права или кризис общества? (Криминологический анализ) // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 1999. С. 249.

² См.: Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 61.

лишения свободы известна давно. Еще в 1906 г. М. Н. Гернет называл тюрьму фабрикой преступности¹, а спустя век эта проблема продолжает являться предметом монографических исследований².

3. По ряду преступлений рецидив (особенно специальный) не встречается, особенно если наказание связано с запретом на осуществление определенной деятельности. Это касается, в первую очередь, должностных преступлений. Как показывают некоторые исследования, должностные лица, получившие, например, взятку, в массе характеризуются положительно³. Однако после отбывания наказания они, как правило, исключаются из когорты должностных лиц, не могут занимать должности, потенциально связанные с получением взяток, поэтому специальный рецидив в таких случаях исключается. Впрочем, сказанное справедливо и для ряда других преступлений со специальным субъектом, которому при назначении наказания дополнительно запрещается заниматься определенной деятельностью. Однако отсутствие рецидива не позволяет делать вывод об абсолютной эффективности индивидуального предупреждения, поскольку указанные лица не совершают вновь преступлений не потому что наказание эффективно, а в силу физической невозможности это сделать.

4. Выбор в качестве критерия оценки эффективности специального предупреждения динамики рецидива исключает из поля зрения исследователей огромный пласт неосторожных преступлений, повторение которых не образует данного вида множественности, повторение в разной последовательности умышленных и неосторожных преступлений, а также умышленных преступлений, судимости за которые, в соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ, не учитываются при рецидиве преступлений, совершенных в несовершеннолетнем возрасте, либо на закате преступной карьеры, когда продолжение преступной деятельности невозможно в силу возраста или состояния здоровья.

5. Существуют обстоятельства, влекущие погрешности при оценке динамики рецидива:

- латентность отдельных видов преступлений;
- пристальное внимание правоохранительных органов к ранее судимым лицам, когда при прочих равных обстоятельствах совершаемые ими повторно преступления чаще становятся известны, в то время, когда аналогичные деяния, совершенные лицами, ранее не попадавшими в поле зрения правоохранительных органов, могут оставаться не раскрытыми. Данные на рецидивистов имеются в различных учетах, они в первую очередь проверяются на причастность к совершаемым преступлениям, поэтому вероятность их задержания за совершенное повторно преступление, может быть выше, чем для лиц, данными о

¹ См.: Гернет М. Н. *Общественные причины преступности // Избранные произведения*. М., 1974. С. 44.

² См., напр.: Громов В. Г. *Указ. соч.*

³ См.: Гончаренко Г. С. *Криминологический анализ личности коррупционного преступника*. URL: <http://www.advpalataro.ru/info/trainings.php?ID=7291&PHPSESSID=1f76101c7db18ed2ef817067e36e149f> (дата обращения: 15.10.2014).

преступной деятельности которых правоохранительные органы не располагают.

6. В криминологии принято разграничивать причины конкретного преступления и причины преступности в целом. То же самое можно сказать и о причинах рецидива со стороны отдельного лица и причинах рецидивной преступности как массового явления. В последнем случае на динамику рецидивной преступности будут влиять обстоятельства, не связанные прямо с исполнением наказания, такие как качество проведения мероприятий по социальной реабилитации осужденных, общая экономическая ситуация в стране, готовность работодателей принимать на работу судимых лиц, разрыв социальных связей отбывшего уголовное наказание лица, а также иные причины и условия, характерные для преступности в целом. Предупредительное воздействие уголовного наказания является, таким образом, далеко не единственным фактором, определяющим состояние и динамику рецидивной преступности, поэтому судить по этим показателям об эффективности наказания можно с существенными оговорками.

Между тем, все вышесказанное совершенно не означает, что динамика рецидива преступлений совершенно не пригодна для использования в качестве критерия эффективности специального предупреждения. Полагаем, что речь идет лишь о разумном ограничении использования данного критерия с учетом приведенных соображений. Представляется, что более-менее объективным показателем может быть уровень специального рецидива, когда повторение тождественных преступлений действительно выступает результатом глубоких деформаций духовно-нравственной сферы и проявлением преступной профессионализации.

Как мы уже отмечали, в качестве критерия эффективности общего предупреждения М. Д. Шаргородский предлагал использовать динамику преступности.

Соглашаясь, в целом, с данным предложением, также необходимо отметить и недостатки этого показателя в качестве критерия эффективности.

1. Динамика преступности зависит от множества факторов, из которых уголовное наказание – далеко не единственный.

В ряде случаев судебная практика назначения уголовных наказаний по отдельным видам преступлений остается стабильной на протяжении длительного времени, в то время, как динамика соответствующих общественно опасных деяний демонстрирует колебания.

Р. Г. Искалиев в своем диссертационном исследовании приводит в качестве примера подобного рода динамику экономической преступности в целом и динамику налоговой преступности, кривые которых демонстрировали колебательное поведение, связанное с изменениями в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, ликвидацией налоговой полиции и другими факторами¹.

¹ См.: *Искалиев Р. Г.* Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств и

В. С. Васильев проанализировал статистические данные о преступности во Владимирской области с 1946 по 1994 гг. и показал, что крупные социальные потрясения вызывают сильные всплески преступности. Самое любопытное, по нашему мнению, состоит в том, что кривая преступности аппроксимируется синусоидальной кривой, повторяющей затухающие движения маятника, выведенного из равновесия сильным внешним воздействием и в течение определенного времени возвращающегося в спокойное состояние¹. При этом разнонаправленные затухающие колебания кривой преступности определяются не строгостью наказаний, которые в этот период не меняются, а внешними обстоятельствами. Поэтому само по себе изменение преступности не свидетельствует об эффективности или неэффективности предупредительного воздействия уголовного наказания и о необходимости его менять.

2. Необходимо учитывать латентную составляющую, которая по отдельным видам преступлений очень велика. В теории приводились оценки латентности отдельных видов преступлений. Например, для незаконного предпринимательства в сфере строительства она достигает 100 %², латентность налоговых преступлений лежит в пределах 90–95 %³. В 2005 г. Генеральный прокурор РФ выступил с оценкой латентной составляющей преступности в стране. По его данным фактически за год совершается 9–12 млн преступлений, при официально зарегистрированном количестве 3,5 млн.⁴ Таким образом, можно говорить о том, что уровень латентности всей преступности достаточно велик и может достигать 70 %.

Ввиду значительного уровня латентности исследователи отдельных видов преступности зачастую оперируют лишь приблизительными данными о фактическом их количестве. Оценивать же динамику отдельных видов преступлений, имея весьма приблизительные представления об их латентной составляющей, весьма проблематично. В подобных случаях оценку эффективности предупредительного воздействия наказания следует проводить по косвенным признакам, в частности для налоговых преступлений это может быть динамика собираемости налогов и сборов. Теоретическое обоснование подобного подхода мы по-

имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 30–33.

¹ См.: *Васильев В. С.* Причинность преступности и статистические закономерности // Криминальная ситуация на рубеже веков в России / под ред. А. И. Долговой. М., 1999. С. 62–66.

² См.: *Мадатов Я. Г.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с незаконным предпринимательством в сфере строительства : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 6.

³ См.: *Соловьев И. Н.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений (ст. 198 и 199 Уголовного кодекса) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 431; *Шаринова А. Р.* Уголовное преследование по делам о налоговых преступлениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 2.

⁴ См.: *Шкель Т.* Исцелился сам. Генпрокурор вскрыл болезни общества // Российская газета. 2005. 10 марта.

пытаемся дать в следующих главах.

Таким образом, имеются серьезные ограничения на использование динамики рецидива и преступности в качестве показателей эффективности соответственно индивидуального и общего предупреждения. В частности, эффективность общего предупреждения на основе анализа динамики отдельных видов преступлений должна оцениваться с обязательным учетом латентной составляющей, измеренной по возможности с максимальной точностью, что, к сожалению, не всегда возможно.

Сказанное, разумеется, ни в коем случае не исключает эти критерии из рассмотрения, однако имеющиеся ограничения заставляют вести поиск иных критериев эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания.

1.3. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания как основание криминализации

Теорий, объясняющих феномен преступления, очень много. Вместе с тем само появление и существование таких теорий предполагает, что их авторы не сомневаются в существовании качественных отличий между преступлениями и всякими иными правонарушениями, оправдывающими строгость мер, применяемых к нарушителям уголовного законодательства, и заключающихся в существенном ограничении прав и свобод осужденных, вплоть до смертной казни (не отмененной до сегодняшнего времени в Российской Федерации, хотя на практике и не применяемой).

Обоснованием особого положения преступления в ряду прочих деликтов является его общественная опасность, то есть способность преступления причинять вред или создавать угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Положения о сущности и характеристиках общественной опасности были подробно проработаны в уголовно-правовой теории, а само это понятие играет в отечественном уголовном праве исключительно важную роль. Оно используется:

- в определении преступления,
- при разграничении преступлений и малозначительных деяний,
- при назначении наказания,
- при определении категории преступления, вменяемости, невиновного причинения вреда, пределов необходимой обороны,
- при условном осуждении,
- при освобождении от уголовной ответственности и наказания.

Осознание общественной опасности деяния является обязательным признаком интеллектуального элемента вины. Наличие этого признака в деянии является основанием для криминализации, а его отсутствие – для декриминализации ранее предусмотренных уголовным законодательством посягательств.

Таким образом, общественная опасность в отечественном уголовном праве является универсальной категорией, пронизывающей все его институты, и определяющей сущность, форму и методы уголовно-правового воздействия.

В соответствии с определением преступления, содержащимся в ч. 1 ст. 14 УК РФ, общественная опасность является обязательным признаком преступления, отличающим его от малозначительных деяний и иных правонарушений, поскольку, в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ, деяния, не являющиеся общественно опасными, преступлениями признаваться не могут. Это положение развивается в ст. 2. 1 КоАП РФ, в соответствии с которым определение проступка данного признака не содержит.

На этом фундаменте законодатель выстроил стройную, теоретически обоснованную систему уголовно-правовых норм.

Вместе с тем у нас имеются серьезные сомнения относительно правомочности такого подхода. В процессе криминализации законодатель зачастую в качестве криминообразующего признака использует размеры причиненного ущерба (значительный, крупный, особо крупный). Если реально причиненный деянием вред меньше указанного в соответствующей статье УК РФ, то уголовная ответственность исключается, хотя лицо может быть привлечено к другим видам ответственности. Например, если стоимость похищенного имущества не превышает 1000 рублей, виновное лицо привлекается к административной ответственности по ст. 7. 27 «Мелкое хищение» КоАП РФ. Если же эта сумма превышена хотя бы на 1 копейку, возникают основания для привлечения к уголовной ответственности. Значит ли это, что законодателю удалось точно определить границу, отделяющую общественно опасное поведение от неопасного? Наверное, нет. Устанавливая границу в 1000 рублей, законодатель исходит из того, что размер похищенного при мелком хищении не должен быть слишком маленьким, чтобы уголовное правосудие не захлебнулось под валом мелких краж. С другой стороны, он не может быть слишком большим. Размер похищенного при уголовно-наказуемом хищении должен быть чувствительным для подавляющего большинства населения страны и побуждать потерпевшего обращаться с заявлением о хищении в правоохранительные органы. Поэтому установленная верхняя граница мелкого хищения в 1000 рублей — это условная величина, отражающая определенный баланс между двумя требованиями. При этом учитывается и психология восприятия. Например, для граждан приемлемой является цена товара в 999 руб. или даже 999 руб. 90 коп., а чуть большая стоимость в 1 тыс. руб. находится за неким психологическим барьером, отпугивающим часть покупателей.

Следует учесть, что граница между мелкими и уголовно-наказуемыми хищениями, равная 1000 руб., установлена еще в 2008 г. С тех пор, в связи с инфляцией, товарное наполнение этой суммы существенно уменьшилось (условно говоря, на 1000 рублей в 2008 г. можно было купить больше товара, чем на эту же сумму в 2014 г., а хищение на сумму в 1001 рубль в 2008 г. более опасно, чем хищение, совершенное в таких же размерах в 2014 г.). Однако со-

ответствующих изменений в законодательстве мы не наблюдаем, что может свидетельствовать о том, что законодатель не считает принципиальным изменение реальной стоимости ущерба от хищений в связи с инфляцией.

Таким образом, можно заключить, что граница между преступлением и проступком в данном случае проведена формально. Она вполне могла составлять как 1100, так и 900 рублей, что не отразилось бы существенно на состоянии качества охраны общественных отношений в сфере собственности.

Вместе с тем каких-то существенных различий между мелким и уголовно-наказуемым хищением не имеется, оба этих деяния являются общественно опасными. Такой вывод следует из массового характера мелких хищений, наличия специфических видов мелких хищений, таких, например, как кражи из супермаркетов, по месту работы, которые совершаются лицами, специализирующимися на подобных видах деятельности, что влечет не только значительный прямой ущерб, но и косвенный, выражающийся в росте расходов на содержание охраны, служб технического контроля видеонаблюдения, снижении уровня удобств для законопослушных покупателей и т. д.

Полагаем, что приведенные аргументы справедливы и для многих других преступлений, составы которых предусматривают в качестве криминообразующего признака фиксированные суммы, размеры в денежном выражении.

В других случаях, когда в качестве критерия разграничения преступного и непроступного поведения выступают иные, не денежные величины, ситуация сходная.

Рассмотрим пример с незаконным оборотом оружия. В соответствии с ч. 1 ст. 6 Закона РФ «Об оружии» запрещено к обороту в качестве гражданского и служебного оружие, имеющее длину ствола или длину ствола со ствольной коробкой менее 500 мм и общую длину оружия менее 800 мм. Законодатель, устанавливая предельные габаритные размеры, преследует цель воспрепятствования оборота оружия, допускающего скрытое ношение, поскольку это деяние общественно опасно. Однако, формализация запрета неминуемо приводит к тому, что незаконное хранение обрезка охотничьего ружья длиной 801 мм., который также легко можно спрятать, например, под полый пальто, особенно если субъект обладает высоким ростом, с правовой точки зрения не образует состава преступления.

Полагаем, что как и в рассмотренном выше примере с хищениями, предельная длина оружия установлена формально и не свидетельствует о качественных отличиях в степени общественной опасности незаконного оборота оружия, имеющего длину 800 и 801 мм. Оба деяния, без всякого сомнения, являются общественно опасными, однако в первом случае по воле (или прихоти) законодателя имеет место преступление со всеми вытекающими для субъекта уголовно-правовыми последствиями, а во втором — административное правонарушение.

В сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ уголовно наказуемое хранение таких веществ отличается от соответст-

вующего административного правонарушения, предусмотренного ст. 6. 8 КоАП РФ, размером хранимых веществ. В настоящее время значительный размер, выступающий в качестве криминообразующего признака установлен, к примеру, для героина в размере 0,5 г. По состоянию на 2003 г. это количество было в 100 раз меньше – 0,005 г, а в 2004 г. оно кратковременно было увеличено в 200 раз – до 1 г. Рационально объяснить такие колебания мы не можем. Первоначальный размер в 0,005 г понятен – это количество героина, которое может оставаться в шприце после инъекции и определяться экспертизой. Такой размер полностью исключал героин из легального оборота. Почему значительный размер был многократно увеличен – абсолютно неясно. У нас есть очень серьезные сомнения в том, что испытывающая такие грандиозные колебания граница между преступным и непроступным хранением наркотических средств соответствует реальному изменению общественной опасности соответствующего деяния. Лица, склонные к немедицинскому потреблению наркотиков в настоящее время могут без оглядки на уголовное преследование приобретать мелкооптовые партии наркотиков. Таким образом, уменьшается число их контактов со сбытчиками, а, значит, и вероятность задержания последних. Следует учесть и то, что размер наркотических средств, хранение которых не влечет уголовной ответственности, значительно превышает размер смертельной дозы для человека. Таким образом, наркоман, приобретая такое количество наркотиков, ставит себя в опасное для жизни состояние, связанное с возможной передозировкой.

Учитывая это, мы полагаем, что общественно опасным является не только хранение наркотических средств без цели сбыта в значительном размере, но также и их хранение в меньших размерах, являющееся по действующему законодательству административным правонарушением. Поэтому следует признать, что формальное деление правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков на преступления и административные проступки не связано с наличием или отсутствием общественной опасности хранения наркотиков. Скорее всего, колебания законодательства являются отражением скрытых от наблюдения негативных политических процессов и не соответствуют реальной опасности незаконного хранения того же героина.

Примеры подобного рода, когда правонарушение отделяет от преступления не степень общественной опасности содеянного, а лишь тончайшая, формально проведенная грань, можно приводить долго. Полагаем, что в общей массе всех преступлений посягательства, качественно не отличающиеся от правонарушений, составляют значительное большинство.

Такой вывод можно сделать исходя хотя бы из того, что один единственный вид преступлений, кража, отличающаяся от мелкого хищения лишь по формальному признаку, составляет около половины всех совершаемых преступлений.

Изложенное позволяет сделать вывод, что свойство общественной опасности не является исключительной прерогативой преступлений. В определенной степени общественно опасными являются также и правонарушения.

Констатация этого очевидного обстоятельства имеет огромное значение для уголовно-правовой теории, которое, прежде всего, состоит в том, что лишаются своего фундамента все теоретические конструкции, построенные на предположении что свойство общественной опасности характерно исключительно для преступлений. И основным здесь является вопрос о преступлении: почему из всего массива общественно опасных деяний законодатель криминализирует лишь некоторую их часть?

В настоящее время основанием для криминализации в теории уголовного права признается общественная опасность деяния. В уголовном законодательстве характер и степень общественной опасности выступают критериями, на основании которых к сходным по этим характеристикам деяниям применяются унифицированные меры уголовно-правового воздействия. Однако в ряде случаев законодатель прописывает в уголовном праве экстраординарные механизмы освобождения от уголовной ответственности или от наказания, дифференцируя их не в зависимости от характера и степени их общественной опасности, а от вида совершенного преступления. В частности, в соответствии со ст. 76¹ УК РФ, лицо, совершившее налоговое преступление, предусмотренное ст. 198 — 199¹ УК РФ, освобождается от уголовной ответственности если ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме. По ч. 2 этой же статьи лицо, совершившее отдельные экономические преступления, освобождается от уголовной ответственности, если оно возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере пятикратной суммы причиненного ущерба либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере пятикратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления.

Следует обратить внимание, что в отличие от освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим (ст. 75, 76 УК РФ) по ст. 76¹ УК РФ освобождение от уголовной ответственности при выполнении указанных в статье требований является обязанностью, но не правом суда, что еще раз подчеркивает особый характер освобождения от уголовной ответственности в данном случае.

По другим видам преступлений, таким как насильственные посягательства на жизнь и здоровье, такой возможности не представляется, более того, в ряде случаев ужесточаются условия освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания лиц, совершивших отдельные виды преступлений.

Традиционно такая разница в подходах объясняется в теории права тем, что личность, ее права и свободы являются наивысшей ценностью в государстве и наказывать за эти преступления нужно очень строго. В иных же случаях дело можно «спустить на тормозах».

Думаем, что такое объяснение имеет право на существование, однако не полностью раскрывает мотивацию законодателя.

На наш взгляд, такая дифференциация объясняется тем, что все преступления могут быть разделены на две большие группы. К первой относятся деяния, которые имеют качественные отличия от правонарушений по своему характеру и степени общественной опасности, такие, например, как убийство, насильственные корыстные преступления, бандитизм, терроризм, похищение человека, захват заложника и т. п. Во вторую группу входит большая часть преступлений, которые, как мы показали выше, отделяет от правонарушений тонкая формальная грань и которые не имеют качественных отличий в характере и степени общественной опасности.

Если в первом случае основной и, пожалуй, единственной целью законодателя является запрет, недопущение подобных преступлений, то во втором уголовно-правовые средства используются в качестве рычага для принуждения виновных к определенным видам поведения, например, своевременной уплате налогов, возмещению ущерба, причиненного совершением отдельных экономических преступлений и т. д. При этом наличие специфического механизма освобождения от ответственности свидетельствует о том, что само по себе привлечение виновного к уголовной ответственности, назначение ему наказания, для законодателя не являются первоочередными целями и он охотно предоставляет разнообразные возможности для освобождения таких лиц от уголовной ответственности и наказания.

Изложенное позволяет нам подойти к ответу на вопрос — почему отдельные общественно опасные деяния закрепляются в уголовном законодательстве, а другие — нет? Полагаем, что криминализируя деяния, сходные по своим признакам и степени общественной опасности с проступками, законодатель исходит не из общественной опасности деяний (хотя, несомненно, ее учитывает), а, в первую очередь, из неэффективности административных санкций, не обеспечивающих правового регулирования в соответствующих областях.

Неэффективность административных санкций может быть вызвана несоответствием между размером наказания и возможной прибылью от совершения правонарушения, несущественным размером возможных санкций, низкой вероятностью привлечения к административной ответственности и прочими обстоятельствами.

В то же время угроза уголовного наказания, строгость которого зачастую чрезмерна для подобных преступлений, является мерой, эффективно принуждающей нарушителей к правомерному поведению. Уголовно-правовые санкции в данном случае выступают в роли пресловутого утюга, которым рэкетеры смутных 90-х годов угрожали предпринимателям, вымогая у них деньги. Как только требования преступников исполнялись — утюг убирался.

Эффективность регулирования принимается законодателем во внимание и при учете «цены преступления», т. е. не только причиненного деянием ущерба, но и стоимости затрат на его расследование (оплата рабочего времени, стоимость экспертиз, командировок, оплата услуг адвоката и проч.) и на исполнение уголовного наказания, которая в случае криминализации деяний, обла-

дающих невысокой степенью общественной опасности, будет заведомо превышать причиненный деянием вред.

Схожесть преступлений и проступков, по нашему мнению, снимает актуальность философских исследований сущности преступления, поскольку вопрос требуется ставить либо шире — о философии правонарушения, либо гораздо уже, рассматривая в качестве преступления не все, предусмотренные УК РФ деяния, а лишь такие, которые качественно отличаются по характеру и степени общественной опасности от правонарушений, не имеют аналогов в административном законодательстве.

Тесно примыкает к вопросу о криминализации и проблема административной преюдиции, т. е. установления уголовной ответственности за повторение административных правонарушений. Теоретическим препятствием для ее возрождения в действующем уголовном законодательстве являлось представление о качественном отличии проступков, не обладающих общественной опасностью, от преступлений. Считается, что повторение нескольких проступков не меняет качества всей их совокупности, или, как образно выразилась по этому поводу Н. Ф. Кузнецова, «сто кошек не могут образовать одного тигра»¹.

Однако вывод об общественной опасности правонарушений снимает это препятствие и позволяет организовать эффективное взаимодействие административного и уголовного законодательства.

Действительно, во многих случаях совершение преступления увенчивает длительную цепь мелких правонарушений, терроризирующих граждан (мелкое хулиганство), организации (мелкие хищения), родственников (незаконное хранение наркотических средств или психотропных веществ) и т. д. Со временем мелкий правонарушитель набирается опыта, получает представление о работе правоохранительных органов, теряет страх перед наказанием, а правонарушения становятся все более опасными. В этой связи мы полагаем, что систематическое повторение проступков в подобных случаях является результатом неэффективности применяемых ранее мер административного принуждения, свидетельствующим о назревшей необходимости применения к такому лицу более строгих санкций. Поэтому введение административной преюдиции позволило бы исключить подобные ситуации и значительно усилило бы состояние защищенности граждан.

С учетом сделанного нами вывода о том, что преступления не обладают монополией на общественную опасность, определение преступления, содержащее указание на материальный признак, следует признать неинформативным, не отражающим специфических признаков, присущих только преступлениям. Коль скоро и преступления и проступки общественно опасны, то их разделение может осуществляться только по формальному основанию - наличию уголовно-правового запрета. Поэтому полагаем необходимым исключить признак обще-

¹См.: Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Избранные труды. СПб., 2003. С. 542.

ственной опасности из определения преступления.

Здесь необходимо отметить, что в теории права высказывалось резко отрицательное отношение к подобным предложениям. По мнению А. В. Наумова, общественная опасность является внутренней объективной характеристикой преступления, без этого признака будет непонятно, почему все-таки определенные деяния запрещаются под страхом уголовного наказания¹.

Полагаем, что сущность данного замечания состоит все-таки не в том, чтобы пояснить, почему в ряде случаев законодатель осуществляет криминализацию. Теоретикам здесь все понятно без каких-либо дополнительных указаний закона. Думаем, что, скорее всего, речь идет о необходимости ввести уголовно-правотворческую деятельность в определенные рамки, ограничив право законодателя устанавливать уголовную ответственность лишь объективными потребностями борьбы с преступностью и исключить какой-либо произвол в сфере криминализации.

Понимая и разделяя указанное стремление, считаем его фактическую реализацию в уголовном законодательстве невозможной, поскольку законодатель, творя уголовный запрет, реализует полномочия высшей законодательной власти. Внутри законодательства, на уровне нормативного акта каким-либо образом ограничить его деятельность невозможно, поскольку высшая законодательная власть позволяет преодолевать любой нормативный запрет. Не связан законодатель и какими-то теоретическими воззрениями. В недавней истории был пример, когда пятнадцать видных профессоров и академиков из Москвы, Санкт-Петербурга и Владивостока обратились к Президенту РФ с письмом, в котором выразили несогласие с исключением конфискации имущества из числа уголовных наказаний². Несмотря на протесты, данный вид наказания был исключен из УК РФ. Это совершенно не значит, что законодатель не может быть ограничен в своей деятельности. Другое дело, что такие ограничения возможны на ином уровне — при реализации справедливой избирательной системы, отчетности депутатов перед населением, возможности досрочного прекращения полномочий народных избранников по требованию избирателей и т. д.

В свете изложенного полагаем, что сохранение признака общественной опасности в определении преступления не является гарантией криминализации деяний, общественная опасность которых весьма незначительна. Например, в действующем УК РФ имеется ст. 171 «Незаконное предпринимательство». Нам совершенно непонятно, в чем состоит общественная опасность этого деяния, если оно сопряжено лишь с извлечением дохода в крупном размере. Если гражданин занимается предпринимательской деятельностью незаконно, но услуги гражданам предоставляет добросовестно, то опасность его действий может состоять лишь в неуплате налогов или оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Однако уголовная ответственность за такие деяния преду-

¹ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1997. С. 121.

² См.: Кузнецова Н. Ф. Мнение ученых о реформе (QUI PRODEST?) // Уголовное право. 2004. № 1. С. 26–27.

смотрена самостоятельными статьями УК РФ. Что остается на долю собственно незаконного предпринимательства совершенно непонятно. Впрочем, позицию автора разделяет большинство наших граждан, охотно пользующихся услугами незаконных предпринимателей, например, в сфере строительства, и не желающих заявлять об известных случаях совершения таких преступлений в правоохранительные органы. Об этом свидетельствует высочайший уровень латентности данного преступления, составляющий в отдельных областях экономической деятельности, в частности, в строительстве, 100 %¹. Указанное отношение к данному составу разделяют сотрудники правоохранительных органов и теории права. Так, Л. С. Аистова в своем диссертационном исследовании, посвященном проблемам квалификации этого преступления, приводит результаты осуществленного ею анкетирования сотрудников правоохранительных органов. Большинство из опрошенных ею выступали за декриминализацию этого деяния, если оно сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Сама Л. С. Аистова также присоединилась к этому мнению, сформулировав соответствующее положение, вынесенное на защиту².

Предлагаемое нами исключение общественной опасности из числа признаков преступления обуславливает необходимость пересмотра существующих определений умысла и неосторожности. В соответствии с УК РФ, при привлечении к уголовной ответственности за совершение умышленного преступления нужно установить, что данное лицо осознавало общественную опасность совершенного деяния и предвидело возможность (неизбежность) наступления в результате его совершения общественно опасных последствий.

В то же время, поскольку определение административного проступка является формальным, в ст. 2. 2 КоАП РФ определение умысла и неосторожности базируется на осознании субъектом противоправности совершаемого деяния и предвидении вредных последствий. Поскольку в настоящее время законодатель исходит из качественного отличия преступлений и проступков по признаку общественной опасности, такой подход представляется логичным. Однако если исходить из того, что и преступления (в большей степени) и проступки (в меньшей) являются общественно опасными, то, несомненно, необходимо уточнить и определение форм вины. Полагаем, что этот вопрос получит своего исследователя. Здесь же хотелось обратить внимание на то, что в теории уголовного права до сих пор нет единого понимания того, какие обстоятельства деяния влияют на его общественную опасность. С учетом теоретической сложности этого конструкта, на практике осознание лицом общественной опасности совершаемого деяния толкуется в том смысле, что виновный в общих чертах понимал, что его деяние приносит вред, недопустимо с точки зрения морали

1 См.: *Мадамов Я. Г.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с незаконным предпринимательством в сфере строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 3.

2 См.: *Аистова Л. С.* Теоретические и практические проблемы квалификации незаконного предпринимательства – ст. 171 УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 14.

и т. д. Однако заметим, что в подобных случаях используется неоправданное упрощение понятий, когда сложное (общественная опасность) редуцируется до нетождественных ему форм (вред). При этом нивелируется различие в определении форм вины в уголовном и административном законодательстве.

Выше мы рассматривали ситуацию с незаконным хранением обрез охотничьего ружья. Если длина оружия равна 801 мм, то имеет место умышленный административный проступок. Умысел в соответствии с ч. 1 ст. 2. 2 КоАП РФ здесь состоит в том, что виновный, в соответствии должен осознавать противоправный характер своего деяния, предвидеть его вредные последствия и желать наступления таких последствий или сознательно их допускать либо относиться к ним безразлично.

Допустим, лицо, желая приобрести обрез охотничьего ружья длиной 801 мм, чтобы избежать привлечения к уголовной ответственности, вследствие ошибки измерения приобрело оружие до запрещенных 800 мм.

С точки зрения теории права, в подобных случаях имеет место юридическая ошибка, неправильное представление субъекта относительно преступности содеянного. Субъект в таких случаях подлежит ответственности, поскольку как указывают теоретики уголовного права, незнание закона не освобождает от ответственности. Законодатель, формулируя виды вины, не требует от лица осознания противоправности деяния. Для привлечения к ответственности достаточно осознания общественной опасности содеянного¹. Однако в таком случае нужно предположить, что каждый гражданин, не зная деталей уголовно-правового запрета должен осознавать общественную опасность хранения укороченного, допускающего скрытое ношение, оружия любой длины. Таким образом, предполагается, что общественно опасным будет хранение любого укороченного оружия, в том числе имеющего длину более 800 мм, что подтверждает еще раз наш вывод о наличии общественной опасности у правонарушений.

При этом фактическое содержание умысла и при совершении преступления, и при совершении административного наказуемого незаконного хранения оружия будет сходным.

В отдельных случаях, например, при сокрытии налогов, предприниматель может точно не знать — достигла ли сокрытая сумма крупного размера, установленного в статье 199 УК РФ в качестве криминообразующего признака. В подобных ситуациях осознание общественной опасности содеянного сводится к осознанию лицом того, что оно не исполняет конституционной обязанности по уплате налогов. Поэтому указание на осознание лицом общественной опасности своего деяния в определении умысла на практике сводится к осознанию в общих чертах противоправности деяния.

Таким образом, содержание умысла в ст. 25 УК РФ практически не отли-

¹ См.: *Верина Г. В.* Субъективная сторона преступления // Уголовное право России : курс лекций / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов, 2008. С. 374.

чается от содержания умысла на совершение правонарушения.

В отдельных случаях, например, в случае незаконного предпринимательства, когда общественная опасность содеянного неясна как теоретикам, так и практическим работникам, требовать осознания общественной опасности деяния от обычных граждан несправедливо.

Необходимо отметить и еще одно обстоятельство. Общественная опасность мыслится теоретиками как объективное свойство деяния, не зависящее от воли и сознания людей. Но процесс криминализации осуществляют законодатели, живые люди, выражающие в своей деятельности интересы не всего общества, а его отдельных групп, полагаем, что здесь вполне допустим и термин «классовые интересы». Таким образом, уголовно-правовой запрет формируется не только на основе объективных данных, но и субъективных интересов, когда одно и то же деяние для разных групп населения может нести различный заряд общественной опасности, а иногда и оцениваться ими по-разному. Так, лицо, совершающее хищение, при оценке общественной опасности этого деяния руководствуется не только размером похищенного имущества, но и своим собственным имущественным положением, а также имущественным положением потерпевшего, что исключает единообразное осознание общественной опасности содеянного всеми возможными субъектами. Поэтому представляется необходимым исключить осознание общественной опасности деяния из определения форм вины.

В свете изложенного по-новому предстает значение и роль наказания в системе уголовного права — оно выступает не вторичной правовой категорией по отношению к преступлению, юридическим последствием его совершения, а базовым понятием в уголовном праве. Обладая самым эффективным потенциалом воздействия на поведение человека среди возможных средств, доступных государству, оно используется законодателем для борьбы с такими общественно опасными посягательствами, с которыми невозможно справиться иными, не уголовно-правовыми средствами.

Изменение представлений о месте уголовного наказания, об общественной опасности как свойстве, характерном только для преступлений, и связанных с таким представлением институтов уголовного права может стать весьма плодотворной идеей для законодателя, придаст новый импульс развитию уголовно-правовой науки и совершенствованию уголовного законодательства страны.

1.4. Оценка эффективности предупредительного воздействия

уголовного наказания посредством анализа функций уголовного права

Ограниченность количественных критериев оценки эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания заставляет нас обратиться к поиску иных маркеров эффективности, не связанных с показателями преступности, который мы начнем, используя в качестве отправных следующие соображения:

1. Уголовное право не является замкнутым институтом, регулирующим лишь узкий круг общественных отношений, возникающих по поводу совершения общественно опасного деяния.

2. Установление уголовного запрета на определенный перечень деяний, подкрепленный санкциями за их совершение, а, самое главное, фактическое назначение наказания за соответствующие преступления, воздействует на сознание неопределенного круга лиц, удерживая их от совершения преступлений.

3. Воздержание от преступлений производит определенные изменения в поведении граждан в самых различных сферах жизнедеятельности общества, которые могут быть зафиксированы и интерпретированы в качестве критериев эффективности предупреждения преступлений. Здесь хотелось бы сразу оговорить, что в теории разграничивается юридическая и социальная эффективность правовых норм. Первая определяется эффективностью достижения непосредственных целей правового регулирования, вторая — достижением отдаленных благоприятных последствий применения нормы, лежащих вне сферы правового регулирования¹.

Мы полагаем, что в тех случаях, когда проблематично оценивать юридическую эффективность наказания по причинам, рассмотренным выше, мы вправе обратиться к анализу доступных для наблюдения общесоциальных последствий его применения, имея в виду, что социальная эффективность является прямым следствием эффективности юридической.

Полагаем, что изложенные соображения приводят нас к необходимости подробно разобраться в тех разнообразных функциях, которые выполняет уголовное право в механизме правового регулирования.

Между тем в уголовно-правовой теории этот вопрос является одним из немногих, по которым отсутствует даже слабое подобие консенсуса. Разногласия всеобъемлющи и касаются количества, названия, а также содержания функций уголовного права.

Определения уголовно-правовой функции в словарях не содержится, но в философской энциклопедии имеется определение функции в социологии, которое может быть принято в качестве отправного:

«Функция... указывает на ту роль, которую определенным социальным

¹ См.: Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 47.

институт или частный социальный процесс выполняют по отношению к целому.... При этом различаются функции явные, т. е. совпадающие с намерениями и открыто провозглашаемыми целями и задачами института, и функции скрытые, латентные, обнаруживающие себя лишь с течением времени и отличающиеся от намерений участников этой деятельности»¹.

В этом определении важными представляются два момента: 1) функция — это роль отдельной подсистемы по отношению ко всей системе и 2) указание о том, что функции могут быть явными и скрытыми.

С учетом этих двух позиций хотелось бы рассмотреть базовые вопросы, касающиеся функций уголовного права и выйти таким образом на практические вопросы, связанные с определением критериев эффективности предупреждения преступлений.

Б. Т. Разгильдиев, раскрывая сущность уголовно-правовой функции (а этот автор утверждает, что такая функция всего одна), указывает, что функция — это самостоятельная уголовно-правовая категория². Именно в таком ключе он осуществляет дальнейшие рассуждения, тесно увязывая вопрос о функции уголовного права с осуществлением уголовно-правовых отношений. Однако с исходной посылкой автора мы согласиться не можем. В уголовном законодательстве понятие уголовно-правовой функции не определяется и не используется. Между тем в праве, как уголовном, так и в любом другом, естественным образом в качестве отраслевых правовых категорий и институтов закрепляются лишь те, которые имеют практическое значение. Например, множественность преступлений, соучастие в преступлении, обстоятельства, исключающие преступность деяния и др., имеют ярко выраженное практическое значение, и, несмотря на наличие отдельных теоретических разногласий, подробно описаны в Уголовном кодексе. Другие, такие как состав преступления, объект преступления не имеют всеобъемлющего законодательного определения, однако тщательно проработаны в теории уголовного права и без особых проблем применяются на практике.

Иная ситуация с функциями уголовного права. Неразбериха, сложившаяся в теории относительно этого понятия, а также отсутствие нормативного определения, на наш взгляд, не позволяют отнести функции (функцию с точки зрения Б. Т. Разгильдиева) к уголовно-правовым категориям.

Действительно, если рассматривать какую-либо систему, например, отдельную отрасль права, то оперируя ее специфическими терминами, категориями, целями и задачами познать функции всей системы в полном объеме невозможно. Но это вполне может быть сделано при рассмотрении системы более высокого уровня, на котором отдельная отрасль проявляет себя лишь в качестве составной части, например, законодательства страны. Впрочем, исходя из определения функции, ничто не препятствует нам изучать функции уголовного

¹ См.: *Философская энциклопедия* : в 5 т. Т. 5. М., 1970. С. 419.

² См.: *Разгильдиев Б. Т.* Понятие уголовно-правовой функции и ее содержание // *Уголовное право России* : курс лекций. Т. 1, кн. 1 / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. С. 60.

права не только относительно всего законодательства, но и общества в целом.

То же самое можно сказать об уголовном праве: если сосредоточить внимание лишь на уголовно-правовых категориях, то все, что будет нам доступно — это понимание значения (функционала) отдельных уголовно-правовых институтов на уровне уголовно-правового регулирования. Однако функции, которые фактически выполняет эта отрасль права в глобальном механизме правового регулирования мы таким образом не выявим.

Так, если рассматривать такую сложную систему, как автомобиль, то полностью его функционал может быть понят не на уровне собственно автомобиля, а в более широком контексте. И тогда мы можем увидеть, что кроме базовых функций, связанных с передвижением, имеется и ряд других, зачастую очень важных, например, обеспечение безопасности пассажиров и пешеходов, защита от непогоды, развлечение пассажиров (аудиосистема автомобиля), эстетическая (внешний вид), хранение вещей (в кабине) и т. д. При этом окончательное решение, например, о приобретении того или иного автомобиля, делается на основании совокупности данных о качестве реализации всех его функций.

Сходным образом можно утверждать, что функции уголовного права не являются исключительно уголовно-правовыми категориями. Поэтому мы не видим и практического значения в их анализе по аналогии с составом преступления или уголовно-правовыми отношениями, выделяя объект функции¹, момент ее возникновения и окончания действия².

Также мы не можем согласиться с замечанием Н. А. Лопашенко, которая, возражая В. В. Мальцеву, утверждавшему существование уголовно-правовой функции обеспечения справедливости, указывает на то, что справедливость — это принцип права и низведение его до уровня функции неверно методологически³. Полагаем, что принципы и функции права не находятся в какой-то общей иерархической системе, где может осуществляться снижение или повышения значения одного за счет другого. Они, если так можно выразиться, находятся в разных системах координат, их сравнение некорректно. Принципы уголовного права являются руководством, прежде всего, для законодателя, опирающегося на них при конструировании новых норм. Функции же отражают роль уголовного права в системе правового регулирования. И, если говорить о функции обеспечения справедливости, о которой написал В. В. Мальцев, то она будет существовать независимо от наличия в уголовном праве соответствующего принципа, а также от его законодательной формулировки.

В различных условиях уголовное право может приобретать дополнительные функции или утрачивать их. А. И. Коробеев, например, указывает на суще-

¹ См.: Разгильдиев Б. Т. Указ. соч. С. 60.

² См.: Его же. Задачи уголовного права и их реализация. Саратов, 1993. С. 28–29.

³ См.: Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 75.

ствование у уголовного права воспитательной функции¹. Вполне соглашаясь с этим автором, отметим лишь, что реализация этой функции зависит от различных, в том числе, не зависящих от уголовного права, условий. Например, сложившаяся судебная практика назначения наказания за получение взятки, при которой вероятность назначения наказания в виде лишения свободы должностному лицу лежит на уровне статистической погрешности (3-4 %)², а кратные штрафы во многих случаях не исполняются, явно не способствует воспитанию будущих и действующих должностных лиц в духе уважения к Закону.

Хотелось бы рассмотреть еще одно высказанное в теории права положение. И. Э. Звечаровский, возражая против выделения воспитательной функции уголовного права, аргументировал свою позицию тем, что в данном случае отсутствует специально организованный и управляемый процесс формирования личности уголовно-правовыми средствами, осуществляемый специальными субъектами (педагогами) в особых учебно-воспитательных формах и учреждениях³. Таким образом, по мнению этого автора, важным признаком уголовно-правовой функции является наличие специфических уголовно-правовых институтов, ее реализующих.

И наоборот, отмечается, что наличие специальных положений в уголовном законодательстве не свидетельствует о существовании соответствующей уголовно-правовой функции. Так, И. Э. Звечаровский и А. И. Коробеев высказались о существовании восстановительной функции уголовного права, состоящей в восстановлении нарушенных преступным посягательством общественных отношений. Этот вывод, по мнению указанных авторов, следует из того, что в уголовном законодательстве имеются нормы о примирении с потерпевшим, заглаживании вреда, причиненного потерпевшему, возмещении имущественного ущерба и морального вреда и т. д.

Н. А. Лопашенко, возражая против этой точки зрения, указывает, что приведенные в качестве примера нормы УК РФ, не свидетельствуют о наличии у уголовного права специальной восстановительной функции, наличии специального направления уголовно-правового воздействия⁴.

Приведенные точки зрения И. Э. Звечаровского по поводу воспитательной функции и Н. А. Лопашенко, отрицающей наличие самостоятельной восстановительной функции, основываются, среди прочего, на представлении, что уголовное право для обладания какой-либо функцией должно иметь специфическую направленность (мы понимаем это в том смысле, что в УК РФ должны быть предусмотрены нормы, явно реализующие некоторую функцию).

¹ См.: Уголовное право Российской Федерации : в 2 т. Т. 1 : Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2002. С. 15.

² Подробнее соответствующие данные будут раскрыты в главе, посвященной анализу эффективности наказания за взяточничество.

³ См.: *Звечаровский И. Э.* Уголовное право России. Общая часть / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2004. С. 17.

⁴ См.: Лопашенко Н. А. Указ соч. С. 74.

С формальной точки зрения обе позиции уязвимы для критики. Так, И. Э. Звечаровский, отказывая уголовному праву в воспитательной функции, не упоминает и не дает оценки существующего в действующем уголовном законодательстве института принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним, совершившим преступления. Однако, даже если не учитывать этого обстоятельства и сосредоточиться на содержательной стороне, то можно увидеть, что воспитательная функция уголовного права реализуется по отношению не только к этой категории лиц, ее адресное воздействие гораздо шире. Уместно привести в этой связи мнение выдающегося педагога А. С. Макаренко о том, что воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле: «Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего – люди. Из них на первом месте – родители и педагоги. Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка»¹. Таким образом, уголовному праву нет нужды иметь в себе какие-то специальные институты для реализации воспитательной функции. Неотвратимость уголовной ответственности и назначение справедливых наказаний являются социальными явлениями, которые сами по себе, без всяческих дополнительных норм, оказывают впечатляющее воздействие не только на лиц, склонных к совершению преступления, но и на всех остальных граждан, в том числе, и взрослых, наглядно демонстрируя торжество закона и наказание зла. В тех же случаях, когда преступникам попустительствуют не применяя правильно уголовный закон, если складывается практика применения наказаний, не соответствующих тяжести совершенного деяния, либо несправедливы сами уголовно-правовые нормы, воспитательное воздействие, тем не менее, тоже оказывается, меняется только его знак — с положительного на негативный. Имеется и еще одно соображение по поводу воспитательной функции: отказывая уголовному праву в функции воспитания, игнорируя этот вопрос, мы отказываемся от моральных ориентиров в правосудии, допуская вынесение любых, формально законных, но аморальных приговоров. Полагаем, что такой подход негативно отражается на эффективности предупредительного воздействия уголовно-правовых норм.

Что касается точки зрения Н. А. Лопашенко, то формальные претензии могут быть предъявлены и к ней. Так, одним из условий освобождения от уголовной ответственности в соответствии со ст. 75, 76, 76.1 УК РФ является возмещение причиненного ущерба или заглаживание причиненного вреда, что вполне может быть истолковано как проявление восстановительной функции уголовного права. Однако хотелось бы выйти за формальные рамки и рассмотреть содержание этой функции подробнее.

¹ Макаренко А. С. Книга для родителей // Избранные произведения : 3 т. Т. 2. Киев, 1985. С. 329.

Ряд авторов утверждают, что уголовное право восстанавливает общественные отношения, которым преступление причинило вред¹.

Н. А. Лопашенко, возражая против такого утверждения, замечает, что нарушенные отношения восстановить невозможно, иногда могут возникнуть новые, однородные с нарушенными, отношения².

Мы же полагаем, что восстановительная функция уголовного права вообще не имеет отношения к общественным отношениям. Согласно классическому определению под общественными отношениями понимаются многообразные связи, возникающие между социальными группами, классами, нациями, а также внутри них в процессе их экономической, социальной, политической, культурной жизни и деятельности³. Из указанного определения следует, что такие отношения являются массовыми, типичными взаимодействиями. Каждое конкретное преступление (если это не исключительное по масштабам деяние, например, крупнейший теракт), как правило, причиняет вред лишь единичным отношениям между отдельными людьми.

Так, единичная кража, несомненно, нарушает порядок взаимодействий потерпевшего по поводу права собственности, но не изменяет (деформирует) всеобщий установленный порядок взаимоотношений в этой сфере, не влияет на осуществление общепринятых способов приобретения или продажи имущества. Общественные отношения могут понести ущерб лишь в случаях, когда применяемые уголовно-правовые нормы неэффективны, либо имеет место массовое неприменение уголовного закона, паралич власти. В подобных случаях общепринятые модели поведения (общественные отношения) претерпевают изменения, однако восстановить их средствами уголовного закона невозможно и, прежде всего, потому, что он (закон) для этого и не предназначен. Уголовно-правовыми средствами можно лишь нейтрализовать деятельность отдельных лиц, препятствующих их нормальному функционированию, да и то не всегда. Представим себе гипотетическую ситуацию: злоумышленники разработали новые способы хищений средств с использованием кредитных карт, средств противодействия которым у правоохранительной системы еще нет. Очевидно, что в результате резко возросшего количества хищений денежных средств, граждане будут вынуждены просто ограничить, а то и вовсе прекратить использование подобных платежных средств и возвратятся пусть и к архаичному, но более надежному наличному обороту. Восстановление общественных отношений в сфере безналичных платежей уголовно-правовыми средствами едва ли будет возможно. Наиболее эффективным же средством будет разработка новых технических систем защиты платежных средств и создание новой технической инфраструктуры. В других случаях, как, например, при убийстве, причинении тяжкого вреда здоровью и т. п., единичные отношения, основанные на участии по-

¹ См.: Звечаровский И. Э. Указ. соч. С. 16, Похмелкин В. В. О восстановительной функции уголовного права // Правоведение. 1990. № 2. С. 46.

² См.: Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 74-75.

³ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 450.

терпевшего, могут быть разрушены необратимо, об их восстановлении не может быть и речи.

Из приведенных примеров следует, что содержание восстановительной функции уголовного права не может включать в себя восстановление нарушенных общественных отношений. Собственно применение уголовно-правовых норм реализует, по нашему мнению, охранительную функцию, состоящую в защите от преступных посягательств критически важных для нормального функционирования общества общественных отношений, при которой недопустимо применять насилия, совершение хищений, нарушение общественного порядка и т. п.

Что касается восстановительной функции, то речь может идти о восстановлении социальной справедливости, в том контексте, в каком о ней говорил В. В. Похмелкин. Этот автор выделял следующие аспекты восстановительной функции: 1) удаление осужденных из определенной сферы общественных отношений, способствующее ее оздоровлению, упорядочению, восстановлению нормального функционирования; 2) восстановление осужденного в качестве полноценного участника социалистических общественных отношений; 3) восстановление авторитета закона; 4) восстановление морально-психологического спокойствия населения и реализация требования неотвратимости ответственности за преступление¹.

Что же касается положений УК РФ, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности при возмещении ущерба или заглаживании вины, то здесь, на наш взгляд имеет место, с одной стороны, стимулирование данных лиц к определенному поведению (Н. А. Лопашенко говорит в этой связи о стимулирующей функции уголовного права), с другой — компенсация причиненного вреда, хотя необходимо правильно понимать, что компенсационная функция уголовного права не является основной и носит строго ограниченный характер. В ряде случаев причиненный вред компенсировать в принципе невозможно.

Если смотреть на функции уголовного права с учетом приведенного нами выше определения, предусматривающего явные и скрытые функции системы, можно предположить, что к явным функциям уголовного права следует отнести те, которые прямо вытекают из задач Уголовного кодекса, провозглашенных в ст. 2, целей уголовного наказания и некоторых других положений УК РФ.

Так, к числу явных функций следует отнести охранительную функцию, содержание которой состоит в охране объектов уголовно-правовой охраны от преступных посягательств. Данная функция реализуется реальным применением санкций уголовно-правовых норм к лицам, совершившим преступление.

Предупредительная функция также относится к этой категории, поскольку предупреждение преступления провозглашено одной из целей наказания.

В литературе мы не встречали упоминания еще об одной функции уго-

¹ См.: Похмелкин В. В. Указ. соч. С. 40–47.

ловного права, а именно к функции обеспечения государственного суверенитета в сфере уголовного преследования. Прежде всего это реализуется положениями ч. 1 ст. 11 УК РФ, в соответствии с которой Российская Федерация обладает исключительным правом уголовного преследования лиц, совершивших преступления на ее территории, а также ч. 1 ст. 13 УК РФ, запрещающей выдачу граждан Российской Федерации, совершивших преступления на территории иностранного государства.

Ряд авторов указывают на наличие регулятивной функции уголовного права, хотя и наделяют ее различным содержанием. В частности, Б. Т. Разгильдиев, говорит о регулятивно-обязывающей функции, которая начинает работать с момента исполнения лицами обязанностей по воздержанию от совершения преступлений. Содержание этой функции состоит в обеспечении исполнения гражданами своих обязанностей воздерживаться от совершения преступления¹.

Лопашенко Н. А. полагает, что регулятивная функция проявляется в применении уголовно-правовой нормы к лицу, преступившему ее запрет², а А. В. Наумов указывает, что поскольку право диктует исходящие от людей общеобязательные правила, постольку оно является регулятором поведения людей в обществе. В этом смысле уголовное право исключением не является³.

Несомненно, что перечисленные точки зрения отражают процессы правового регулирования, а некоторое разночтение носит терминологический характер. Поэтому в таких случаях теоретики должны просто приходить к консенсусу о том, что подразумевается под словом «регулирование». Если говорить о позиции Н. А. Лопашенко, то она отражает свойство любой отрасли права — применением соответствующих норм регулировать общественные отношения. Однако такое понимание не отражает другого аспекта регулирования, состоящего в том, что установление правовых ограничений и запретов, подкрепленных санкциями за их нарушение, само по себе является регулятором поведения людей, даже без реального применения правовых норм. Ведущим элементом регулирования здесь выступает наличие санкции за нарушение предписания. Причем, практика показывает, что важно не только возможное наказание, но и вероятность его назначения (неотвратимость). Ярким подтверждением этого тезиса явилась ситуация с налоговыми преступлениями, сложившаяся в последнее время. 14 ноября 2013 г. на заседании наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив Президент России В. В. Путин подверг резкой критике ситуацию, сложившуюся в сфере противодействия налоговым преступлениям. Либерализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства, обусловленная стремлением оградить предпринимателей от злоупотреблений со стороны правоохранительных органов и существенно затруднившая возбуждение уголовных дел, привела к тому, что в стране резко снизилось ко-

¹ См.: Разгильдиев Б. Т. Понятие уголовно-правовой функции и ее содержание // Уголовное право России : курс лекций. Т. 1, кн. 1. Саратов, 2004. С. 62.

² См.: Лопашенко Н. А. Указ. соч. С. 71–72.

³ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1997. С. 3.

личество уголовных дел по ст. 198 и 199 УК, во многих регионах правоохранительные органы фактически перестали возбуждать уголовные дела по этим статьям. Однако резкое ограничение уголовной репрессии не привело к интенсивному наполнению бюджета налогами. Как отметил Президент, в столице сложилась ситуация, когда из миллиарда рублей, который должен быть получен казной на основании судебных решений и приговоров по налоговым делам было возмещено всего 4 миллиона рублей¹.

Приведенный пример демонстрирует то огромное влияние, какое имеет неотвратимость наказания на общественные отношения. Поэтому говоря о регулятивной функции уголовного права, мы склонны согласиться с А. В. Наумовым, усматривающим ее в том влиянии, которое оказывают уголовно-правовые предписания на поведение граждан.

Такая трактовка регулятивной функции имеет практическое значение, поскольку позволяет сформулировать критерии эффективности уголовно-правового воздействия, в том числе, эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания. Коль скоро угроза наказанием оказывает регулятивное воздействие, то и оценивать эффективность предупредительного воздействия наказания можно не только по таким критериям, как, например, уровень рецидива, но и по другим параметрам, не связанным напрямую с количественными и качественными показателями преступности, и не относящимся к сфере собственно уголовного права. Так, в приведенном примере с налоговыми преступлениями, эффективность их предупреждения может оцениваться не только по количеству соответствующих уголовных дел, состоянию и динамике налоговой преступности, уровню рецидива среди осужденных за налоговые преступления, но и по уровню и динамике собираемости налогов, динамике размеров недоимки по налогам и т. д. Более того, с учетом высокой латентности налоговых преступлений, использование показателей налоговой преступности при определении эффективности предупреждения этих преступлений представляется менее перспективным, чем использование показателей чисто экономических.

Н. Ф. Кузнецова указывала на профилактическую функцию, которая, по ее мнению, реализуется нормами о добровольном отказе от преступления, увеличением количества обстоятельств, исключающих преступность деяния, умножением норм о деятельном раскаянии как основании освобождения от уголовной ответственности и наказания, большей криминализацией деяний, которые служат условием совершения тяжких преступлений и, наконец, общей и специальной превенцией наказания².

Не вдаваясь в терминологические споры по поводу соотношения терминов «предупреждение» и «профилактика», выразим несогласие с отнесением к

¹ См.: Заседание наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19625#sel=148:70,148:70> (дата обращения: 17.12.2013).

² См.: Кузнецова Н. Ф. Профилактическая функция уголовного закона // Уголовное право. 1998. № 1. С. 11–20.

профилактическим нормам положения о деятельном раскаянии, поскольку в подобных случаях речь идет о постпреступном поведении. Не несут профилактического содержания и обстоятельства, исключаящие преступность деяния, так как причинение вреда здесь обусловлено достижением общественно полезной цели и не является общественно опасным. Несмотря на указанные оговорки, в целом можно согласиться и принять мнение о профилактической функции уголовного права.

Выше мы рассмотрели воспитательную функцию уголовного права. С ней связана и такая функция уголовного права, как функция убеждения, о которой говорил Н. Д. Дурманов. По мнению этого автора, нормы уголовного права общенародного государства выполняют, прежде всего, функции убеждения, и эта их роль возрастает, в то время, как принудительное действие сокращается¹. К сожалению, в настоящее время мы не можем говорить о том, что современное российское государство является общенародным, поэтому в полной мере утверждение Н. Д. Дурманова к нашей действительности неприменимо. Однако и исключать полностью убеждение из арсенала средств уголовно-правового воздействия было бы неправильно.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Уголовное право в системе правового регулирования выполняет разнообразные функции, которые можно условно разделить на явные, вытекающие из целей и задач уголовного права (охранительная, предупредительная, обеспечения суверенитета в сфере уголовно-правовых отношений, восстановительная, стимулирующая, профилактическая функции) и неявные (воспитательная, регулятивная, функция убеждения, а, возможно, и другие).

2. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания может быть оценена не только на основании анализа показателей преступности, таких, как динамика рецидива и всей преступности. О степени эффективности предупреждения преступлений может свидетельствовать реализация отдельных функций уголовного права, проявляющая себя в доступных для оценки изменениях в различных сферах жизни общества. Здесь мы видим практическое значение рассматриваемого вопроса, состоящее в возможности оценки эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания по качеству реализации функций уголовного права.

3. Соответствующие маркеры эффективности предупреждения преступлений могут быть самыми разными. При анализе эффективности предупреждения экономических преступлений в таком качестве могут выступать показатели, связанные с состоянием отдельных отраслей экономики, собираемостью налогов, уровнем жизни населения и т. д. Эффективность уголовного наказания, например, за контрабанду может быть оценена путем установления динамики такого показателя как соотношение объема импортированной по данным таможенных органов продукции к объему ее рыночных продаж, динамике цен на

¹ См.: Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 3.

определенные виды продукции и т. д.

Если взять, к примеру, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, то здесь маркерами эффективности могут выступать данные о динамике численности лиц, страдающих наркотической зависимостью, статистика смертности, различные показатели деятельности наркологических диспансеров, динамика случаев содержания наркопритонов, стоимость наркотических средств на черном рынке и ряд других.

4. Выявление критериев эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания за отдельные виды преступлений в общем случае не является тривиальной задачей и должно выступать в качестве цели самостоятельных научных исследований.

Глава 2. Некоторые условия повышения эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания

2.1. Идеология и право

Анализируя применения термина «эффективность» в уголовном праве, мы затронули тему условий эффективности правовых норм. Как мы установили на основе изучения теоретических работ, к таковым относятся:

- соответствие уголовного законодательства закономерностям развития общества;
- его неотвратимость;
- эффективная деятельность правоохранительных органов;
- правильное применение уголовно-правовых норм, реализация судами всего потенциала уголовных наказаний;

Вместе с тем, указанный перечень не является полным и должен быть дополнен еще несколькими важными, по нашему мнению, факторами.

Первым из них является правильное разрешение соотношения идеологических и научных положений в позитивном праве. В тех случаях, когда принятие решений о внесении изменений в законодательство основывается лишь на идеологических предпочтениях, без учета научно обоснованных данных, закон перестает выполнять свои функции, а обществу причиняется значительный ущерб.

Выше мы приводили пример с налоговыми преступлениями, когда либерализация уголовного законодательства не привела к интенсивному наполнению бюджета средствами, поступающими от налогов.

Проблема, поднятая Президентом, представляет собой частный случай более широкого явления, интересного с точки зрения оценки эффективности уголовно-правового регулирования, а именно — влияния идеологии на формальное право. Полагаю, что, несмотря на провозглашение в ч. 2 ст. 13 Конституции РФ запрета на государственную идеологию, формальное право, в том числе, и основной закон страны, содержат положения, отражающие идеологические представления законодателя, совокупность которых можно определить как либеральную идеологию. В частности, Основной закон содержит следующие положения, характерные для либерализма: провозглашение человека, его права и свобод высшей ценностью в государстве (ст. 2); признание идеологического многообразия (ч. 1 ст. 13), свободы совести (ст. 14), закрепление разделения властей (ст. 10)¹. Базовым здесь является положение об исключительном

¹ В современных учебниках политологии к элементам либерализма относят: индивидуализм, свободу личности, разум, равенство, толерантность, общественное согласие (консенсус), конституционализм. См.: Хейвуд Э. Политология. М., 2005. С. 53–54. Как видим, практически все указанные элементы отражены в Конституции РФ.

статусе личности, которое следует понимать именно как либеральную идеологию, а не скажем, как реализацию идей гуманизма. В пользу именно такого толкования можно привести следующие соображения. Гуманистический индивидуализм (а мы полагаем, что постановка интересов отдельного человека выше интересов государства и общества — это именно индивидуализм. — С. Б.), как отмечал В. М. Межуев, неотделим от универсализма, то есть от представления о человеке как универсальном субъекте деятельности, равном в своем творчестве не части, а целому, всему мирозданию, которое он охватывает своим умом и талантом. Индивидуальность — не каждый индивид в своей отдельности и единичности, а существо, способное мыслить и действовать всеобщим образом, явление, скорее духовное, а не природное¹. Если бы Конституция РФ толковала ценность человека подобным образом, мы вправе были бы ожидать наличия в ней положений, возлагающих на государство обязанности по обеспечению всемерного творческого и духовного развития каждого гражданина России, обширную систему государственных гарантий обеспечения базовых материальных и высших духовных потребностей личности. Вместо этого на практике наблюдается ситуация, когда государство все более устраняется от процессов формирования личности и из социальной сферы вообще. Именно к такому выводу можно прийти, наблюдая, например, за реформой школьного образования, в результате которой акцент с обучения в образовательном процессе сместился на натаскивание школьников на сдачу тестов ЕГЭ. При этом не обеспечена достаточная мотивация школьников даже к такой форме обучения, поскольку уже в течение ряда лет все варианты ответов на тесты появляются в открытом доступе в интернете за несколько дней до самих экзаменов. В этом же ряду можно назвать коммерциализацию детского дополнительного образования, спортивных кружков, сферы культуры и досуга. Не давая оценок таким проявлениям, отметим лишь, что коммерциализация отдельных сфер общественной жизни означает снижение степени государственного участия. В более широком плане, государство уходит и из других областей, например жилищно-коммунального, медицинского обеспечения граждан и т. п.

Учитывая вышесказанное, можно заключить, что в отечественном праве отказ от государственной идеологии, провозглашенный в ч. 2 ст. 13 Конституции РФ является, по сути, фиктивным, а сама Конституция по своему духу — либеральной. Впрочем, сходную оценку давали основному закону и другие авторы².

¹ См.: *Межуев В. М.* Гуманитарная наука и идеология // Российская гуманитарная наука: генезис и состояние : материалы постоянно действующего науч. семинара. М., 2007. № 2. С. 12–13.

² Так, М. В. Баглай указывает, что Конституция создавалась под сильным влиянием идей социального либерализма и социал-демократии. См.: *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. М., 2002. С. 8. Далее этот автор указывает, что теоретическая мысль, способная более или менее адекватно объяснить и осмыслить современный российский конституционализм, ближе всего к современному западному

Наличие идеологических постулатов в Конституции РФ закономерно отразилось и на отдельных отраслях права. Так, М. П. Поляков, анализируя проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе, отмечает существование в уголовно-процессуальном праве отдельных ограничений идеологического характера, негативно отражающихся на эффективности уголовного судопроизводства¹.

Е. П. Сергун, констатируя идеологизированный характер Конституции, делает вывод, что таковым является и основанный на ней уголовный закон². В своей монографии этот автор рассматривал преступления экстремистского характера, идеологическая окраска которых ярко выражена.

Однако сводить все идеологическое содержание уголовного законодательства лишь к этой группе преступлений было бы неправильным. В уголовном законодательстве множество институтов, да и сама структура Уголовного закона несут отпечаток той системы ценностей, которую исповедовали его создатели. Например, структура Особенной части УК РФ, открывающейся разделом «Преступления против личности», является, на наш взгляд, самой яркой иллюстрацией стремления авторов УК РФ 1996 г. продемонстрировать отход от советской системы ценностей и приверженность новой, декларирующей верховенство прав личности. В последние годы, в полном соответствии с либеральной идеологией, при реформировании уголовного и уголовно-процессуального законодательств последовательно ограничиваются возможности государственного воздействия на бизнес, правоохранительные органы ограничиваются в полномочиях по контролю за различными аспектами экономической деятельности. В этом ряду можно назвать:

- снижение санкций за экономические преступления;
- декриминализацию таких преступлений как лжепредпринимательство, заведомо ложная реклама, обман потребителей, контрабанда;
- введение уголовного наказания в виде исправительных работ и широкое его применение за совершение экономических преступлений;
- установление наказания в виде принудительных работ, применяемого в качестве альтернативы лишению свободы;
- предоставление судам, в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ, права изменять категорию преступления на менее тяжкую;
- установление особых оснований для освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления в соответствии со ст. 76. 1 УК РФ;
- исключение в ч. 5 ст. 46 УК РФ возможности замены лишением свобо-

либерализму (см.: Там же. С. 61). К числу либеральных относит действующую Конституцию страны и Ю. А. Дмитриев. См., напр.: Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / под ред. Ю. А. Дмитриева. М., 2009 г.

¹ См.: Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 5.

² См.: Сергун Е. П. Научно-теоретические вопросы в сфере уголовно-правовой охраны конституционного строя Российской Федерации. Саратов, 2011. С. 41.

ды уголовного наказания в виде штрафа в случае злостного уклонения от его уплаты;

– установление в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ запрета на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении ряда экономических преступлений;

– ограничение, в соответствии с ч. 1.1. ст. 140 УПК РФ, перечня поводов для возбуждения уголовного дела по ст. 198–199.2 УК РФ. Фактически уголовное дело может быть возбуждено лишь при наличии материалов, направляемых налоговыми органами.

Как уже было сказано выше, чрезмерная либерализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства резко снизила эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на лиц, совершающих налоговые преступления. Поэтому мы можем заключить, что неверны и нуждаются в переоценке изначально либеральные установки, которыми руководствовался законодатель, смягчая репрессию за такие преступления, а именно:

– предположение о том, что ослабление государственного контроля над деятельностью предпринимателей позволит интенсифицировать приток налоговых поступлений в бюджет;

– презумпция недобропорядочности правоохранительных органов, которые, по выражению Д. А. Медведева, якобы «кошмарят» бизнес, что рассматривается как основное препятствие для экономического развития;

– снижение роли государства в экономике — это безусловное благо.

К сожалению, в случае с экономическими преступлениями, законодатель не учел имеющихся данных, ставящих под сомнение ценность либеральной идеологии и ее основных постулатов. Практика показывает, что в развитых капиталистических странах свободный от контроля государства бизнес не проявляет особой заинтересованности в каких-то иных, не связанных с извлечением прибыли, вопросах. Наша страна здесь не является исключением. Предприниматель, в массе своей, прежде всего, руководствуется меркантильными интересами, остальные же вопросы, даже гуманитарного характера, для него вторичны. Именно этим можно объяснить, например, поведение кредитных организаций, которые вместо того, чтобы оказывать какую-то помощь пострадавшим от стихийных бедствий, наоборот, требуют от них скорейшего погашения кредиторской задолженности¹.

Для огромного количества людей в разных странах либерализм влечет крайне негативные последствия, прямо отражающиеся на качестве жизни и даже на её продолжительности. Так, предполагая изначально формально равные стартовые условия для всех, либеральная идеология отрицает равенство резуль-

¹ См., напр: Банки в ДФО требуют от пострадавших от паводков выплат по кредитам URL: <http://rbcdaily.ru/society/562949988681413> (дата обращения 02. 01. 2014 г.); Романов А. Банки терроризируют пострадавших от наводнения в Крымске URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/07/17/navodnenie-na-yuge-rossii-letom-2012-goda/banki-terroriziruyut-postradavshikh-ot> (дата обращения 02. 01. 2014 г.).

татов¹, а, следовательно, неминуемо порождает экономическое неравенство. Проведенные в Англии, родине либерализма, исследования выявили огромные различия между уровнем жизни и уровнями смертности, заболеваний психическими расстройствами, самоубийств, алкоголизма и наркомании и т. п. среди представителей различных социальных групп. В частности, показатель смертности для мужчин, относящихся к 5-й группе (неквалифицированные рабочие, а значит — бедные, малообеспеченные, малообразованные) в начале 1990-х гг. был почти в 3 раза выше, чем у мужчин, отнесенных к 1-й группе (специалисты, а значит — обеспеченные, хорошо образованные). При этом наблюдалась тенденция к увеличению дифференциации этих показателей². Ряд западных ученых в своих работах показали, что временной разрыв в ожидаемой продолжительности жизни, свободной от нетрудоспособности/инвалидности, между бедными и богатыми составляет от девяти до двенадцати лет³.

В России наивысшая продолжительность жизни, приближающаяся к 75 годам, — у жителей г. Москвы, когда по стране в целом — менее 70 лет⁴. Причина этого — в лучшем качестве медицинского обслуживания, возможностях для организации здорового образа жизни, связанных с высоким средним уровнем доходов москвичей по сравнению с жителями других регионов. Самая же низкая продолжительность жизни — в Республике Тыва (54 года), в которой одновременно и самый высокий уровень безработицы в стране⁵.

В то же время, Куба, беднейшая экономика мира, но базирующаяся на социалистических принципах построения общества, предполагающих ведущую роль государства в экономике, даже в условиях многолетних экономических санкций демонстрирует впечатляющие достижения в сфере обеспечения здоровья и долголетия своих граждан, занимая по продолжительности жизни второе место в мире после Японии. Усилиями государства в этой стране достигнуты низкие показатели смертности от рака и инфаркта, а детская смертность ниже, чем в самом богатом государстве мира — США⁶.

На постсоветском пространстве наилучшие показатели в экономическом развитии демонстрирует Республика Беларусь, в которой руководство государ-

¹ См.: Хэйвуд Э. Политология. М., 2005. С. 53–54.

² См.: Vijaya Murali and Femi Oyebode Poverty, social inequality and mental health // *Advances in Psychiatric Treatment* – 2004; vol. 10. P. 216–224.

³ См.: Anand S. The Concern for Equity in Health // *J. of Epidemiology and Community Health*. 2002. Vol. 56, № 7. P. 485–487; Mackenbach J. P. Measuring the magnitude of socio-economic inequalities in health: an overview of available measures illustrated with two examples from Europe / J. P. Mackenbach, A. E. Kunst // *Soc Sci Med*. 1997. № 44. P. 757–771; Marmot, M. *The Status Syndrome: How Social Standing Affects Our Health and Longevity*. New York: Times Books, Henry Holt and Company, 2004.

⁴ См.: Пуля И. Асфальтовые болезни, Чем чаще всего болеют в Москве // *Российская газета* — Неделя. 2012. № 5707 (34).

⁵ См.: Смольякова Т. Жена курская, дом черкесский // *Российская газета*. 2011. № 5499 (123).

⁶ См.: Зотов Г. Куба — остров долгожителей. Народ беднее, зато здоровее // *АиФ*. 2008. 28 мая.

ства после распада СССР отказалось от огульной приватизации, сохранило контроль над экономикой. Детальный анализ экономических показателей этой республики далеко выходит за пределы нашей работы, здесь же хотелось бы ограничиться красноречивым фактом: совокупный объем инвестиций в украинскую химическую промышленность составил в 2013 г. 187 млн долларов, а в Беларуси только в одно предприятие «Гродно Азот» планируют вложить 1,5 млрд долл. Заметим, что на порядок больший объем инвестиций знаменует не просто количественные, но и качественные изменения: использование более нового оборудования, получение более сложных материалов по более низкой цене. При этом аналитики в качестве одного из факторов высокой эффективности Белорусской химической промышленности называют сохранение предприятий в государственной собственности¹. Большая эффективность экономики прямо отражается на уровне жизни. По данным, которые опубликовал 16 декабря 2013 г. институт Гэллага, медианный доход белорусской семьи составил 15085 долларов в год. По этому показателю республика опередила Россию, Украину, Латвию, Польшу, Литву, Кипр, Эстонию².

Еще одним сильным аргументом против абсолютизации либерального представления о свободе экономической деятельности является неспособность частного бизнеса оперативно ликвидировать последствия крупномасштабных техногенных аварий. В этом ряду можно упомянуть беспомощность Токийской энергетической компании (TEPCO), которая после аварии на АЭС Фукусима-1 вот уже на протяжении 3-х лет не может ликвидировать утечку радиоактивных веществ в мировой океан, в связи с чем сложно оценить объем возможных негативных последствий для людей и природы. В России примером подобного рода является крупнейшая техногенная из аварий на гидротехнических сооружениях — разрушение Саяно-Шушенской ГЭС, которую эксплуатировало ОАО «РусГидро», а восстанавливать ее пришлось с привлечением государственных средств. Также крупнейшую экологическую катастрофу породила утечка нефти после взрыва нефтяной платформы Deepwater Horizon принадлежащей крупнейшей нефтяной компании BP. По данным ИТАР-ТАСС во время утечки, которую не могли ликвидировать в течение 152 дней, в океан было выброшено более 5 млн баррелей сырой нефти³. Эти примеры демонстрируют, на наш взгляд, то, что либеральные тезисы об ограничении роли государства и мощном свободном бизнесе как условиях процветания государства требуют, как минимум коррекции, а, возможно, и пересмотра, поскольку при слабом государстве просто невозможно ликвидировать последствия масштабных техногенных катастроф, сам же бизнес с ними оперативно справиться не может.

¹ См.: Лизан И. Белорусская экономическая модель: химическая промышленность. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_32689 (дата обращения: 13.01.2013).

² См.: Worldwide, Median Household Income About \$10,000 URL: <http://www.gallup.com/poll/166211/worldwide-median-household-income-000.aspx> (дата обращения: 13.01.2013)

³ См.: Авария на нефтяной платформе "Дипуотер хорайзн" в Мексиканском заливе. URL: <http://www.webcitation.org/67ANOffIw> (дата обращения: 14.01.2014).

Если же исходить из интересов формирования эффективного уголовного законодательства, то изложенные соображения приводят нас к выводу о том, что в условиях, когда в обществе отсутствует единая система моральных и нравственных ценностей, внятная общепризнанная идеология, полная свобода, пропагандируемая либерализмом, оборачивается вседозволенностью и произволом, идущим во вред большинству населения. Неважно, о каких сторонах жизни общества идет речь — о свободе художественного самовыражения, бизнеса, поведения в общественных местах и т. д.

Неадекватность отдельных либеральных идеологем действительности, носящая иногда разрушительный характер для общества, ставит на повестку дня вопрос о необходимости серьезной коррекции основанных на этих представлениях положений уголовного права. Полагаем, что речь, в первую очередь, должна идти о пересмотре в сторону ужесточения санкций за отдельные экономические преступления, возвращении возможности замены штрафа лишением свободы, исключении из УК РФ ст. 76. 1 УК РФ, предусматривающей особый порядок освобождения от уголовной ответственности за совершение экономических преступлений.

2.2. Суверенная уголовная политика Российской Федерации

В теории уголовного права вопрос о государственном суверенитете в сфере законотворчества обходится стороной. При этом априорно предполагается самостоятельность Российской Федерации в данной области. Вместе с тем ситуация здесь не совсем однозначная, и у нас есть основания полагать, что уголовное законодательство в определенной степени зависимо от внешнего влияния, что негативно сказывается на его эффективности.

В последнее время государство предпринимает шаги по недопущению иностранного воздействия на внутривнутриполитические процессы. Так, в июле 2012 г. были внесены поправки в Закон РФ «О некоммерческих организациях», усиливающие контроль над деятельностью некоммерческих организаций с иностранным финансированием. С 1 октября 2012 г. на территории России была прекращена деятельность Агентства по международному развитию (USAID), оказывавшего финансовую помощь российским некоммерческим организациям на сумму до 100 млн долларов в год¹. Как разъяснил МИД РФ, эта организация путем распределения грантов пыталась влиять на политические процессы в нашей стране².

Следующим шагом явился Федеральный Закон РФ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»³, явившийся ответом на

¹ См.: Россию оставят неразвивающейся страной // Коммерсантъ. 2012. 19 сент.

² См.: Воробьев В. Клинтон предупредили дважды. Россия не намерена пересматривать свое решение по USAID // Российская газета. 2012. 21 сент.

³ См.: О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и

принятие США «списка Магницкого», устанавливающего перечень российских граждан, причастных, по мнению США, к смерти в СИЗО С. Магницкого. «Закон Магницкого» является попыткой оказания давления на принятие решения российскими чиновниками, имеющими крупные активы за рубежом.

В феврале 2013 г. Государственная Дума в первом чтении приняла проекты законов «О внесении изменения в статью 11 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» и «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, и иметь ценные бумаги иностранных эмитентов»¹. Их принятие было обусловлено необходимостью исключить возможности иностранного влияния на принятие решений отечественными чиновниками.

Все перечисленные меры свидетельствуют о том, что в недавнем прошлом иностранное вмешательство во внутренние дела страны осуществлялось в более крупных масштабах. Не явилась исключением и правотворческая деятельность, находившаяся под сильным иностранным влиянием. Так, на сайте USAID приведены результаты деятельности агентства в этой сфере: помощь в разработке Конституции РФ (!), части первой Гражданского кодекса, Налогового кодекса. Кроме того, отмечается решающая роль этой организации в принятии в 2001 г. Земельного кодекса РФ, в соответствии с которым предоставляется право покупки и продажи городских и сельских земель в России (USAID assistance led directly to the adoption of the 2001 Land Code which provided the right to buy, sell, and own urban and rural land in Russia.)².

Отметим, что участие иностранной организации в разработке важнейших законодательных актов страны и, прежде всего, ее Конституции выглядит весьма двусмысленно, особенно если учесть факт последующего запрета деятельности USAID в России. Конечно, нет никаких оснований утверждать, что Конституция России написана под диктовку США и в их интересах. Однако отдельные ее положения фиксируют зависимость России от внешних факторов.

Так, с одной стороны, в ч. 1 ст. 3 Конституция провозглашает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в стране является ее многонациональный народ, а в ч. 2 ст. 4 — устанавливает верховенство Конституции и федеральных законов на всей территории России. С другой стороны ч. 4 ст. 15 Конституции составной частью правовой системы страны признают как международные договоры Российской Федерации, так и общепризнанные принципы и нормы международного права. Признание

свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации : федеральный закон РФ от 28.12.2012 № 272-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7597.

¹ См.: URL: <http://vote.duma.gov.ru/vote/80012> (дата обращения: 27.02.2013).

² См.: URL: <http://www.usaid.gov/news-information/fact-sheets/usaid-russia> (дата обращения: 30.10.2014).

последних частью национальной правовой системы, на наш взгляд, означает ни что иное, как ограничение государственного суверенитета. Кроме того, в отдельных случаях, как мы рассмотрим ниже, относителен факт общепризнанности тех или иных норм (принципов), из чего следует вероятность возникновения ситуации, когда эти международные нормы и принципы могут не отвечать интересам России.

В этой связи необходимо отметить, что далеко не все государства допускают применение на своей территории общепризнанных норм и принципов международного права. В частности, в США, Франции, Испании, наряду с национальным законодательством, допустимо применение только договоров этих стран¹. Ограничения суверенитета конституционно закреплены в ФРГ, Италии и Японии, то есть странах, конституции которых фактически писались после 2-й мировой войны государствами-победителями. Так, ст. 25 Конституции Германии закрепляет приоритет общих норм международного права над национальным законодательством, а ст. 11 предусматривает ограничение суверенитета в целях обеспечения народам мира и справедливости. В ст. 9 Конституции Японии 1947 г. закреплен отказ от важнейшего суверенного права нации на ведение войны, а в ст. 98 закрепляется равная обязательность для исполнения как международных договоров Японии, так и норм международного права².

В ряде случаев общепризнанность норм международного права, упомянутая в Конституции РФ, весьма относительна. Рассмотрим это на примере смертной казни. Ряд государств отказались от ее применения. В то же время, она сохраняется в США, а также таких странах, с которыми Россию связывают все более тесные экономические и политические взаимоотношения — Китае и Иране. Таким образом, по отношению к смертной казни отсутствуют какие-либо общепринятые международно-правовые принципы или нормы.

Вместе с тем, Конституционный суд РФ в п. 1 своего определения от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р обосновывает решение о недопустимости этого наказания не только международными обязательствами России, но и сложившимися международно-правовыми тенденциями ее применения. Говоря о международных обязательствах России по неприменению смертной казни, Конституционный суд имеет в виду подписание 16 апреля 1997 г. Россией Протокола № 6 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод³. Однако до настоящего времени данный протокол не был

¹ См., напр.: Конституции зарубежных государств. М., 1997. С. 28–29, 123, 322.

² См., напр.: Конституции зарубежных государств. М., 1997. С. 165, 243, 443, 456.

³ См. п. 4. 2 мотивировочной части определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного

ратифицирован. Исходя из этого, как отмечается в определении КС РФ, Россия обязана до его ратификации исполнять условия Протокола № 6 в соответствии со ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., согласно которой *государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если: а) оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора; или б) оно выразило согласие на обязательность для него договора, - до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться*¹.

Не состоявшаяся до сегодняшнего времени ратификация Протокола № 6, предусматривающего отмену смертной казни означает, что Россия **не имеет международных обязательств по отмене смертной казни**. Соответствующие обязательства могут возникнуть лишь после ратификации Россией Протокола № 6. До этого времени наша страна не применяет смертную казнь не из-за присоединения к Протоколу № 6, а лишь в силу ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров.

Таким образом, указание КС РФ на наличие международных обязательств России по неприменению смертной казни нужно понимать именно в таком ограниченном объеме.

Весьма спорной является ссылка Конституционного Суда на некие международно-правовые тенденции в применении смертной казни. Говорить о существовании тенденции к ее отмене можно лишь применительно к Европейскому Союзу. Однако называть особенности законодательства отдельного межгосударственного образования общепринятыми, наверное, неправильно.

Полагаем, что для суверенной державы наличие каких-либо международных тенденций, не подкрепленных международными договорами этого государства, не может являться основанием для изменения внутреннего законодательства. Окончательное решение вопроса о применении или неприменении смертной казни должно приниматься не Конституционным Судом, а Государственной Думой путем принятия решения о ратификации Протокола № 6 или отказе от нее. Если же рассматривать вопрос шире, то необходимо последовательно избавляться от всех нормативных предписаний, ограничивающих независимость России в вопросах внешней и внутренней (в том числе уголовной) политики. В частности, необходимо исключить отсылку

Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»» // Российская газета. 2009. 27 нояб.

¹ См.: Там же. П. 4. 3.

на общепризнанные принципы и нормы международного права. До настоящего времени в ч. 2 ст. 1 УК РФ сохраняется положение, в соответствии с которым Уголовный кодекс РФ основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах уголовного права.

Также необходима новая редакция ч. 2 ст. 12 УК РФ, в соответствии с которой допускается возможность привлечения к уголовной ответственности по законам иностранных государств российских военнослужащих. Представляется, что суверенное государство, тем более такое, как Россия, ни при каких обстоятельствах не должно признавать иностранной юрисдикции над своими гражданами.

Что касается вопроса о применении смертной казни в России, то он должен быть разрешен лишь на основе потребностей государства в таком виде наказания, с учетом эффективности его предупредительного воздействия на преступность. В настоящее же время неприменение смертной казни приводит к двусмысленной ситуации, когда сотрудники правоохранительных органов и спецподразделений предпочитают уничтожать отдельные категории преступников или, по известному выражению Президента РФ, «мочить в сортире» (в наибольшей степени это касается участников бандподполья на Северном Кавказе), а не задерживать и предавать суду.

2.3. Элементы коллективной ответственности как средство повышения эффективности уголовного наказания

Выше мы уже отмечали, что в современном Российском государстве общество достаточно сильно расколото по имущественному признаку, отсутствует единая для богатых и бедных слоев населения система моральных ценностей и моральных ориентиров, государственная идеология. Таким образом, основная тяжесть социального контроля над личностью возлагается на государство, обладающее мощными средствами воздействия на поведение, включая уголовное наказание.

Вместе с тем оставление государства наедине с преступником может привести лишь к «закручиванию гаек», сверхкриминализации, процессу, сопровождающемуся расширением круга уголовно-наказуемых деяний и увеличением наказаний за их совершение с вытекающими из этого серьезными социальными издержками. Выход из этой ситуации мы видим в возрождении институтов общественного контроля над поведением отдельных лиц, разделении ответственности за совершенное преступление между самим преступником и лицами, прикосновенными к совершенному деянию, попустительствовавшими его совершению или осведомленными о нем, но не принявшими мер по предотвращению преступления. В настоящем параграфе мы попытаемся дать теоретическое обоснование данной позиции.

В действующем уголовном законодательстве в ч. 2 ст. 5 УК РФ провозглашается недопустимость объективного вменения, то есть уголовной ответст-

венности за невиновное причинение вреда.

Общепринятая позиция состоит в том, что объективное вменение в праве свидетельствует о низком уровне правовой культуры общества, позволяет привлекать к уголовной ответственности невиновных, а виновным – избежать уголовной ответственности¹.

Действительно, исторически понятие вины связывалось не с психическим отношением лица к деянию и его последствиям, а с фактом совершения деяния и наступлением последствий этого деяния². Однако, представление об объективном вменении как о свидетельстве неразвитости права является чрезмерно упрощенным.

В. А. Рогов приводит в этой связи полемику Ивана Грозного и князя Андрея Курбского. Согласно концепции А. Курбского, действия выступают как продукт мыслительной деятельности с соответствующими последствиями: доброду началу конец бывает добрый, злое злым кончается. Отсюда он логично осуждает «заочное» установление вины, поскольку это не позволяет выяснить мотивы, которыми руководствовался человек. Иван Грозный в ответ указывает, что кары следуют за «злобные собацкие умышления». Однако никакого отношения к пониманию умысла в форме виновности это не имеет. Позицию Грозного, как указывает В. А. Рогов, следует воспринимать через призму христианской идеи о всеобщей взаимосвязи мировых явлений. Для уголовного права важно то, что действия человека, независимо от его желаний, отражаются в виде тех или иных последствий на других людях. Вина за первородный грех «падает» на всех потомков, за деяния грешных царей расплачиваются народы. Отсюда проистекает законность объективного вменения³.

Аналогичной логики придерживались и другие народы. В 1238 г., после семинедельной осады войсками хана Батыя был взят и сожжен город Козельск, погибло множество жителей. Л. Н. Гумилев объясняет это так: «...Многие русские города во время похода Батыя не пострадали. «Злым городом» был объявлен только Козельск, князь которого Мстислав Святославович Черниговский был среди тех «великих» князей, которые решали судьбу послов (речь о казни монгольских послов, ставшей причиной битвы при р. Калка. – С. Б). Монголы полагали, что подданные злого правителя несут ответственность за его преступления. У них самих было именно так. Они просто не могли себе представить князя вне «коллектива». Поэтому пострадал Козельск»⁴. Ровно такой же логи-

¹ См., напр.: *Колосовский П.* Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья. Опыт исследования по русскому праву. М., 1857. С. 77; *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2000. С. 13–14.

² См.: *Рогов В. А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. С. 53–54.

³ См.: *Рогов В. А.* История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. С. 55–56.

⁴ *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 2002. С. 529.

кой монголы руководствовались и в других случаях, например, при уничтожении Хорезма, где по приказу шаха Муххамеда были казнены монгольские послы.

В этой связи необходимо вспомнить и про такое коллективное наказание, как децимацию. У тех же монголов по свидетельствам современников существовало правило, по которому в случае бегства с поля боя одного или нескольких воинов, умерщвлялись все остальные бойцы соответствующего подразделения. Аналогичное наказание применялось и к тем, кто не предпринимал попыток освободить своих товарищей из плена¹. Децимация применялась и в римской армии как исключительно эффективная мера повышения боеспособности войск

Объективное вменение долгое время сохранялось и в российском праве. Как отмечает Б. Н. Миронов, еще в XVIII—XIX вв. все члены сельских общин несли финансовую ответственность за лиц, не уплативших в срок налоги, а в XIX в. редактор журнала или газеты нес ответственность за содержание напечатанных в них статей².

Особенно широкое распространение получило объективное вменение в Советской России. Р. Р. Данакари приводит данные о массовых захватах и казнях заложников с целью подавления контрреволюционных выступлений, о репрессиях бывших дворян, скрывших свое происхождение. Единственной виной этих несчастных была принадлежность к дворянству³. Советской властью были приняты нормативные акты, позволявшие применять меры уголовной репрессии не только к преступникам, но и к прикосновенным к преступлениям лицам. Одним из наиболее ярких примеров является декрет о красном терроре, предусматривавший смертную казнь как для лиц, участвующих в белом движении, так и для прикосновенных лиц⁴.

Таким образом, в советской уголовно-правовой теории сложилась ситуация, когда советские юристы на словах осуждали объективное вменение, в то время, как на практике оно было повсеместно распространено. Как отмечает В. В. Лунеев, с одной стороны, по мелкоуголовным, бытовым преступлениям суды детально разбирались в психологических нюансах. С другой стороны – закрывали глаза на миллионы невинно осужденных и репрессированных⁵.

Мы не будем сейчас вдаваться в полемику о количестве невинно пострадавших и причинах этого явления. Отметим лишь, что в последнее время появилось много исторических исследований, которые существенно меняют пред-

¹ См.: *Плано Карпини П.* История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 49–50.

² См.: *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 14–15.

³ См.: *Данакари Р. Р.* Объективное вменение в практике советской политической юстиции // Юрист-правовед. 2008. № 2. С. 92–95.

⁴ См.: Декреты советской власти. Т. 3. С. 291–292.

⁵ См.: *Лунеев В. В.* Субъективная сторона преступления // Курс российского уголовного права. Общая часть. М., 2001. С. 283.

ставления о репрессиях 1937–1938 г. г., их масштабе, движущих силах и т. д.¹

Здесь же отметим, что рассматривать в качестве причин репрессий особенности уголовного законодательства, означает поменять местами причину и следствие. Причины, по которым допускалось объективное вменение, лежат в политической сфере. Уголовное право являлось, да, собственно, и сейчас является, лишь одним из инструментов реализации политических целей². Если говорить о репрессиях, то их наибольший всплеск пришелся на 2-ю половину 1937 — 1938 гг., а затем их масштабы резко снизились. Однако уголовное законодательство существенно не изменялось ни до них, ни после. Таким образом, причина репрессий — не в уголовном праве.

Несмотря на то, что и сегодня теоретиками права объективное вменение оценивается, в основном, отрицательно, оно, тем не менее, продолжает достаточно часто встречаться и в уголовном законодательстве, и в правоприменительной деятельности.

Сохраняются и предпосылки объективного вменения, к которым В. В. Лунеев относил, в частности, установление уголовной ответственности за социально-полезную деятельность, создание «каучуковых» составов преступлений, сохранение фактической аналогии, предубежденного толкования законов, идеологического обоснования вины, тенденциозной или ошибочной оценки доказательств, неправомерных действий для получения признания в «вине» и т. п.³

В работах современных юристов приводится множество примеров объективного вменения. Так, отмечается, что привлечение к уголовной ответственности за совершение преступлений в сильной степени алкогольного или наркотического опьянения происходит с нарушением принципа субъективного вменения, поскольку виновный не осознает фактического характера своих действий, не может осознавать их общественной опасности, а также контролировать их. Таким образом, привлечение к уголовной ответственности таких лиц осуществ-

¹ См., напр.: Жуков Ю. Иной Сталин. М., 2005; Гровер Ферр. Тени XX съезда, или антисталинская подлость. М., 2010; Пыхалов И. 1937. Как врут о «сталинских репрессиях». Всё было не так! М., 2013 и др.

² Представляется, что и в современных условиях государство формирует уголовное законодательство для реализации политических целей, а не для повышения эффективности борьбы с преступностью. Примером подобного рода является отмена без всяких объяснений в 2003 г. конфискации имущества. Несмотря на то, что эта мера вызвала возмущение юридического сообщества как несправедливая и не соответствующая целям борьбы с преступностью, государство никак не отреагировало на него. Как говорится, собаки лают – караван идет. В настоящее время государство объявило войну коррупции. Поскольку ничего нового в криминальной ситуации не происходит (скорее наоборот, криминальная обстановка остается достаточно стабильной), объяснить такое пристальное внимание государства к коррупции можно лишь политическими причинами: во-первых, коррупция ухудшает управляемость государства, во-вторых, с усилением государства появилась фактическая возможность реализовать соответствующие меры.

³ См.: Лунеев В. В. Предпосылки объективного вменения и принцип виновной ответственности // Государство и право. 1992. № 9. С. 54–61.

ляется с позиций объективного вменения, исходя из соображений практической целесообразности¹.

По мнению Н. Мелешко и Р. Куссумауль, в ряде случаев вменение в вину несовершеннолетним некоторых квалифицирующих признаков осуществляется без учета возможностей подростков в полной мере осознавать их общественную опасность. В частности, они отмечают, что, подростки зачастую руководствуются «стадным инстинктом», а не разумом и волей. Поэтому вменение несовершеннолетним квалифицирующих признаков «совершение преступления группой, группой лиц по предварительному сговору» неправомерно².

Однако, не только подростки затрудняются в оценке общественной опасности признаков отдельных форм соучастия. В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ, организованная группа характеризуется признаком устойчивости. Верховный Суд РФ неоднократно раскрывал этот признак. В соответствии с неоднократными рекомендациями Верховного Суда РФ об устойчивости группы может свидетельствовать достаточно длительное время ее существования. Оценки длительности даются в соответствии с субъективными представлениями судей и могут не соответствовать оценке участников группы. Таким образом, возникают предпосылки объективного вменения данного квалифицирующего признака.

С момента вступления в силу УК РФ 1996 г. до 2009 года действовала редакция ч. 4 ст. 35 УК РФ, в соответствии с которой определение преступного сообщества содержало два оценочных признака – «устойчивость» и «сплоченность»³. Заметим, что толкование понятия «сплоченность» Верховным Судом РФ было дано лишь в 2008 г.⁴, а до этого более десяти лет существовала неопределенность, при которой суды пытались самостоятельно толковать этот термин. Например, указывалось, что сплоченность может свидетельствовать об устойчивости организованной группы (банды)⁵. При таком подходе признаку

¹ См., напр.: *Бавсун М. В., Векленко С. В., Фаткуллина М. Б.* Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве // *Правоведение*. 2006. № 4. С. 125–134; *Спасенников Б., Спасенников С.* Определение понятия «опьянение» в уголовном праве // *Уголовное право*. 2007. № 4. С. 67–71; *Лейкина Н. С.* К вопросу об обоснованности ответственности за преступления, совершаемые в состоянии опьянения // *Вестник Ленингр. ун-та*. 1958. № 11. С. 120.

² См.: *Мелешко Н., Куссумауль Р.* Исключить объективное вменение квалифицирующих обстоятельств несовершеннолетним // *Российская юстиция*. 2002. № 6. С. 57–59.

³ Имеется в виду та часть определения, согласно которой под преступным сообществом (организацией) понималась сплоченная организованная группа, т. е. группа устойчивая, как любая организованная группа, и одновременно сплоченная.

⁴ Имеется в виду Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» // *БВС РФ*. 2008. № 8.

⁵ См.: *Лица обоснованно осуждены по ст. 209 УК РФ за создание банды и участие в ней (Извлечение)* // *БВС РФ*. 2004. № 4. С. 19; *Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2001 год. Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан отменен в части осуждения Глазкова и Егорова*

сплоченности вообще отказывалось в праве на самостоятельное существование. Как следствие – привлечение к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ в отсутствие единого судебного толкования признака сплоченности преступного сообщества могло осуществляться только с позиций объективного вменения. В противном случае следует предположить, что привлекаемые к уголовной ответственности лица должны разбираться в юридической терминологии лучше, чем судебные инстанции.

Ш. А. Кудашев считает, что объективное вменение имеет место также при привлечении к уголовной ответственности за кражу с причинением значительного ущерба гражданину, поскольку оценку ущерба производит потерпевший, а виновный, совершая хищение, может не осознавать этого обстоятельства¹.

В. Титова обнаруживала объективное вменение при привлечении к уголовной ответственности по ст. 188 УК РФ «Контрабанда» (ныне исключенную из УК РФ), поскольку оценка стоимости имущества, перемещаемого контрабандой через таможенную границу, осуществлялась экспертом исходя из рыночной, а не таможенной стоимости перемещаемого имущества, о которой виновный мог не иметь представления².

И. Теслицкий приводит пример, когда привлечение к уголовной ответственности водителей за нарушение правил дорожного движения (например, при наезде на пешехода) осуществляется без учета индивидуальных психофизиологических качеств конкретного человека, на основании усредненной скорости реакции – 0,8 с. При этом 0,4 и 1,2 секунды – это предельные пороги времени нормальной реакции, по мнению как отечественных, так и зарубежных исследователей³.

Игнорирование индивидуальных физиологических особенностей конкретного человека также создает предпосылки невинного привлечения к уголовной ответственности за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны. Как известно, дополнение ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» частью 2. 1. освобождает лицо от ответственности за превышение пределов необходимой обороны, если в случае неожиданности посягательства обороняющийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения. Отметим, однако, что обороняющийся вряд ли способен дать объективную оценку действий нападающего. Эта оценка всегда будет субъективной, таковы уж мы, люди. Кроме того, адекватная оценка ситуации зависит от индивиду-

по ч. 1 ст. 209 УК РФ за недоказанностью, а по п. "а", "б" ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 162 УК РФ – за отсутствием состава преступления // БВС РФ. 2002. № 9. С. 14.

¹ См.: Кудашев Ш. Е. К. Маркс о краже леса и не только; некоторые проблемы дифференциации уголовной ответственности и наказания за хищения по УК РФ // Мировой судья. 2006. № 11. С. 16–20.

² См.: Титова В. Крупный размер контрабанды // Законность. 2008. № 5. С. 43–45.

³ См.: Теслицкий И. Невинное причинение вреда по психофизиологическому основанию // Уголовное право. 2008. № 3. С. 50–53.

альных особенностей личности обороняющегося, его психики, жизненного опыта и т. п. Как мы указали выше, нормальная скорость реакции у различных людей отличается очень сильно. Однако также отличается и восприятие, особенно в экстремальных условиях. В этой связи Э. В. Кабурнеев правильно, на наш взгляд, отмечает, что следственные органы неверно оценивают действия обороняющегося, в отношении которого фактически допускается объективное вменение¹.

Н. А. Лопашенко, анализируя ч. 3 ст. 247 УК РФ, указывает, что вменение лицу приготовления к действию, влекущему последствия, которые лишь могут наступить, означает объективное вменение². Обобщая ее мысль можно сказать, что привлечение к уголовной ответственности за приготовление к преступлению с двойной формой вины противоречит уголовно-правовому принципу вины.

Объективному вменению в ряде случаев способствует, как отметил В. В. Лунеев, оценочное презюмирование некоторых волевых и интеллектуальных моментов вины. На основе оценочных суждений «не предвидел, но мог и должен был предвидеть» формулируется уголовная ответственность за небрежность³. Например, уголовная практика идет по пути вменения п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ в случае совершения изнасилования, повлекшего по неосторожности тяжкие последствия в виде самоубийства потерпевшей⁴. Основанием для привлечения к уголовной ответственности в данном случае является расширительное толкование умысла, при котором «виновный должен осознавать все возможные последствия своих действий (бездействия)». Очевидно, что суды в подобных случаях руководствуются не принципом субъективного вменения, а соображениями целесообразности привлечения к уголовной ответственности.

Подобные примеры можно приводить и далее, однако считаем, что сказанного уже достаточно для некоторых выводов:

1. Объективное вменение, несмотря на его запрет, фактически сохраняется в уголовном праве.

2. Критика объективного вменения не состоятельна, поскольку его противники возражают не против привлечения к уголовной ответственности за невиновное причинение вреда, а против коллективной ответственности. Между тем эти явления не тождественны. По крайней мере, мы можем говорить о том, что коллективная ответственность есть проявление объективного вменения в

¹ См.: Кабурнеев Э. В. О некоторых проблемах квалификации фактов причинения смерти при превышении пределов необходимой обороны // Российский следователь. 2007. № 1. С. 14–16.

² См.: Лопашенко Н. А. Квалификация неоконченной деятельности и соучастия в экологических преступлениях // Законность. 2007. № 10. С. 20–24.

³ См.: Лунеев В. В. Предпосылки объективного вменения и принцип виновной ответственности // Государство и право. 1992. № 9. С. 54–62.

⁴ См., напр.: Определение № 31-098-35 по делу Истратова : Вопросы квалификации преступлений // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 18; п. 17 ПВС РФ от 15.06.2004 № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 8. С. 2.

широком смысле, тогда как УК РФ трактует его более узко.

3. Объективное вменение в узком смысле (как понимает его УК РФ), выполняет важную функцию восстановления социальной справедливости при привлечении к уголовной ответственности за неосторожные преступления, повлекшие существенный вред.

4. Объективное вменение в уголовном праве само по себе не может являться причиной массовых нарушений прав и свобод граждан.

5. Запрет объективного вменения в узком смысле является не более чем правовой фикцией, законодательным приемом, позволяющим примирять формализм уголовного законодательства и многогранность реальной жизни.

Как мы видим, объективное вменение в узком смысле, т. е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, фактически допускается и полностью избавиться от него, по-видимому, невозможно.

Вместе с тем, с точки зрения повышения эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания, на наш взгляд, представляет интерес и объективное вменение в широком смысле, т. е. коллективная ответственность.

Прежде чем углубиться в обсуждение коллективной ответственности, ее достоинств и недостатков, необходимо отметить следующее – данный правовой институт, как, впрочем, и другие правовые нормы, имеет свои предпосылки, кроющиеся в традиционных общественных отношениях.

На наш взгляд, предпосылки коллективной ответственности лежат в особенностях семейно-бытового и общинного устройства жизни в России на протяжении практически всей ее истории вплоть до середины 19 века.

А. Ф. Бернер, анализируя круговую поруку у славян (круговая порука здесь является синонимом коллективной ответственности. – С. Б.), объяснял ее существование тем, что первоначально славяне жили отдельными, враждебными друг другу союзами. Постепенно разрозненные союзы сплотились воедино, в один общий— земский мир, а поскольку, как указывает А. Ф. Бернер, замирение произошло не между отдельными лицами, а между отдельными союзами, то за всякое нарушение междусоюзного мира ответственность несло не отдельное лицо, а целый союз, вервь, члены которой были поэтому связаны между собою круговой порукою, несли круговую ответственность за проступки своего сочлена перед другим союзом¹.

Б. Н. Миронов отмечает, что групповая ответственность перед государством покоилась на концепции круговой поруки, предполагаемой виновности и на презумпции, что в семье или общине не могли не знать о преступлении, что плодами преступления пользовались все члены семьи или общины. Для современного человека это звучит очень странно, но коллективизм был действительно присущ нашим предкам, и секретов в общине и семье практически не суще-

¹ См.: Бернер А. Ф., Прим.: Неклюдов Н.: Учебник уголовного права: Часть общая. Части общая и особенная: С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Т. 1. СПб, 1865. С. 166-182.

ствовало. Закон это обстоятельство и учитывал, привлекая членов коллектива к ответственности как соучастников¹.

По нашему мнению, институт коллективной ответственности, возникнув из объективной необходимости поддержания мира между различными союзами, превратился в достаточно мощный и эффективный правовой инструмент, активно применявшийся государством для стимулирования сплоченных коллективов (общин, семей) к правопослушному поведению. Например, Русская правда предусматривала ответственность общины за убийство, совершенное на ее территории (т. н. «дикая вира»). Разорительный размер виры, достигавшей 80 гривен (или 16 кг. серебра) предполагал, что община была крайне незаинтересована в совершении преступлений на своей территории. Одновременно и каждый член общины стремился не только соблюдать законность, но и участвовать в экономической деятельности общины, чтобы гарантировать себе ее покровительство в случае возможных неприятностей².

Таким образом, коллективная уголовная ответственность на ранних стадиях существования государства играла важную роль в деле укрепления правопорядка в государстве и укрепления общинных связей.

Отказ от коллективной ответственности в пользу ответственности индивидуальной хронологически совпадает в России с усилением буржуазии, распадом традиционных общин и патриархальных семей и усилением индивидуалистической психологии в обществе. Собственно, буржуазия, как и предшествовавшее ей купечество, всегда выступали против коллективной ответственности и сопутствующих ей принципов равенства членов общины. Еще в 1209 г. одной из причин Новгородского восстания явилось обложение посадником Дмитрием Мирошкиничем «дикой вирой» купцов, проживавших на территории общины, но не участвовавших в ее деятельности³. Однако лишь к середине XIX века воззрения купечества и буржуазии были восприняты государством. В 1895 г. во время коронации Николая II московские купцы отказались стоять на церемонии вторыми после дворян, и протокол был изменен⁴. Комментируя это событие Б. Н. Миронов отметил, что оно явилось симптомом важного переворота, происходившего в общественном сознании: личные заслуги, талант, богатство, нажитое собственным трудом, начинали цениться более, чем дворянское происхождение, за которым, кроме сословной спеси, могло ничего и не стоять.

В советский период развития России идея коллективного воздействия на преступника получила второе рождение. Это нашло отражение в ряде уголов-

¹ См.: *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 17.

² В частности, ст. 8 Пространной редакции Русской правды постановляет, что лица, не участвующие в совместной с общиной выплате дикой виры, в случае совершения ими преступления несут ответственность самостоятельно: «Аще кто не вложится в дикую виру, тому люде не помогают, но сам платит». См.: *Бытко Ю. И., Бытко С. Ю.* Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков. Саратов, 2006. С. 51.

³ См.: *Мавродин В.* Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 94–95.

⁴ См.: *Зиновьев К.* Россия накануне Революции. London, 1983. С. 47.

но-правовых институтов. Так, в соответствии со ст. 44 УК РСФСР 1960 г. суд по ходатайству общественных организаций или коллективов рабочих, служащих, колхозников мог передавать условно осужденного этим организациям или коллективу для перевоспитания и исправления. Статья 51 УК РСФСР по ряду преступлений предусматривала освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд, а по ст. 52 УК РСФСР допускалось освобождение от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки. Статьей 53 УК РСФСР предусматривалось привлечение трудового коллектива к наблюдению за условно-досрочно освобожденными от наказания лицами, а также за лицами, которым неотбытая часть наказания была заменена более мягким наказанием.

Как видим, при явном отсутствии коллективной ответственности, уголовное законодательство позднего советского периода предусматривало определенные меры коллективного воздействия на преступника и, тем самым, повышало статус коллектива, его роль в поддержании правопорядка и регулирования поведения отдельных его членов.

С распадом Советского Союза и воцарением буржуазной индивидуалистической идеологии, коллективное воздействие ушло, казалось бы, в прошлое. Можно констатировать, что наше современное общество не является монолитным, оно расколото по имущественному признаку¹. В подобных условиях возможности коллективного воздействия на преступность существенно ослаблены.

Таким образом, в России в разные периоды ее развития происходили циклические изменения возможностей коллективного воздействия на преступность – от максимального подчинения человека интересам того или иного коллектива, до полной свободы, ограничиваемой фактически лишь рамками уголовного законодательства.

В условиях, когда не определено отношение законодателя, да и всего общества, к использованию возможностей коллективного воздействия на личность отдельного человека в интересах борьбы с преступностью, особый интерес представляет зарубежный опыт.

Австралийский социолог Джон Брейтуэйт в своей статье «Теория воссоединяющего стыда»² сравнивает криминальную ситуацию в США и Японии, уголовное законодательство этих стран. В США – жесткое уголовное законодательство, активно применяется смертная казнь, широко распространено наказание в виде лишения свободы. Несмотря на это в стране сохраняется высокий уровень преступности. В Японии, хотя также сохраняется смертная казнь, уголовное законодательство, в целом, существенно более либеральное. Лишение свободы применяется реже, широко практикуется условное осуждение. И при этом – уровень преступности здесь значительно ниже, чем в США. Дж. Брейтуэйт

¹ В различных регионах России доходы самых богатых превышают доходы самых бедных в десятки раз. Так, в Москве – в 52 раза, в Тюменской области – в 21 раз. См.: Федотова И. Порок бедности // Российская газета. 2005. 23 июня.

² См.: Брейтуэйт Дж. Теория воссоединяющего стыда // Человек. 2002. № 3. С. 64–76.

эйт предлагает достаточно убедительное объяснение данного феномена. По его мнению, уголовное наказание является не самым лучшим и не самым эффективным способом борьбы с преступностью. Гораздо более сильное воздействие на личность оказывает общество. И от того, какой будет его реакция, во многом зависит поведение человека, совершившего преступление. Для США характерно отторжение преступника от общества, изгнание из коллектива, клеймение его позором и т. п. Преступнику, который становится изгоем, ничего не остается кроме как объединяться с себе подобными. Так происходит формирование преступной среды, ценности которой прямо противоположены ценностям «большого» общества.

В Японии общество и коллектив не отворачивается от преступника, скорее наоборот, сопереживает, разделяет с ним вину, вразумляет его, и, в конце концов, непременно прощает его, способствуя восстановлению социальных связей правонарушителя и воссоединению его с обществом. Характерной чертой японского общества является добровольное разделение ответственности за совершенное преступление с преступником. Так, моралью допускается самоубийство родителей при совершении ребенком позорящего преступления, поощряется уход в отставку руководителей в случае совершения преступления подчиненными и проч. При этом большое значение имеет раскаяние и примирение с потерпевшим, которые рассматриваются не как формальные процедуры, а как результат серьезной душевной работы оступившегося и нарушившего закон человека.

Как видно из сказанного, Россия в настоящее время воспроизводит менее эффективную американскую модель взаимоотношений общества и преступника, при которой государство остается один на один с преступником и не может опереться в этой борьбе на общество, отдельные коллективы, как это принято в Японии.

По нашему мнению, в настоящее время сложилась экономическая и политическая ситуация, при которой возможно существенное изменение уголовной политики в сторону повышения роли общества в борьбе с преступностью. Разворачивающийся на наших глазах мировой экономический кризис, причиной которого, по словам Д. А. Медведева, стал экономический эгоизм отдельных государств¹, а в более широком смысле этого слова — эгоизм отдельных субъектов экономической деятельности, явившийся проявлением идеологии крайнего индивидуализма, по-новому заставляет взглянуть на проблему взаимодействия человека и общества. Необходимо исправление дисбаланса, при котором отдельный человек, его права и интересы провозглашаются главной ценностью в государстве, а интересы общества автоматически отступают на второй план.

С уголовно-правовой точки зрения этому может способствовать формирование новых институтов, позволяющих в полной мере реализовать потенциал

¹ См.: Кузьмин В. Пятый элемент. Дмитрий Медведев добавил еще один пункт в собственную экономическую программу // Российская газета. 2008. 9 июня.

коллективной ответственности при соблюдении основных прав и свобод граждан.

Считаем, что в целях повышения эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания необходимо установить в ограниченном объеме уголовную ответственность лиц, прикосновенных к преступлениям. В ряде случаев условия работы (службы) таковы, что совершение преступления невозможно скрыть от сослуживцев. Ярким примером является уголовное дело в отношении ряда сотрудников отдельного батальона дорожно-патрульной службы Астраханской области, когда на рядовых сотрудников руководством возлагалась обязанность после каждой смены передавать руководству определенные суммы, полученные в виде взяток от автомобилистов¹. В другом случае несколько оперативников уголовного розыска, «выбивая показания» избili, а затем облили еще живого подозреваемого в краже ювелирных изделий и подожгли². В этих и подобных им случаях совершению преступления предшествовал целый ряд проступков или других преступлений, которые не могли оставаться неизвестными для сослуживцев преступников в силу специфики работы.

В связи с этим представляется, что объективное вменение в широком смысле, т. е. коллективная ответственность, в подобных случаях при соблюдении определенных условий могло бы выступать в качестве инструмента, стимулирующего общество, отдельные коллективы к активному противодействию преступности. Для этого необходимо определить виды преступлений, по которым допустима коллективная ответственность, четко определить виды и размеры наказаний, возлагаемых на прикосновенных к преступлению лиц.

Условия привлечения к коллективной ответственности, на наш взгляд должны быть следующими:

- совершение преступления участником коллектива, деятельность которого имеет строгую законодательную регламентацию;
- наличие у каждого члена коллектива нормативно закрепленных прав и обязанностей;
- строгая правовая регламентация круга лиц, в отношении которых допустимы меры коллективной ответственности.

В перечень организаций, к сотрудникам которых могут применяться меры коллективной ответственности, должны быть включены подразделения Вооруженных Сил, МВД, других силовых ведомств, администрации муниципальных учреждений, субъектов Федерации, суды, органы прокуратуры различных уровней, а также иные государственные или муниципальные органы и учреждения.

К числу лиц, в отношении которых допустимы меры коллективной ответственности, необходимо относить:

¹ См.: *Ионова Л. В.* Астрахани за взятки задержан взвод ДПС. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/26/reg-ufo/vzatka-anons.html> (дата обращения: 01.11.2014)

² См.: *Куликов А.* Саратовские милиционеры сожгли живьем подозреваемого. URL: <http://www.rg.ru/2008/10/31/reg-saratov/sogenie-anons.html> (дата обращения: 01.11.2014).

- прикосновенных к преступлению, совершенному их коллегой;
- имевших объективную возможность препятствовать совершению преступления;
- не принявших мер к предотвращению преступления или его последствий.

Меры коллективной ответственности могут выглядеть следующим образом:

- предупреждение;
- денежное взыскание;
- временное отстранение от должности;
- понижение в должности;
- увольнение.

По нашему мнению, введение в Уголовный кодекс Российской Федерации в ограниченном объеме элементов коллективной ответственности способно существенно повысить эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания путем создания и запуска механизмов общественного воздействия на преступность.

2.4. Калечащие наказания и учет биологических особенностей человека при конструировании уголовно-правовых норм

Анализируя эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания необходимо обратиться к проблеме калечащих наказаний. Казалось бы, эта тема с развитием идей гуманизма, появлением новых научных данных о поведении человека, должна была уйти в прошлое еще в позапрошлом столетии, однако несколько лет назад она неожиданно получила развитие.

В начале 2008 г. общественное мнение было взбудоражено многочисленными сообщениями об участившихся посягательствах на детей. Новая информация на эту тему поступала по каналам СМИ практически каждую неделю. В сообщениях прессы приводились данные уголовной статистики, из которых можно было сделать вывод о существенном обострении проблемы: за 2007 г. от рук преступников погибли 2,5 тысячи детей, всего же в отношении них совершено 161 тысяча преступлений¹. На этом фоне стали раздаваться голоса о необходимости ужесточения наказания в отношении маньяков-педофилов, на счету которых были самые громкие и жестокие преступления. Среди возможных мер по борьбе с этими преступниками обратило на себя внимание предложение, которое высказал член Общественной палаты при Президенте России А. Кучерена, суть которого состояла в принудительной химической кастрации педофилов. Данная инициатива нашла одобрение у некоторых депутатов и предметно обсуждалась на различных

¹ См.: Козлова Н. Педофилы объявили войну России. В прошлом году в стране от рук преступников погибли 2,5 тысячи детей // Российская газета. 2008. 10 апр.

уровнях¹.

Аналогичные меры предлагались и в других странах. В частности, решительно высказывался за стерилизацию педофилов президент Франции на тот момент Николя Саркози². Подобные предложения звучали также в Великобритании³ и Израиле⁴.

Таким образом, средствами массовой информации формировалось общественное мнение о неэффективности существующих на сегодняшний день уголовных наказаний. В частности, в СМИ приводились данные о стопроцентном рецидиве преступлений у педофилов⁵. Но если предположить, что уголовное наказание как мера социального воздействия не достигает цели предупреждения новых преступлений со стороны педофилов, то следует сделать вывод о том, что причины преступлений, совершаемых ими, лежат не в социальной плоскости, не в воспитании и развитии личности и условиях ее жизни, а в области их физиологии. И справиться с природой этих людей мы можем, только изуродовав их тело.

Подобные взгляды на причины преступности и методы борьбы с ней отнюдь не новы. В истории криминологии теории о биологических предпосылках преступности периодически возникали и периодически же подвергались такой разгромной критике, что сама постановка вопроса о биологических предпосылках преступного поведения сегодня считается неприличной.

Вместе с тем в последнее время появляются новые исследования о поведении животных и человека, результаты которых, на наш взгляд, представляют интерес для криминологов, позволяют по-новому взглянуть на проблему о соотношении биологического и социального в поведении человека и, возможно, использовать их в уголовно-правовом законодательстве. Рассмотрим некоторые из них.

1. Зеркальные нейроны.

В 90-х гг. прошлого века, проводя эксперименты над шимпанзе, ученые под руководством профессора Пармского университета Джакомо Ризолатти обнаружили, что у обезьян, наблюдающих за действиями их сородичей, активизируются нейроны в коре головного мозга, как если бы эти обезьяны сами выполняли эти действия. Исследования показали, что аналогичные процессы происходят и у людей. Эксперименты, проведенные Лучано Фадиджо, показали, что при наблюдении каких-то определенных движений соответствующие мышцы подопытных непроизвольно сжимались так, словно они сами готовились произвести такие движения. Изучение мозговой активности позволило выявить зеркальные нейроны и у людей. Итальянские

¹ См.: *Васецкий А.* Педофилов будут кастрировать // *Взгляд*. 2008. 9 апр.

² См.: *Паклин Н.* Саркози отправил Европу в нокаут // *Российская газета*. 2007. 22 авг.

³ См.: *Егоров М.* Насильников будут кастрировать // *Российская газета*. 2007. 15 июня.

⁴ См.: *Козлова Н.* Указ. соч.

⁵ См.: Там же.

ученые выдвинули гипотезу о том, что зеркальные нейроны стали главным фактором появления речи у людей. Механизм их действия примерно таков: «...Наблюдая действия другого человека, первобытный охотник, точно так же, как и мы сегодня, мысленно воспроизводит эти действия с помощью зеркальных нейронов. Одновременно эти нейроны отдавали его собственным мышцам приказ совершать те же действия. Мышцы напрягались соответствующим образом, но сами действия не совершались — их подавляли сильные запрещающие импульсы, обычно подаваемые в таких случаях спинным мозгом. Иногда, однако, напряжение преодолевало запрет и прорывалось в непроизвольном и коротком «подражательном» действии. Такое действие, по мнению итальянских ученых, было зародышем жеста, дававшего возможность другому увидеть, что его «поняли». Иными словами, это был зародыш коммуникации. На следующем этапе из таких жестов родилась и собственно речь, управление которой, как прежде — управление жестами, сконцентрировалось в том участке, где у людей сосредоточены зеркальные нейроны — в участке Брока...»¹.

Таким образом, сопереживание, заимствование чужого опыта, поведение в толпе, например, во время массовых беспорядков (т. н. «эффект толпы») могут иметь физиологическую природу. Чем сильнее внешний раздражитель - тем сильнее отклик в коре головного мозга. Вполне возможно, что именно свойства зеркальных нейронов используется в рекламе, эффект от фильмов ужасов и боевиков может выплескиваться на улицы в виде насильственных преступлений и т. д.

Одним из сильнейших раздражителей подобного рода может выступать поведение окружающей толпы. Возможно, именно особенностью «зеркальных» нейронов обусловлено то обстоятельство, что человек склонен подчиняться ее поведению.

В этом свете по-новому воспринимается описание толпы, данное Габриэлем де Тардом: «...Каким чудом масса лиц, так еще недавно рассеянных и совершенно индифферентных друг к другу, вдруг соединяется в единое целое, образует род магнитной цепи, издает одни и те же крики, бежит в одном и том же направлении, действует по одному и тому же плану? Единственно благодаря симпатии, этому источнику подражательности, этому животворящему началу социальных тел»².

Какой вывод можно сделать из сказанного? Как минимум, на наш взгляд, существуют веские основания для изучения эффекта "зеркальных" нейронов с целью уточнения пределов вменяемости. И, вполне возможно, что люди с

¹ *Вартбург М.* Зеркальные нейроны. URL: http://wsyachina.narod.ru/biology/glassy_neurons.html (дата обращения 2.11.2014 г.); Танец зеркальных нейронов. URL: <http://www.leq.ru/Soc/Nepoznal/Tanec-zerkalnyh-neironov/> (дата обращения: 15.10.2014).

² *Тард Г. де.* Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М., 2004. С. 361.

пониженным самоконтролем, поддавшись влиянию толпы, в значительной степени утрачивают возможность руководить своими действиями, что должно быть учтено при конструировании эффективных санкций.

Таким образом, необходимо уточнить положения некоторых уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность, например, за массовые беспорядки.

2. Доверчивость – возможно врожденное качество.

Группа психологов и антропологов из Швеции и США в ходе экспериментов установила, что большинство людей склонны доверять другим людям. Кроме того, у людей, которым оказывается доверие, повышается в крови уровень окситоцина («гормона удовольствия»)¹.

Взаимное доверие имеет огромное значение, поскольку поведение, основанное на доверии и благодарности, обеспечивает само существование общества, когда отдельные его члены должны жертвовать своими интересами, и даже самой жизнью, ради блага остальных².

В этом свете представляется некорректной высказываемая иногда практическими работниками правоохранительных органов мысль, что мошенники подобны волкам в овечьем стаде, убирая самых неприспособленных особей, и что «дураков» (под которыми понимаются доверчивые потерпевшие) «надо учить». Потерпевшими от мошенничества являются не они, а наоборот, самые полезные члены общества, на самоотверженном поведении которых, собственно, оно и держится. Не принимая мер к восстановлению доверия, мы рискуем получить общество циничных, недоверчивых эгоистов, у которого нет будущего. Обман народа, в массе своей доверчивых и честных людей, порождает и такое явление, которое называют «правовым нигилизмом».

Каков же вывод? Представляется, что общественная опасность мошенничества в действующем уголовном законодательстве сильно недооценена. При ее оценке необходимо учитывать, что мошенники посягают не только на право собственности конкретного потерпевшего, но на саму основу, объединяющую отдельных людей в здоровое сильное общество. Следовательно, необходимо ужесточить санкции по ст. 159 УК РФ «Мошенничество», и усилить тем самым меры по профилактике этих преступлений. Бездействие правоохранительных органов по отношению к мошенникам – вдвойне опасно, поскольку подрывает доверие граждан друг к другу и к государству.

Однако доверие людей отравляют не только действия мошенников. В

¹ Марков А. Доверчивость и благодарность — наследственные признаки. URL: <http://elementy.ru/news/430688> (дата обращения: 15.10. 2014).

² В отечественной генетике высказывалось предположение о том, что альтруизм – качество, приобретенное благодаря направленному индивидуальному и групповому отбору. См.: Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. 1971. № 10.

этом же ряду – грабительская приватизация, результатом которой стало отчуждение народа от собственности, его обнищание, раскол общества по имущественному признаку¹, обман миллионов вкладчиков, лишившихся всех личных сбережений; недобросовестная реклама; банки, раздающие «беспроцентные» кредиты, оборачивающиеся на самом деле долговой кабалой; невыполненные предвыборные обещания депутатов и т. д.

Представляется, что уголовное законодательство должно жестче реагировать на любые формы обмана доверия граждан.

3. Влияние природных факторов на социальные процессы.

Существует много общеизвестных данных о воздействии природных факторов на общество, однако синтетическую картину этого влияния еще только предстоит создать.

Например, в работе М. Н. Гернета «Общественные причины преступности», написанной в 1906 г., мы находим сведения о прямом соотношении преступности с ценами на хлеб².

Другой наш выдающийся ученый А. Л. Чижевский убедительно показал взаимосвязь урожая зерна с циклами солнечной активности³. Существуют и другие примеры воздействия природных явлений на социальные процессы.

Таким образом, можно предполагать существование определенной зависимости между солнечной активностью и уровнем хищений. Представляется, что установление характера этой зависимости является предметом самостоятельного криминологического исследования. Необходимо выяснить, влияет ли на поведение людей уровень солнечной активности, либо причина хищений лежит исключительно в социальной плоскости. А. Л. Чижевский в свое время продемонстрировал наличие корреляционной зависимости между солнечной активностью и количеством самоубийств⁴. В то же время существует зависимость между количествами самоубийств и убийств, которые, как полагает, например, Е. Г. Ермолаева, являются родственными явлениями, различающимися по направленности агрессии. В частности, ею была изучена статистика убийств и самоубийств в РФ за период с 1985 по 2005 гг. и продемонстрирована их зависимость⁵. Таким образом, зависимость между солнечной активностью и уровнем убийств существует. Характер же этой зависимости является предметом самостоятельного исследования.

Даже столь краткий анализ показывает, что существуют серьезные

¹ В различных регионах России доходы самых богатых превышают доходы самых бедных в десятки раз. В частности, в Москве – в 52 раза, в Тюменской области – в 21 раз. См.: Федотова И. Порок бедности // Российская газета. 2005. 23 июня.

² См.: Гернет М. Н. *Общественные причины преступности* // Избранные произведения. М., 1974. С. 173.

³ См.: Чижевский А. Л. *Земное эхо солнечных бурь*. М., 1976. С. 104-108.

⁴ См.: Там же. С. 316.

⁵ См.: Ермолаева Е. Г. *Суицид и преступность в ряду социальных девиаций в России* // Вестник Саратовской государственной академии права. Вып. 2. Саратов, 2007. С. 129–131.

основания для возобновления дискуссии о биологическом и социальном в поведении человека. Ее дальнейшее развитие, несомненно, обогатит уголовно-правовую науку и криминологию, позволит выработать новые эффективные меры, способствующие повышению эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний.

Как мы уже отмечали, среди отечественных криминологов данная тема не пользуется популярностью. Вкратце содержание дискуссии о соотношении биологического и социального в поведении человека, а конкретно, в преступном поведении, сводилось к одному единственному вопросу - детерминированы ли поступки человека его биологической природой или нет?

Советская криминология ответила на этот вопрос однозначно: биологические особенности являются фоном, воздействующим на степень выраженности тех или иных черт личности (темперамент, одаренность и т. п.). Качественное же, содержательное наполнение сознания осуществляется в процессе общественных отношений. Ученые, придерживающиеся мнения о некотором влиянии наследственности на поведение человека, были подвергнуты остракизму.

Следует отметить, что эта дискуссия имела не только научную, но и идеологическую подоплеку. Как отмечал видный генетик В. П. Эфроимсон, отказ признать роль наследственности в вариациях способностей обусловлен чрезвычайно упрощенным представлением о том, что это может привести к антидемократическим позициям, оправдывающим расовое, национальное и классовое неравенство¹.

Действительно, XX в. дал нам ужасные примеры, когда массовые преступления против человечества основывались на якобы «научных данных».

Геноцидом обернулись попытки воплощения предположений генетиков о возможности улучшения породы человека путем стерилизации преступников (а то и уничтожения "неполноценных" народов). Так теоретической предпосылкой нацистской программы уничтожения «недочеловеков» (славян, евреев, цыган и т. д.) явились положения евгеники о необходимости селекции человечества с целью улучшения «породы»².

В США, где евгеника тоже была воспринята с энтузиазмом, в рамках программы борьбы с преступностью было подвергнуто стерилизации порядка 70 тыс. американцев, причем некоторые из прооперированных получили серьезные осложнения, и скончались в течение нескольких дней после операции. В одном только штате Северная Каролина за сорок лет (до 70-х гг. XX в.) было стерилизовано более 7 тыс. человек, причем некоторым было не более 10-11 лет. Причинами для операций служили умственные заболевания, обвинения в сексуальной распущенности, и даже просто общение не с той компанией³. Однако, существенных успехов в борьбе с преступностью такие

¹ См.: Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. М., 2004. С. 19.

² См.: Бенно Мюллер-Хилл. Генетика человека и массовые убийства // Человек. 1997. № 4.

³ См.: Синдербранд Ребекка. Евгеника в Америке. Секретная программа Северной Каролины

жестокие меры не принесли.

Исследования генетиков показали всю несостоятельность теорий о превосходстве одних рас или социальных групп над другими¹. Но до сих пор криминологи избегают исследования роли наследственных факторов в преступном поведении из-за опасений обвинений в расизме, ломброзианстве, социал-дарвинизме и проч.

Показательна в этом смысле полемика виднейших отечественных генетиков и юристов по вопросу о соотношении биологического и социального в преступном поведении. С одной стороны в ней выступали генетик, академик Н. П. Дубинин, виднейшие ученые правоведы И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, которые в своей монографии «Генетика. Поведение. Ответственность» настаивали на исключительной роли воспитания и среды в поведении. Другую точку зрения представляли «биологизаторы» - генетик профессор В. П. Эфроимсон и юрист – профессор И. С. Ной, по мнению которых поведение человека в некоторой степени детерминировано его наследственностью².

Непредвзятый анализ этой дискуссии показывает, что позиция противников «биологизаторства» имеет определенные изъяны методологического характера.

Во-первых, само название «биологизаторство» - слишком сильный клеймящий термин, подразумевающий, что сторонники этого подхода слепо отрицают либо существенно принижают роль социальных факторов в поведении человека. Те же, кто отрицает роль биологического начала, причисляются к «прогрессивным ученым»³. Между тем ни В. П. Эфроимсон, ни И. С. Ной никогда не абсолютизировали роль природного, биологического начала до той степени, которую им приписывали оппоненты⁴.

по стерилизации граждан, санкционированной властями штата // NewsWeek. 2005. 21 марта.

¹ См.: Эфроимсон В. П. Указ. соч. С. 20.

² См. Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика. Поведение. Ответственность. М., 1989; Ной И. С. Методологические основы советской криминологии. Саратов, 1975.

³ См.: Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 286.

⁴ В. П. Эфроимсон, в частности, говоря о сложности проблемы, писал: «...Когда говорят о роли наследственности, молчаливо подразумевается «при прочих равных условиях», а уж разобраться в том, во что сформируются бесчисленно разнообразные генотипы в бесчисленно разнообразных и притом меняющихся условиях, пока не под силу. Приходится упрощать переменные, потому что только так и можно подойти хоть к первому приближению...». См.: Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. М., 2004. С. 190. И. С. Ной, отвечая на критику И. И. Карпеца, указывал: «...Я ограничусь лишь заявлением, что никогда ни в одной из своих работ не пытался объяснить совершенное преступление лишь биологическими особенностями человеческого организма. Влияние же биологических особенностей человека на его поведение, в том числе и преступное, я действительно признаю. Но то, что «человек подчиняется не только законам общественного развития, но и законам природы, биологическим законам» и что «он является единством двух детерминаций – биологической и общественной», подчеркивается и в современной советской литературе...». См.: Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 93.

Во-вторых, противники «биологизаторства», стараясь любой ценой отстоять свою точку зрения, используют аргументы, несоответствующие критериям «научной строгости». Их исходные посылки имеют идеологический, а не строго научный фундамент. «Принципиальная позиция марксизма-ленинизма состоит в том, что социальные явления не могут быть объяснены с биологических позиций» – указывают авторы монографии «Генетика, Поведение. Ответственность»¹. Однако, заметим, что полноценная научная дискуссия может происходить лишь в том случае, когда доводы сторон могут быть, пусть даже теоретически, опровергнуты. Европейский философ Карл Поппер предложил в качестве одного из критериев научности той или иной теории, ее фальсифицируемость, т. е. возможность ее опровержения². Если же одна из сторон базируется, если так можно выразиться, на «железобетонной», непробиваемой никакими аргументами «принципиальной позиции», то вряд ли можно говорить в таком случае о диалоге между сторонами, о научной дискуссии. Соответственно, любые контрдоводы оппонентов не воспринимаются и опровергаются иногда и некорректными способами. В качестве примера можно привести критику авторами монографии «Генетика. Поведение. Ответственность» результатов наблюдений за однойяйцевыми и двумяяйцевыми близнецами в парах, где один из близнецов совершил преступление. Сводные результаты этих наблюдений были представлены В. П. Эфроимсоном в работе «Родословная альтруизма»³. Было показано, что в парах однойяйцевых близнецов если один из них совершил преступление, то второй в 62,4 % случаев также совершает преступление. Для двумяяйцевых близнецов этот показатель равен 25,4 %. Критикуя собранные данные, авторы книги «Генетика. Поведение. Ответственность» подвергли сомнению методику проведения исследования, которая, по их мнению, не отличалась научной строгостью. Как они указывали, пары однойяйцевых близнецов встречаются в 3 раза реже, чем двумяяйцевых. Но в сводной таблице Эфроимсона количество этих пар равно⁴. Полагаем, что данное замечание было бы справедливым, если бы задача состояла в установлении *абсолютного* числа преступлений, совершаемых близнецами. Но ведь В. П. Эфроимсон писал об *относительных* величинах, о *вероятности* совершения преступления в парах близнецов. А эти данные совершенно не зависят от количества наблюдаемых пар разных типов.

Все вышеизложенное отнюдь не свидетельствует о нашей приверженности какой-либо из сторон дискуссии. Точка зрения В. П. Эфроимсона также уязвима по некоторым позициям. Конечно, было бы очень соблазнительно объявить, к примеру, что альтруизм – врожденное качество человека, как указывает в своей книге В. П. Эфроимсон. Но среди

¹ См.: Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 6.

² См.: Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 63.

³ Эфроимсон В. П. Указ. соч. С. 210.

⁴ См.: Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 164.

генетиков до сих пор нет единства мнений по данному вопросу. Существуют факты, как подтверждающие, так и опровергающие эту гипотезу. Несмотря на это, имевшая место в 70-е – 80-е гг. прошлого столетия дискуссия, несомненно, обогатила криминологию новыми знаниями.

Сегодня, когда исчез идеологический пресс, довлевший над криминологами, имеются серьезные основания для ее возобновления. Известный английский этолог, эволюционист и популяризатор науки Клинтон Ричард Докинз сказал: «...Если действительно окажется, что гены не имеют никакого отношения к поведению современного человека, если мы в самом деле отличаемся в этом отношении от всех остальных животных, тем не менее, остается, по крайней мере, интересным исследовать правило, исключением из которого мы стали так недавно. А если вид *Homo sapiens* не столь исключителен, как нам хотелось бы думать, то тем более важно изучить это правило»¹.

В науке не бывает раз и навсегда решенных вопросов. Появляются новые факты, которые заставляют ученых сомневаться в самых, казалось бы, прочных и проверенных временем теориях. Положение о фальсифицируемости как критерии научности теории, выдвинутое Карлом Поппером, требует непрерывной проверки научной теории новыми данными. Применительно к дискуссии о соотношении биологического и социального в поведении человека это означает, что результаты новейших исследований о причинах человеческого поведения, полученные генетиками, биологами или этологами должны проверяться криминологами на предмет их влияния на преступность. Только такой подход следует считать строго научным.

Возвращаясь к преступлениям, совершаемым педофилами, следует отметить, что новых и научно обоснованных данных, свидетельствующих о наличии биологических предпосылок таких преступлений, не имеется. Поэтому предложения по применению к ним такого типично евгенического наказания как стерилизация, особенно при наличии богатого опыта по профилактике подобных преступлений обычными способами, выглядят, по крайней мере, необоснованными.

Вместе с тем биологические особенности человека, влияющие на его поведение, должны стать для криминологов предметом тщательного изучения и, вполне возможно, в будущем могут быть учтены при разработке эффективных уголовно-правовых санкций.

¹ Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 1993. С. 16.

Глава 3. Оценка эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний, предусмотренных за отдельные виды преступлений

3.1. Эффективность наказания за убийство

В 2011 г. авторским коллективом НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ под руководством С. М. Иншакова был издан фундаментальный труд «Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности»¹, ставший событием в среде криминологов и упоминаемый в средствах массовой информации в материалах с броскими заголовками². Нас заинтересовали оценки уровня латентности посягательств против жизни и здоровья, сделанные в этой работе, поскольку обоснованные в ней выводы породили сомнения в достоверности официальной уголовной статистики и добропорядочности сотрудников МВД РФ, массово скрывающих информацию о наиболее опасных преступлениях. В частности, в монографии содержатся следующие результаты оценки латентности убийств (табл. 1)³:

Таблица

Динамика зарегистрированных, латентных и фактических преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ (по данным С. М. Иншакова)

Количество преступлений /годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
зарегистрированных преступлений, тыс.	31,579	30,959	30,994	30,362	27,039	21,896	19,740	17,414
латентных преступлений, тыс.	8,4	8,9	8,8	9,3	12,7	17,7	19,7	21,8
фактических преступлений, тыс.	40,0	39,9	39,8	39,7	39,7	39,6	39,4	39,2

¹ См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков и др. М., 2011.

² См., напр.: *Полунин А.* По стране бродят сотни тысяч убийц и насильников. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/37412> (дата обращения: 21.04.2014); *Черных Е.* В России убивают больше народу, чем в США. URL: <http://www.kp.ru/daily/25789.3/2770823> (дата обращения: 21.04.2014).

³ См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков и др. М., 2011. С. 121.

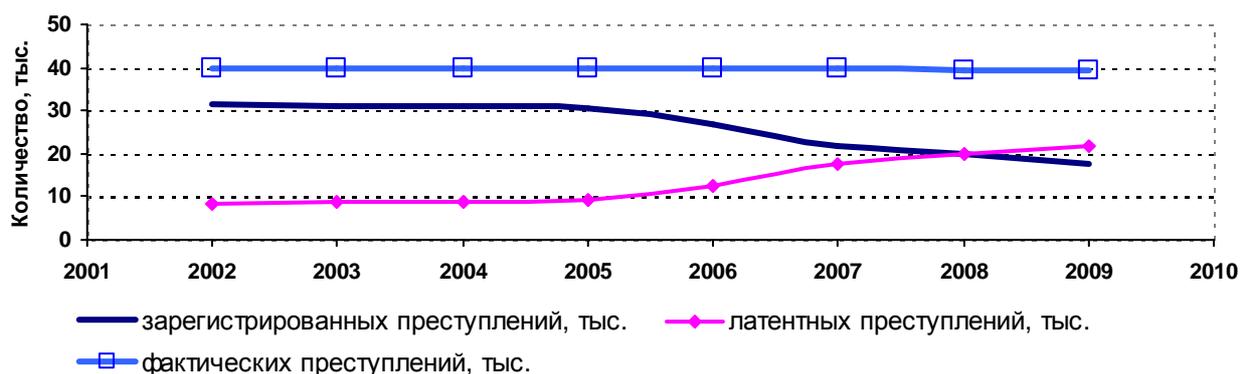

Рис. . Количество зарегистрированных, латентных убийств и фактическое количество убийств, предусмотренных ст. 105 УК РФ (по данным С. М. Иншакова)

Как видно из рисунка 1, с 2005 г. начинается резкое увеличение уровня латентности данного преступления. Фактическая динамика убийств характеризуется, в отличие от представленной в статистике МВД РФ, крайне незначительным снижением в пределах статистической погрешности.

Впрочем, существуют основания полагать, что математическая модель, используемая при оценке уровня латентности преступлений, не совсем корректна. В частности, как пишут ее авторы, факторный анализ показал, что «за период с 2001 по 2009 г. динамика социальных явлений, детерминирующих убийства, в нашей стране была негативной. Иными словами, криминогенная ситуация непрерывно ухудшалась»¹.

Такая негативная оценка социально-политических изменений, происшедших в начале 2000-х гг., представляется не соответствующей действительности. Авторы игнорируют в своих оценках такие факторы, как прекращение боевых действий, обуздание сепаратизма на Северном Кавказе в эти годы, предотвращение распада страны, укрепление государственной власти, значительное улучшение экономической ситуации и уровня жизни населения, утрату организованной преступностью контроля над крупнейшими субъектами экономической деятельности и многие другие.

К счастью, выводы, сделанные авторами, презюмирующими ухудшение криминогенной обстановки, могут быть проверены численными методами. Полагаем, что одним из способов верификации является сравнение коэффициентов корреляции между показателями динамики отдельных видов преступлений, условно названных нами взаимозависимыми, взятых из официальной статистики МВД РФ и исчисленных на основании математического моделирования.

Мы предположили, что должна существовать корреляция между динамикой убийств и убийств, совершенных при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ). Также можно предположить существование такой корреляционной зависимости между динамикой преступлений, предусмотрен-

¹ См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков и др. М., 2011. С. 16.

ных ст. 111 и 108 УК РФ¹. Данная гипотеза основана на предположении, что иногда потерпевшие при посягательствах на их жизнь и здоровье оказывают сопротивление, которое заканчивается смертью нападающего. В ряде случаев обороняющиеся превышают пределы необходимой обороны.

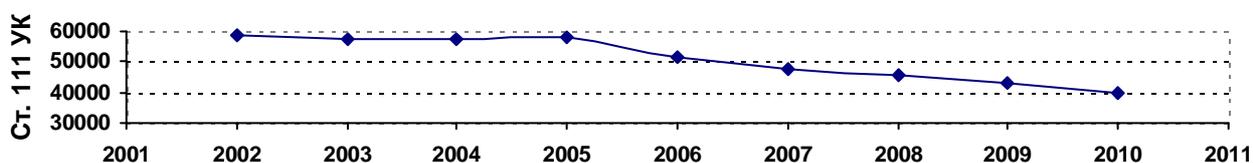
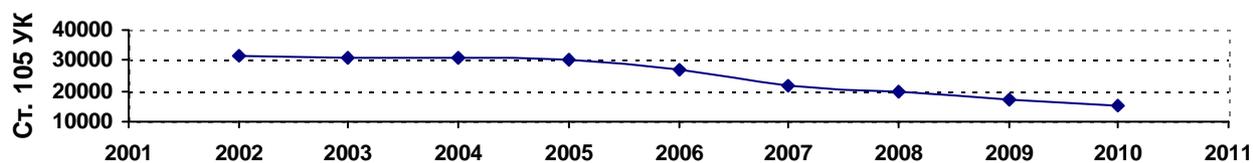
С ростом числа преступных посягательств на жизнь и здоровье, резонно ожидать и увеличения числа превышений пределов необходимой обороны, что при статистически значимом количестве нападений (десятки тысяч) должно проявляться в корреляции рядов данных, характеризующих соответствующие преступления.

В соответствии со статистической отчетностью МВД РФ (ф. 493, динамика зарегистрированных убийств (ст. 105 УК РФ), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) и убийств при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ) характеризуется следующими показателями (табл. 2):

Таблица

Количество преступлений против личности (данные МВД РФ)

Статья УК РФ/ год	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
105	31579	30959	30994	30362	27039	21896	19740	17414	15324
111	58469	57087	57352	57863	51429	47348	45436	43112	39745
108	628	701	656	597	509	532	490	483	473

¹ Взаимозависимыми мы называем эти преступления потому, что основной причиной одного преступления (в нашем случае – убийства по ст. 108 УК РФ) является другое преступление (нападение).

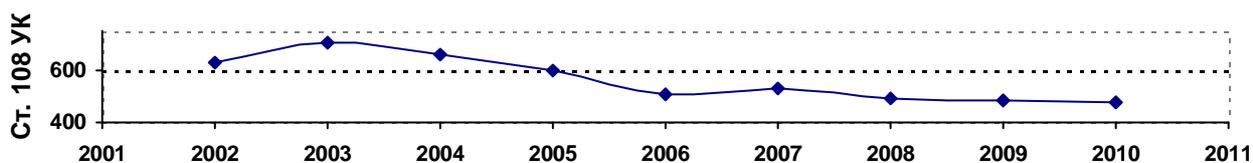

Рис. 2. Количество преступлений, предусмотренных ст. 105, 111 и 108 УК РФ (по данным МВД РФ)

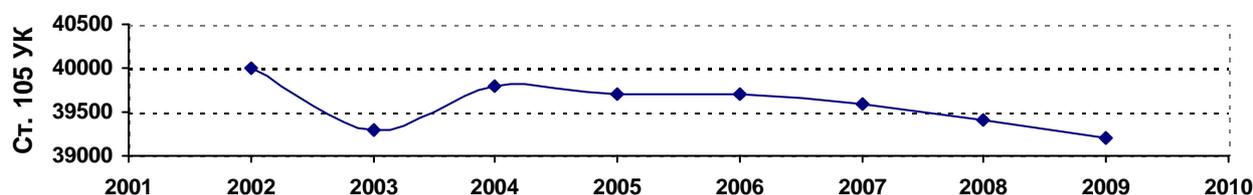
Для проверки наличия корреляции между рядами данных о преступлениях, предусмотренных ст. 105 УК РФ и ст. 108 УК РФ, а также ст. 111 и 108 УК РФ, мы использовали критерий χ^2 , именуемый также коэффициентом Пирсона, коэффициентом корреляции.

Для преступлений, предусмотренных ст. 105 и 108 УК РФ, его значение равно 0,878, что свидетельствует о сильной корреляционной зависимости и, в общем, подтверждает наше предположение, а для рядов, образованных данными о преступлениях, предусмотренных ст. 111 и 108 УК РФ эта связь ещё более тесная — 0,885. Значение χ^2 для значений фактического количества преступлений, предусмотренных ст. 105 и 108 УК РФ, полученных коллективом профессора С. М. Иншакова, получается -0,596, в то время как для ст. 111 и 108 УК РФ его значение равно 0,925.

Таблица

Фактическое количество преступлений против личности (по данным С. М. Иншакова)¹

Статья УК РФ / год	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
105	40000	39300	39800	39700	39700	39600	39400	39200
111	76000	80000	80300	81000	82300	85200	90900	94900
108	750	770	780	850	870	900	930	960

¹ См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков и др. М., 2011. С. 121, 127, 133.

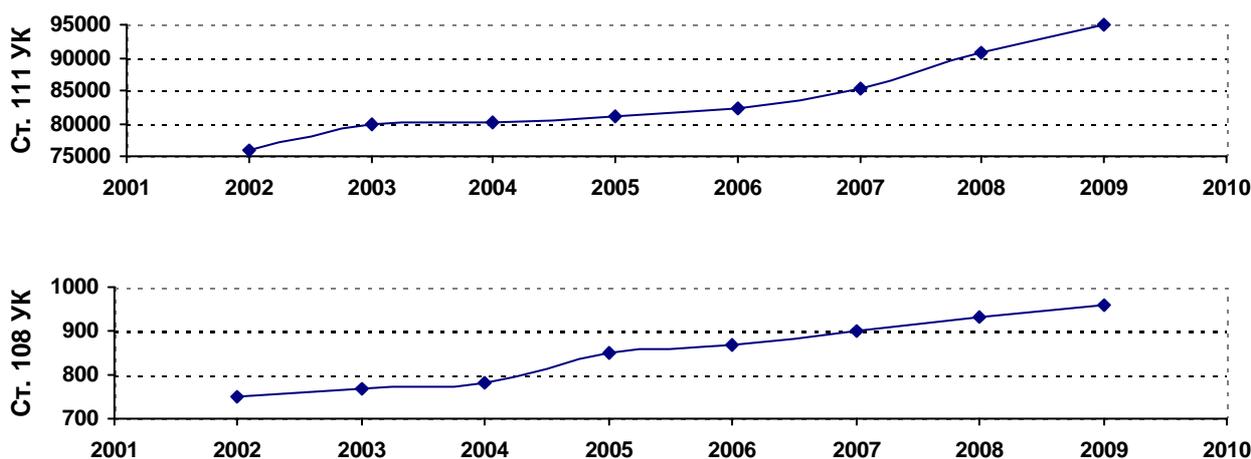

Рис. 3. Фактическое количество преступлений, предусмотренных ст. 105, 111 и 108 УК РФ (по данным С. М. Иншакова)

Таким образом, если исходить из модели, построенной С. М. Иншаковым, то убийства по ст. 105 и 108 УК РФ не только не коррелируют между собой, но и демонстрируют разнонаправленную динамику. Обращает на себя внимание и то, что в официальной статистике убийства по ст. 105 УК РФ и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью имеют сходную динамику, что объясняется схожестью детерминант обоих видов преступлений. Однако в модели С. М. Иншакова мы наблюдаем разнонаправленные тренды по этим видам преступлений, причем начиная с 2007 г. идет резкий рост числа преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ, причины которого совершенно неясны.

Если предположение о корреляционной зависимости между преступлениями, предусмотренными ст. 105, 111 и 108 УК РФ, верно, то должны коррелировать и данные о фактическом количестве этих преступлений, рассчитанном с поправкой на латентность. Имеющееся же расхождение в результатах, полученных коллективом С. М. Иншакова, может быть объяснено несколькими способами:

1. Фактическая ситуация с убийствами хуже, чем та, которая следует из результатов С. М. Иншакова, и, на самом деле, имеет место не снижение их числа, а достаточно быстрый рост.

2. Данные о фактическом количестве преступлений, предусмотренных ст. 111 и 108 УК РФ, полученные С. М. Иншаковым, неверны и должны быть пересмотрены в сторону их значительного снижения.

Нуждаются в коррекции результаты оценки фактического количества (с учетом латентности) как по ст. 111 и 108, так и ст. 105 УК РФ.

Полагаем, что есть основания предпочесть последнее объяснение. В качестве подтверждения приведем сведения по динамике самоубийств и убийств, приведённые в статье Е. Г. Ермолаевой «Суицид и преступность в ряду социальных девиаций в России»¹. В соответствии с ними, самоубийства демонстри-

¹ Ермолаева Е. Г. Суицид и преступность в ряду социальных девиаций в России // Вестник

руют динамику, сходную с динамикой убийств. Учитывая, что данные по убийствам и самоубийствам получены из различных источников, можно с уверенностью утверждать, что сходное поведение соответствующих графиков не случайно. Сама Е. Г. Ермолаева объясняет ее наличием общих сходных факторов убийств и самоубийств.

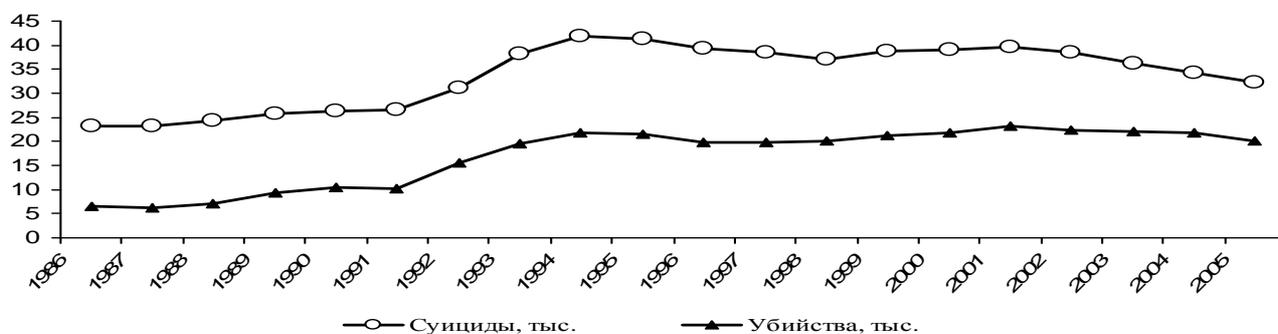

Рис. 4. Количество самоубийств и убийств (покушений на убийство) в России (1986–2005 гг.)

Обозначившееся к 2005 г. снижение числа самоубийств, повторяемое кривой убийств, противоречит выводам коллектива С. М. Иншакова об увеличении с 2005 г. числа латентных убийств, порождённом практикой их массового сокрытия МВД РФ¹. Мы не можем отрицать, что какая-то часть убийств статистикой не учитывается, в том числе, в результате злонамеренности отдельных сотрудников, однако имеются сомнения в масштабах этого явления.

Данные Е. Г. Ермолаевой, по нашему мнению, свидетельствуют о стабильности латентной составляющей в общем числе убийств, при которой фактическая динамика убийств повторяет их динамику в официальной статистике.

Вызывает сомнение и другой аргумент, который используют авторы анализируемой работы: рост числа сообщений об убийствах они интерпретируют как подтверждение роста фактического числа убийств. Вместе с тем они никак не объясняют зигзагообразное поведение кривой, характеризующей этот показатель в 2007–2009 г. г., хотя в этой же работе мы встречаем такое объяснение: «...зигзагообразная линия графика изменений зарегистрированной преступности... является, скорее всего, отражением тех или иных интересов ведомства, ведущего учёт преступности»².

СГАП. 2007. № 2. С. 129–131.

¹ См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков и др. М., 2011. С. 113.

² Там же. С. 7.

Динамика убийств и сообщений об убийствах (по данным С. М. Иншакова)¹

Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Кол-во сообщений об убийстве	14183	18041	24586	15794	15793	25545	64809	34069	45131
Зарегистрировано убийств (105–108)	34247	32929	32342	32213	31451	27977	22767	20546	18164

Представляется справедливым распространить это утверждение и на поведение кривой сообщений об убийствах, которое мы можем интерпретировать как отражение интересов прокуратуры, связанных, например, с ограничением надзорных полномочий за следствием в связи с внесением соответствующих изменений в УПК РФ. Соответственно рассматривать такие данные в качестве подтверждения выводов о росте латентности убийств полагаем некорректным.

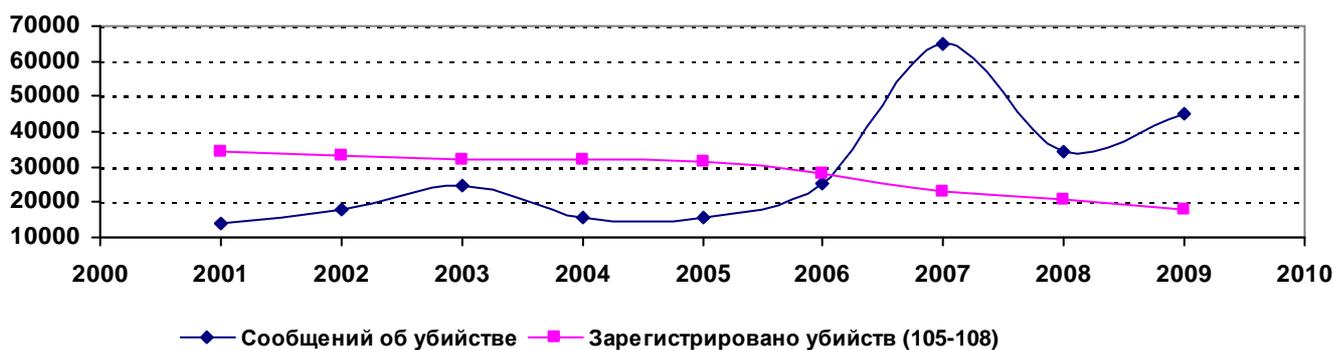

Рис. 5. Динамика убийств и сообщений об убийствах (по данным С. М. Иншакова)

Нельзя согласиться и с другим доводом: рост числа неопознанных трупов в 2001–2009 гг.² рассматривается как подтверждение выводов о фактическом состоянии убийств. Однако при этом игнорируется, что данные МВД включают в себя количество трупов, обнаруженных за отчетный период, а также, как это следует из полученного автором ответа на запрос в ФКУ «ГИАЦ МВД России», *весь остаток дел по неопознанным трупам с учетом неоконченных дел в прошлые годы*³. Таким образом, утверждать, что в 2009 г. было обнаружено 77937

¹ См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков и др. М., 2011. С. 105.

² См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков и др. М., 2011. С. 113.

³ Письмо ФКУ «ГИАЦ МВД России» за № 34/4-198 от 19.03.2014 на запрос автора о предоставлении статистической информации по неопознанным трупам в Российской Федерации за период с 2001 по 2013 гг.

неопознанных трупов¹, некорректно, поскольку эта цифра включает в себя значительный массив трупов, зарегистрированных в прошлые годы. Поэтому более информативным будет анализ прироста этого показателя.

Как видно из таблицы 5 и графика (рис. 6), прирост числа неопознанных трупов хорошо согласуется с официальной статистикой убийств. Коэффициент корреляции между рядами этих показателей очень высок - 0,896. Это означает, что статистика МВД РФ по убийствам в целом достаточно адекватно отражает ситуацию. По крайней мере, можно утверждать, что *значительного роста латентности убийств не происходит*.

Таблица 5

Данные по числу неопознанных трупов за 2001 – 2013 гг.

Год	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Неопозн. трупов	37923	42022	48550	56424	64589	71792	75806	76735	77937	74793	71159	67367	62723
Прирост	–	4099	6528	7874	8165	7203	4014	929	1202	-3144	-3634	-3792	-4644
Статья 105 УК РФ	–	31579	30959	30994	30362	27039	21896	19740	17414	15324	14305	13265	12361

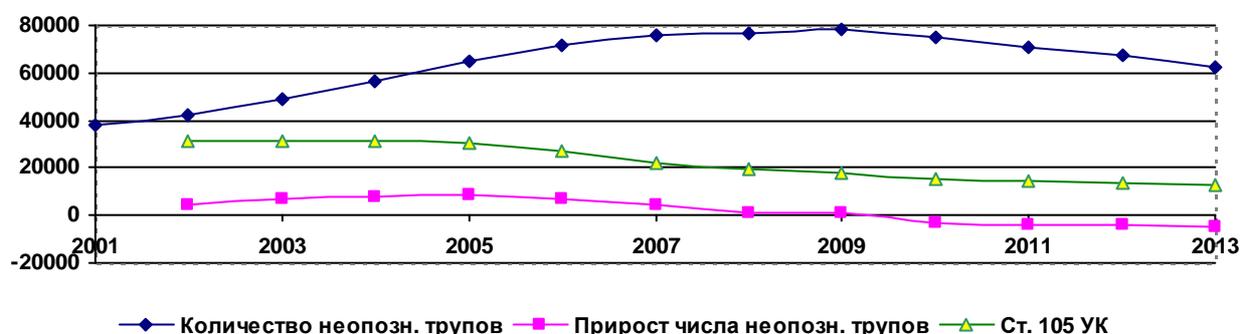

Рис. 6. Число неопознанных трупов, прирост числа неопознанных трупов и количество убийств (по данным МВД РФ)

Авторы анализируемой работы не комментируют значительный прирост неопознанных трупов в период с 2002 по 2009 гг. Мы полагаем, что он связан с проведением контртеррористической операции (КТО) на Северном Кавказе, в ходе которой обнаруживалось значительное число обезображенных тел, трупов иностранных наемников. С окончанием же режима КТО в 2009 г. хорошо коррелирует и резкое снижение прироста числа неопознанных трупов.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

¹ См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков и др. М., 2011. С. 105.

1. Выводы о высокой латентности убийств, сделанные в работе, выполненной под руководством С. М. Иншакова, подкрепляются утверждениями об ухудшении криминогенной ситуации в стране, ссылками на увеличение числа сообщений об убийствах и росте числа неопознанных трупов.

2. Есть серьезные сомнения в качестве используемых авторами аргументов. В частности, при оценке факторов преступности не учтены важные изменения в социально-экономической сфере; кривая заявлений об убийствах носит зигзагообразный характер, что не соответствует обычному ходу социальных процессов и может отражать заинтересованность различных ведомств; скорее всего, неверно интерпретирована статистика неопознанных трупов.

3. Слабость аргументации позволяет говорить о том, что вывод о резком увеличении латентной составляющей убийств, не доказан.

4. Как следствие, не являются обоснованными обвинения в адрес МВД РФ о массовом сокрытии этого вида преступлений.

5. Возникают обоснованные сомнения в качестве примененной авторами исследования латентной преступности математической модели.

6. Снижение числа убийств при стабильной латентной составляющей этого вида преступлений свидетельствует об адекватности применяемых уголовных наказаний складывающейся криминогенной ситуации и позволяет охарактеризовать их как эффективные.

3.2. Оценка эффективности уголовных наказаний за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ

В литературе ситуацию со смягчением уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, имевшую место после 2003 года называют «либерализацией уголовной ответственности».

На наш взгляд, это выражение не содержит никакого смысла, поскольку либерализация не является синонимом смягчения наказания. То, что произошло с законодательством в этой сфере, скорее может быть охарактеризовано как недопустимая халатность законодателя, а, возможно, и умышленные действия, направленные на ослабление уголовно-правового воздействия на преступность в этой сфере.

Проявляется это в том, что в течение короткого промежутка времени согласованные по своей сути изменения были внесены в ряд нормативных актов. Хронологически же эти изменения по странному стечению обстоятельств совпали с вводом американских войск в Афганистан в 2001 г., после чего в этой стране произошел резкий рост производства героина и его поставок в Россию¹.

¹ Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора

Так, в 2002 г. был издан приказ Министерства здравоохранения РФ № 201 от 21 июня 2002 г., в соответствии с п. 2 которого «в целях совершенствования организации наркологической помощи» должность «врач-психиатр-нарколог-участковый» была исключена из номенклатуры должностей медицинского и фармацевтического персонала и специалистов с высшим профессиональным образованием в учреждениях здравоохранения, получавшим надбавки в размере до 30 % к окладу¹.

Вследствие этого врачи-наркологи в целях сохранения уровня своих доходов стали переходить на другие должности, на которых надбавки сохранялись. Выявление же лиц, страдающих наркотической зависимостью, таким образом, утратило для них первостепенную важность, что непосредственно отразилось на статистике зарегистрированных наркопотребителей.

В 2003 г. были внесены изменения в УК РФ, в соответствии с которыми были многократно увеличены крупные размеры наркотических средств и психотропных веществ, выступающие в качестве криминообразующего признака по ст. 228 УК РФ, фактически декриминализировавшие значительный сектор незаконного оборота наркотических средств, связанный с незаконными действиями с ними без цели сбыта (для личного потребления), и исключившее из перечня оснований для назначения принудительных мер медицинского характера совершение преступления лицом, страдающим наркотической зависимостью или алкоголизмом.

В 2007 — 2009 гг. в России широкое распространение среди наркоманов получил дезоморфин, наркотик, получаемый из кодеинсодержащих препаратов в домашних условиях путем несложной обработки. Причина лавинообразного роста потребления этого препарата состоит в его доступности, поскольку исходным сырьем являются дешевые препараты (например, недорогие таблетки от кашля «Коделак», препараты «Терпинкод», «Нурофен плюс», «Солпосеин», «Пенталгин», «Седалгин» и др.²), отпускавшиеся до 1 июня 2012 г. без рецепта. Глава ФСКН в интервью 2011 г. отмечал, что две трети аптечных кодеинсодержащих препаратов, своего рода исходного сырья, приобретаются наркопотребителями. Рост продаж кодеинсодержащих препаратов при этом абсолютно

ФСКН России Виктора Иванова на международной конференции «Афганистан после 2014 года: вероятные сценарии развития региональной обстановки и стратегия России» (3 апреля 2013 г., Москва, Российский Институт стратегических исследований). URL:

http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_last/2013/0403/111323333/detail.shtml (дата обращения: 23.10.2014). Глава ФСКН говорит о росте производства героина с 2001 г. по 2013 г. в 40 раз. Есть определенные сомнения в этой цифре, поскольку в 2001 г. в Афганистане велись активные наземные боевые действия по всем провинциям, что объективно не могло не вызвать снижения производства героина. В то же время, и нет оснований сомневаться в общей тенденции роста производства этого наркотика в стране.

¹ См.: Здравоохранение. 2002. № 8.

² См.: Кондрашов Д. Л., Корейша М. Н., Макаренко Т. В. Эпидемиология смертельных отравлений кодеинсодержащими наркотизирующими смесями на территории Свердловской области в 2010–2011 г. // Проблемы медицины в экспертизе. № 3/4. 2011. С. 15.

коррелировал с ростом числа ежегодно ликвидируемых ФКСН наркопритонов, занятых переработкой этих лекарств в дезоморфин, преимущественно в квартирном секторе¹.

Руководитель ФСКН привел данные о резком росте объемов изымаемого дезоморфина – с 2009 г. по 2011 г. в 60 раз. При этом дезоморфин практически вытеснил с нелегального рынка опиоидные наркотики, а до 90 % впервые выявленных наркоманов в отдельных регионах – «дезоморфинщики»².

В дальнейшем, с введением рецептурных продаж кодеинсодержащих препаратов заявлялось о практически полной ликвидации рынка дезоморфина³.

Однако на смену дезоморфину приходят не менее опасные вещества — курительные смеси, о которых мы упоминали при анализе условий эффективности правовых норм. И в этой ситуации закон вновь оказывается в позиции догоняющего, хронически отставая от производителей новых наркотиков.

Следует отметить, что в случае с незаконным оборотом наркотических средств и, в частности, дезоморфином, на принятие простого, лежащего на поверхности решения в виде запрета безрецептурного отпуска кодеинсодержащих препаратов (кстати, давно практикуемого за рубежом) потребовалось несколько лет, в течение которого страна потеряла десятки тысяч молодых людей, а многие необратимо деградировали умственно и физически или остались инвалидами с ампутированными конечностями.

Аналогичная ситуация складывается и с курительными смесями — количество погибших от их употребления нарастает, очевидно, что отставание уголовного закона от развития преступности носит в этой сфере хронический характер. Одну из причин этой ситуации мы видим в способе отнесения того или иного препарата к числу психотропных или наркотических веществ. В настоящее время, как известно, вещество может быть названо наркотическим или психотропным лишь после прохождения бюрократической процедуры его проверки и внесения в единый Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации. Отсутствие соответствующего вещества в Перечне означает и отсутствие состава преступления. Очевидное решение состоит в формулировании уголовно-правового понятия «наркотическое вещество» или «психотропное средство» через их типичное воздействие на организм человека и установление запрета на действия с такими веществами, совершенными без специального разрешения.

Вместе с тем, нежелание законодателя решать проблему наркотизации решительными мерами, может быть связано и с другими обстоятельствами.

¹ См.: Глава наркополиции призвал россиян чаще есть петрушку. URL: <http://top.rbc.ru/society/08/06/2011/599539.shtml> (дата обращения: 22.10.2014).

² См.: Там же.

³ См.: Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России В. П. Иванова (20 марта 2014 г., г. Владимир). URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2014/0320/121729487/detail.shtml (дата обращения: 23.10.2014).

В частности, имевший место в течение ряда лет безрецептурный отпуск в аптеках кодеинсодержащих препаратов приносил баснословные прибыли фармацевтическим компаниям. В частности, глава ФСКН указывает, что только в Центральном федеральном округе после введения такого запрета объем реализации соответствующих препаратов сократился с 16 млн 90 тыс. в 2011 г. до 1 млн 917 тыс. упаковок в 2013 г. Таким образом, 14 млн упаковок шли на изготовление 56 млн доз дезоморфина¹.

Исходя из этих цифр несложно подсчитать, что при средней цене упаковки 130 рублей (например, цена упаковки препарата «Коделак» 120–140 руб.) прибыль фармацевтических компаний и аптек ЦФО только от реализации таких препаратов наркоманам будет составлять 1 млрд руб. 800 млн руб. в год.

Полагаем, что реальная прибыль отличалась от приведенной цифры, но составить представление о порядке величин по ней можно. Вполне можно допустить, что часть этой прибыли шла на лоббирование фармацевтическими компаниями сохранения текущего положения, связанного с высоким уровнем продаж дешевых в производстве препаратов, и фантастической скоростью роста их продаж².

Упомянутые руководителем ФСКН объемы продаж кодеинсодержащих препаратов интересны тем, что намечают ориентиры в оценке уровня латентности сбыта наркотических средств и психотропных веществ.

Ориентиром является цифра 56 миллионов доз дезоморфина, которые могут быть изготовлены из 14 млн упаковок препаратов, содержащих кодеин.

При оценке мы исходим из того, что количество наркоманов, употребляющих наркотические средства существенно не сокращается. Таким образом, после запрета безрецептурной продажи кодеинсодержащих препаратов наркоманы, употреблявшие получаемый из них дезоморфин, перешли на традиционный героин.

Такое допущение следует из того, что запрет на безрецептурную продажу кодеинсодержащих препаратов сам по себе не снимает наркозависимость. Для этого требуются специальные меры. Однако всплеска числа зарегистрированных наркопотребителей (который связан, как мы показали, в основном с добровольным обращением за лечением от наркозависимости) в последнее время не наблюдается. Таким образом, наиболее вероятным объяснением этому является переход дезоморфиновых наркоманов на употребление традиционного героина. И если дезоморфиновый наркоман в силу быстрого ухудшения здоровья еще имел возможность быть поставленным на учет, то после перехода на героин он,

¹ См.: Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России В. П. Иванова (20 марта 2014 г., г. Владимир). URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2014/0320/121729487/detail.shtml (дата обращения: 23.10.2014).

² По данным ФСКН, за два года, предшествующие введению запрета на безрецептурный отпуск препаратов, содержащих кодеин, продажи возросли в 10 раз. См.: Горбачева А. Э. Как поймать «крокодила» // Новая газета. 2012. 5 июня.

скорее всего, остается в латентной, скрытой от регистрации части наркопотребителей.

Исходя из сказанного, при сохранении потребности в наркотиках после запрета кодеинсодержащих препаратов, только наркоманы Центрального федерального округа РФ потребляют 56 миллионов доз героина (а фактически — гораздо больше, если исходить из того, что часть наркоманов дезоморфин не употребляла). Однако в таком случае нужно говорить о колоссальной латентности сбыта наркотиков, т. е. преступления, предусмотренного ст. 228¹ УК РФ. Только по одному федеральному округу реализуется порядка 60 млн. доз наркотических средств, а, значит, совершается сопоставимое количество преступлений, предусмотренных ст. 228¹ УК РФ.

В масштабах страны эта цифра будет гораздо выше. Глава ФСКН говорит об одном миллиарде таких преступлений, при этом в уголовной статистике отражается лишь 250 тыс.¹

Таким образом, регистрируется лишь 0,025 % от огромного массива преступных посягательств в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Строго говоря, для преступности в этой сфере уголовного закона не существует. Вероятность быть привлеченным к уголовной ответственности за единичный сбыт наркотиков крайне мала и, условно говоря, равна вероятности падению кирпича на голову при выходе из подъезда. Как мы знаем по себе, такая вероятность никого не останавливает от посещения улицы. Полагаем, что также мизерная вероятность уголовной ответственности не останавливает и лиц, осуществляющих сбыт наркотиков, а, значит, нет оснований говорить и об эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания.

В этой связи нам представляется странной оценка уровня латентности преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, произведенная в НИИ Генпрокуратуры, согласно которой таких преступлений совершается в год порядка 780 тыс.²

Здесь же следует сказать об изменении статуса наркозависимых, которых стали рассматривать как обычных больных.

Рассмотрение наркомании исключительно с медицинской точки зрения может привести нас к выводу о негуманности уголовного преследования наркоманов и необходимости иных, не уголовно-правовых мер воздействия по отношению к этой категории граждан.

Однако фактический отказ от уголовно-правового преследования наркоманов означает ограничение возможностей эффективного воздействия на важ-

¹ См.: Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России В. П. Иванова (20 марта 2014 г., г. Владимир). URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2014/0320/121729487/detail.shtml (дата обращения: 23.10.2014).

² См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков и др. М., 2011. С. 389.

нейший узел в системе незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ — на конечных потребителей, которые только и придают экономический смысл данному виду преступлений. На практике это приводит, как мы видим, к высочайшему уровню латентности преступлений в этой сфере, причем связанных не только с деятельностью самих наркопотребителей (приобретение, хранение наркотиков без цели сбыта), но и сбытчиков.

Однако наркоман — это не обычный больной. Это лицо, сохраняющее вменяемость, и умышленно участвующее в преступной деятельности, потворствующее распространению наркотических средств и, таким образом, разделяющее ответственность за все негативные последствия их незаконного оборота.

Конечная цель уголовно-правового регулирования в этой области — сохранение жизни и здоровья граждан, здоровья будущих поколений и самой страны. Может ли быть реализована эта цель при условии сохранения современных уголовно-правовых подходов к борьбе с незаконным оборотом наркотиков? Полагаем, что нет, поскольку исключая уголовно-правовое воздействие на наркомана, мы:

1) не изолируем его физически от возможности продолжать принимать наркотики и, таким образом, обеспечиваем существование нелегального рынка наркотиков, обеспечиваем поступление денежных средств в криминальную среду и сохраняем экономический смысл совершения преступлений в данной сфере; лишаемся возможности проводить комплекс мероприятий по установлению источника поступления наркотических средств и психотропных веществ;

Предусмотренная в УК РФ отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, предоставляемая при условии прохождения им курса лечения, проблемы не решает. По данным главы ФСКН эффективность наркологической медицинской помощи в настоящее время «является крайне низкой — практически стремится к нулю»¹. Таким образом, действующее уголовное законодательство, позволяющее хранить без цели сбыта наркотические средства в размере, составляющем смертельную дозу для человека, еще дальше расширяет пределы безнаказанности;

2) позволяем наркоману продолжать вовлечение в прием наркотиков третьих лиц, в основном — молодежи. На сайте ФСКН приводится информация, согласно которой один наркоман вовлекает в потребление зелья от 6 до 15 человек²;

3) затрудняем расследование фактов сбыта наркотиков теряя рычаг воз-

¹ Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России В. П. Иванова (20 марта 2014 г., г. Владимир). URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2014/0320/121729487/detail.shtml (дата обращения: 23.10.2014).

² См.: Дайджест от 27 апреля 2010 г. URL: <http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/review/2010/0427/14477153/detail.shtml> (дата обращения: 15.10.2014).

действия на лиц, незаконно приобретающих наркотические средства, поскольку не имеем возможности «обменять» показания наркоманов, незаконно приобретающих наркотические средства, о деятельности сбытчиков наркотиков, на освобождение от уголовной ответственности или наказания;

4) несем экономические убытки, обусловленные исключением из активной деятельности активных молодых людей, расходами на их лечение, моральными и материальными издержками для семей наркопотребителей, ущербом от преступлений, которые наркоманы совершают в поисках средств для приобретения очередной дозы зелья;

5) получаем поблизости от здоровых граждан и их детей источники различных заболеваний с вытекающими отсюда издержками для здоровья граждан, нравственной атмосферы в обществе, материальными расходами на лечение сопутствующих наркомании болезней.

Еще один опасный момент, который не учитывается при оценке опасности наркомании — это ее ползучая легализация в обществе.

Существует методика внедрения в общественное сознание приемлемости самых невероятных, кажущихся в настоящее время недопустимыми, норм, фантастических сценариев примирения общества с любыми девиациями, называемая по имени ее создателя «Окном Овертона». Достаточно длительная по времени процедура включает в себя 5 основных этапов:

1) на первом этапе, условно именуемом «От немыслимого до радикального» – проблема внедряется в отдельные узкие сообщества, например, в научные круги, отдельные маргинальные группы с целью привлечения внимания;

2) на этапе «От Радикального до Приемлемого» новые идеи маскируются под привычную терминологию, незаметно меняя ее содержание. Например, убийство ребенка в матке именуется «абортом», «дилатацией и экстракцией», а детоубийство включается в перечень медицинских процедур. Союзы между гомосексуалистами начинают называть привычным словом «брак», пытаясь пересмотреть его содержание;

3) этап «От Приемлемого до Разумного» – под маской гуманизма, свободы личности распространяется социальное либертарианство, проповедь индивидуализма.

4) известные люди, как правило, представители шоу-бизнеса, высказывают одобрение внедряемым нормам;

5) наконец, проводятся социальные опросы общественного мнения и доводятся до политиков, которые делают все остальное¹.

Именно таким образом в консервативных и христианских (как США, Франция и т. д.) странах были введены и легализованы гомосексуальные браки, в Европе происходят приготовления к легализации педофилии². Буквально на

¹ См.: По дороге протоптанной гомосексуалистами или 5 простых шагов по легализации педофилии URL: http://perevodika.ru/articles/22649.html?ELEMENT_ID=22649&PAGEN_8=2 (дата обращения 24.10.2014 г.)

² См.: В Голландии официально зарегистрирована партия педофилов. URL:

наших глазах в братском государстве Украина был выращен фашизм, хотя еще десять лет назад представить такое было невозможно.

Аналогичная ситуация прослеживается и с наркотиками. Вначале наркоманию признали заболеванием, а лиц, страдающих наркотической зависимостью, – больными. Затем произошло внедрение в общественное сознание равноценности обычных больных и наркоманов, а далее напрашивается отказ от уголовного преследования наркопотребителей. Любопытно эту ситуацию отследить на примере героиновых наркоманов. Еще десять лет назад героин признавался опаснейшим наркотиком, однако после непосредственного знакомства с последствиями применения дезоморфина, когда наркоманы начинают заживо разлагаться и умирать в течение 1-2 лет после начала его приема, запрет на безрецептурную продажу кодеинсодержащих препаратов и возврат потребителей дезоморфина к героину воспринимается чуть ли не как благо, а в отечественной прессе с привлечением авторитетных врачей муссируется вопрос о легализации легких наркотиков, причем главный онколог г. Москва Анатолий Махсон в прессе выступает с одобрением этого шага, рассматривая его как пример для подражания¹. В такой ситуации до легализации наркотиков и, в частности, героина, остается всего несколько шагов — от разрешения безрецептурного отпуска наркотиков больным, до расширения перечня болезней, по которым наркотики могут применяться и далее — до полной легализации.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что в уголовном праве и криминологии мы наблюдали сходную картину внедрения в научное и общественное сознание отдельных, весьма спорных положений. В частности к такому следует отнести постепенное внедрение в научный оборот термина «противодействие преступности», впоследствии полностью вытеснившего из обращения «борьбу с преступностью», радикальное смягчение наказаний за получение взятки на фоне борьбы с коррупцией. Здесь тоже происходят интересные процессы — на фоне резкого увеличения числа различных нормативных актов, посвященных борьбе с коррупцией, основной элемент предупреждения этих преступлений, а именно — уголовное наказание, резко ослабляется введением кратных штрафов. Таким образом, взяточничество из разряда преступных деяний плавно перетекает в категорию деликтов, нарушений интересов службы, которые вроде бы и не преступления и бороться с которыми можно совершенствуя механизм социального контроля.

На примере преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков видно, что оценка эффективности уголовного наказания за них лишь на основе показателей преступности, как это предлагал, например, М. Д. Шаргородский, способна лишь ввести в заблуждение законодателя, а не охарактеризовать действительное положение дел.

Так, по данным, полученным в ходе масштабного исследования латент-

<http://lenta.ru/news/2006/06/02/pedo> (дата обращения: 24.10.2014).

¹ См.: *Краснопольская И.* Избавление от мук. В США намерены узаконить марихуану в медицинских целях // *Российская газета.* 2013. № 6018.

ной преступности деяния, предусмотренные статьями 228 и 228¹ УК РФ, характеризуются следующими показателями:

Таблица 6

Сведения о зарегистрированных, латентных и фактических преступлениях за 2002–2009 гг. по ст. 228 УК РФ¹

Показатели	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Прирост к 2002, %
Количество зарегистрированных преступлений, тыс.	179,938	174,537	82,893	44,855	61,596	73,639	83,506	88,414	-50,9
Количество латентных преступлений, тыс.	770,1	820,5	332,1	375,1	368,4	366,4	376,5	381,6	-50,4
Количество фактических преступлений, тыс.	950,0	995,0	415,0	420,0	430,0	440,0	460,0	470,0	-50,5

Таблица 7

Сведения о зарегистрированных, латентных и фактических преступлениях за 2002–2009 гг. по ст. 228¹ УК РФ²

Показатели	2004	2005	2006	2007	2008	2009	Прирост к 2004, %
Количество зарегистрированных преступлений, тыс.	56,363	114,344	128,651	131,160	127,486	129,277	129,4
Количество латентных преступлений, тыс.	563,6	565,7	591,3	598,8	637,5	645,7	14,6
Количество фактических преступлений, тыс.	620,0	680,0	720,0	730,0	765,0	775,0	25

Нами были получены данные по Саратовской области о количестве уголовных дел по ст. 228 и 228.1 УК РФ за период с 2001 по 2010 г. г., которые также рисуют благополучную картину.

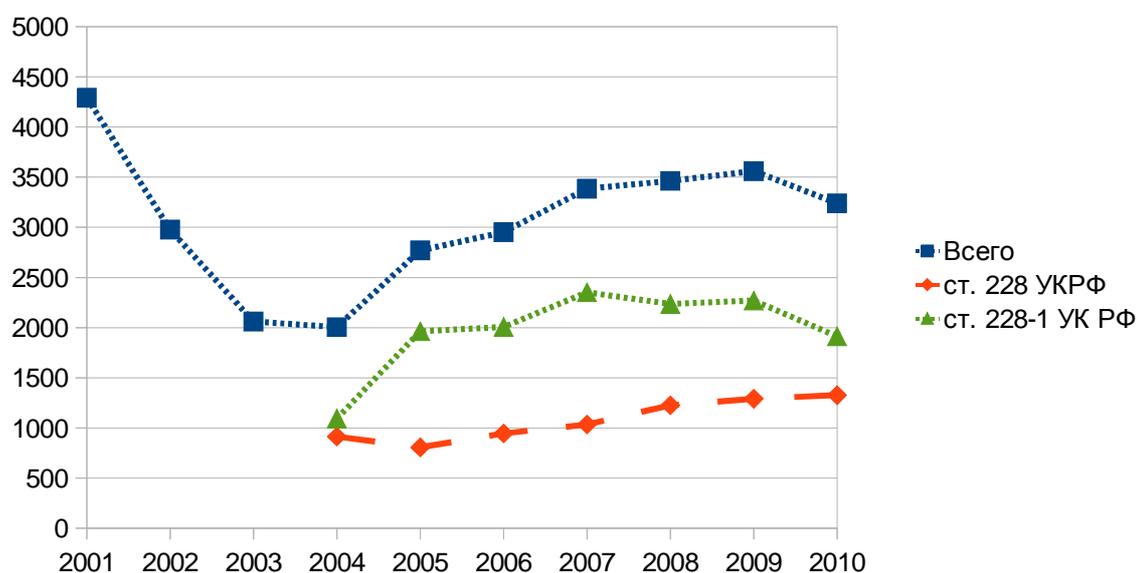
¹ См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков и др. М., 2011. С. 389.

² См.: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков и др. М., 2011. С. 391.

**Сведения о зарегистрированных преступлениях по ст. 228 и 228.1 УК РФ
за 2001–2010 гг. по Саратовской области**

Год	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всего сбыт и хранение	4292	2977	2061	2005	2770	2951	3385	3462	3561	3239
Статья 228 УК РФ	–	–	–	913	806	945	1034	1226	1291	1326
Статья 228-1 УК РФ	–	–	–	1092	1964	2006	2351	2236	2270	1913

*Рисунок 7. Динамика зарегистрированных преступлений по ст. 228 и 228.1 УК РФ
за 2001–2010 гг. по Саратовской области*

Изучение официальной статистики демонстрирует достаточно благополучную картину в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Резкий провал числа зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в 2003–2004 гг. объясняется декриминализацией значительного числа случаев хранения наркотических средств и психотропных веществ без цели сбыта в этот период времени, в дальнейшем правоохранительные органы адаптировались к изменившемуся законодательству, что объясняет последовавший за спадом небольшой рост.

Уровень рецидива, который М. Д. Шаргородский предлагал использовать в качестве критерия индивидуального предупреждения, для рассматриваемой группы преступлений находится на достаточно низком уровне. Так, по Саратовской области данные о судимости лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ, выглядят следующим образом:

Таблица 9

**Сведения о судимости лиц, привлеченных к ответственности по ст. 228 УК РФ
в Саратовской области**

Выявлено лиц	Совершивших преступление	В т. ч. ранее совершивших преступления	Из них ранее судимых	
			всего	% к общему числу
2008 г.	925	267	137	14,8
2009 г.	991	262	137	13,8
2010 г.	1034	327	181	17,5

Для лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 228-1 УК РФ, этот показатель более соответствует среднему уровню рецидива.

Таблица 10

**Сведения о судимости лиц, привлеченных к ответственности по ст. 228 УК РФ в
Саратовской области**

Выявлено лиц	Совершивших преступление	В т. ч. ранее совершивших преступления	Из них ранее судимых	
			всего	% к общему числу
2008	509	150	91	17,9
2009	474	132	82	17,3
2010	386	130	82	33,7

В целом, показатели рецидива по преступлениям, предусмотренным ст. 228 и 228.1 УК РФ можно охарактеризовать как невысокие. Резкий скачок отношения числа ранее судимых к общей массе осужденных по ст. 228.1 УК РФ в 2010 г. вызван не резким снижением эффективности индивидуального предупреждения, а, скорее всего, общим снижением числа лиц привлеченных к уголовной ответственности, на фоне чего традиционно стабильная преступность ранее судимых, постоянно находящаяся в поле зрения правоохранительных органов, дала такой всплеск.

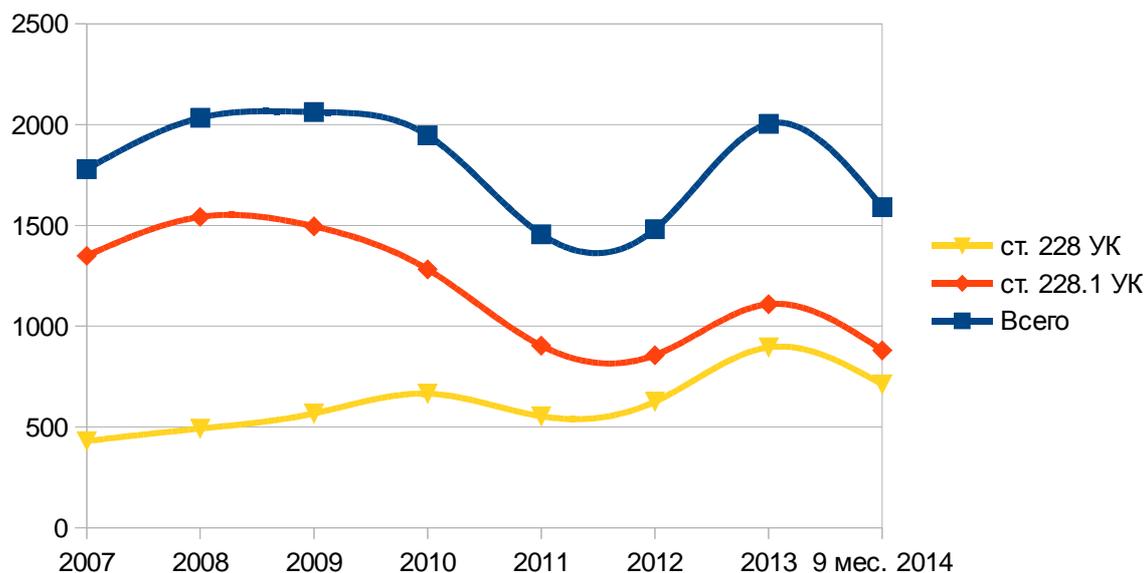
Интересно, что динамика преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ, раскрытых УФСКН по Саратовской области (сюда не включаются показатели ГУВД Области) в целом повторяет общероссийские тенденции (см. рис. 1). Из этого можно сделать вывод, что показатели работы отдельных специализированных служб могут быть использованы при оценке эффективности отдельных видов преступлений наравне с обобщенной уголовной статистикой.

Таблица 11

**Сведения о зарегистрированных УФСКН по Саратовской области
преступлениях по ст. 228 и 228.1 УК РФ за 2007 — 9 мес. 2014 г.**

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	9 мес. 2014
228	430	492	567	665	553	625	895	711
228.1	1349	1542	1495	1282	903	856	1109	880
Всего	1779	2034	2062	1947	1456	1481	2004	1591
232	78	97	128	138	132	108	69	18

Рис. 8. Динамика преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ, зарегистрированных Управлением ФСКН по Саратовской области за 2007 — 2013 гг.

В графиках на рис. 7 и 8 обращают на себя внимание колебания, связанные с изменением законодательства, хотя в целом значения показателей преступности колеблются вокруг пороговых значений, например, для Саратовской области это примерно 2000 преступлений. Здесь мы видим интересное свойство уголовной статистики. При выявлении преступлений, требующих проведения комплекса оперативно-розыскных и следственных действий, таких, например, как преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, она отражает не столько реальное количество совершенных преступлений, а, если так можно выразиться, производительность правоохранительных органов, которые физически не могут выявлять и расследовать преступлений больше некоторого предельного значения, определяемого их штатной численностью и оснащением. Отдельные колебания связаны с изменением

крупных размеров наркотических средств и психотропных веществ в 2004 году, а также запретом свободной реализации препаратов, содержащих кодеин, в аптеках. Затем в течение короткого промежутка времени правоохранительные органы за счет «высвободившихся мощностей» восстанавливают показатели своей работы до средних величин. Очевидно, что сделать это можно только за счет латентной составляющей преступности, на выявление которой ранее у правоохранительных органов не было ни времени, ни резервов.

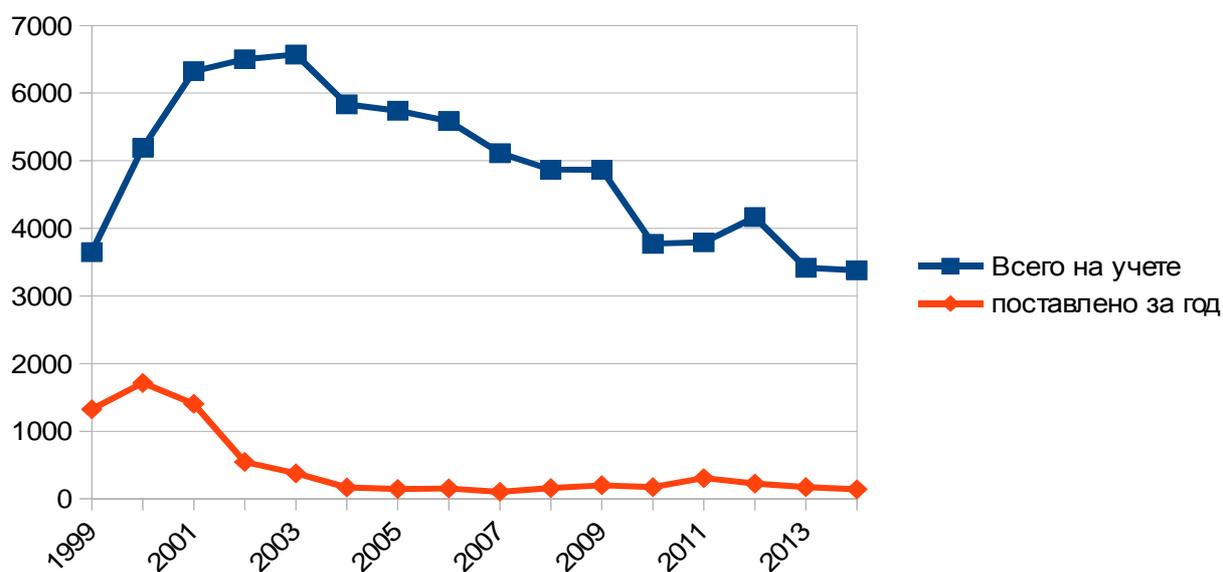
Таким образом, показатели состояния отдельных видов преступлений, требующих длительного расследования, в пределе демонстрирует не фактическое положение дел, а лишь возможности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Впрочем, подробное изучение этого вопроса требует проведения самостоятельного научного исследования.

Таблица 12

Количество наркопотребителей, состоящих на учете в Саратовской области

Год	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	8мес. 2014
Кол-во наркозависимых на учете	3650	5193	6324	6501	6572	5832	5740	5586	5113	4868	4868	3773	3793	4162	3415	3379
Поставлено за год	1326	1715	1406	545	379	169	146	153	105	159	201	173	309	226	173	142

Рис. 9. Количество наркопотребителей, состоящих на учете в Саратовской области

Приведенные цифры о количестве состоящих на учете наркопотребите-

лей также не могут дать представления об эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания. Резкое снижение числа зарегистрированных наркоманов, поставленных на учет за год объясняется отменой надбавок за участковость для врачей-наркологов приказом Министерства здравоохранения РФ № 201 от 21 июня 2002 г., о котором мы уже упомянули. Начиная с этого момента эта категория врачей не осуществляет целенаправленной деятельности по выявлению и постановке на учет наркопотребителей, не осуществляет плотного взаимодействия с представителями правоохранительных органов на закрепленном участке по этому вопросу. Фактически в настоящее время осуществляется регистрация только тех лиц, которые самостоятельно или под влиянием родственников изъявили пройти лечение от наркотической зависимости в наркологических учреждениях.

Таким образом, официальные данные о численности наркозависимых в настоящее время не могут быть использованы в качестве критерия эффективности предупредительного воздействия наказания на преступления в сфере незаконного оборота наркотиков.

Таблица 13

Сведения о количестве зарегистрированных УФСКН по Саратовской области преступлений по ст. 232 УК РФ за 2004 — 9 мес. 2014 г.

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	9 мес. 2014
Количество преступлений	0	4	37	78	97	128	138	132	108	69	18

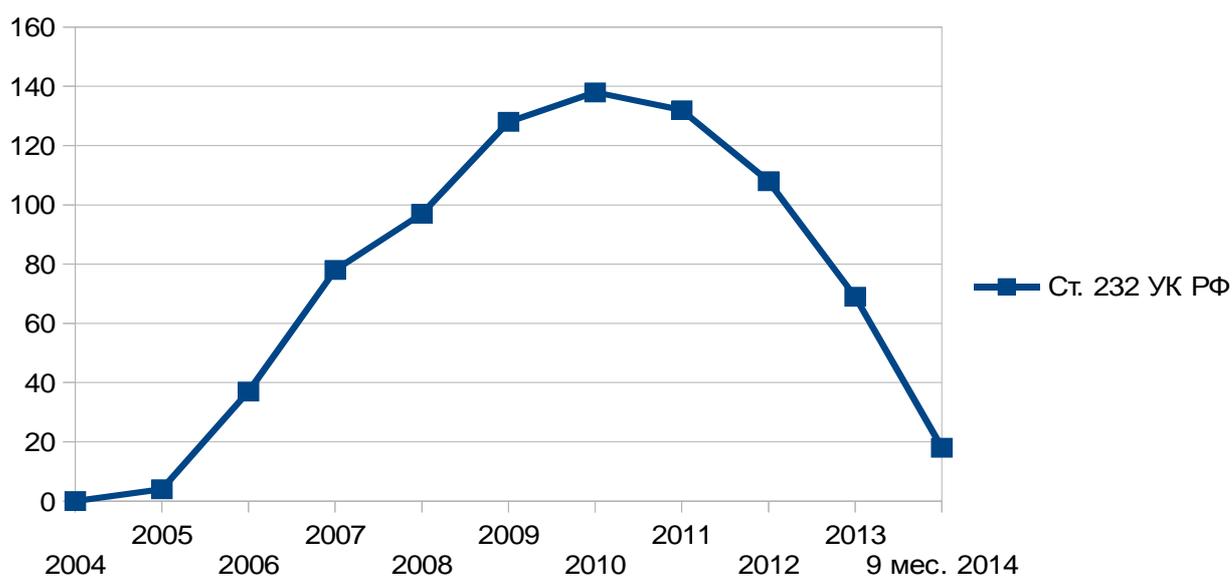

Рис. 10. Сведения о количестве зарегистрированных УФСКН по Саратовской области преступлений по ст. 232 УК РФ за 2004 — 9 мес. 2014 г.

Резкий всплеск на графике (рис. 10) обусловлен эпидемией употребления дезоморфина, поскольку его изготовление и употребление связано с сильными демаскирующими признаками, крайне негативно воспринимаемыми гражданами, активно обращающимися с соответствующими заявлениями в правоохранительные органы (резкий, неприятный запах из квартиры, неопрятный отталкивающий вид дезоморфиновых наркоманов и т. п.).

В то же время, увеличение количества преступлений по ст. 232 УК РФ, не коррелирует с числом наркопотребителей, поставленных на учет, что представляется странным, поскольку до 90 % вновь регистрируемых наркоманов в этот период составляли дезоморфинщики (об этом мы писали выше). То, что рост числа выявленных наркопритонов и связанный с ним рост числа дезоморфиновых наркоманов никак не отразился на статистике наркозависимых, лишний раз свидетельствует о ее оторванности от реальности в настоящее время.

С другой стороны, динамика преступлений по ст. 232 УК РФ выступала в качестве маркера, свидетельствующего о хроническом отставании уголовного закона от практики. Обеспокоенность граждан негативными явлениями в сфере незаконного оборота наркотиков привела к кратковременному всплеску активности правоохранительной системы, но к изменениям законодательства не привела.

В то же время усиление ответственности за весьма опасные преступления, предусмотренные ст. 228 и 228¹ УК РФ (в соответствии с Федеральным законом от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ) произошло вне связи с дезоморфиновой эпидемией, решающей мерой в борьбе с которой стала отмена безрецептурного отпуска кодеинсодержащих препаратов, а не изменения в УК РФ.

Таким образом, оценивать эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ традиционными методами (по состоянию и динамике наркопреступности, рецидиве, количестве наркозависимых, состоящих на учете) весьма проблематично.

С учетом приведенных оценок уровня латентности этих преступлений можно заключить, что в настоящее время уголовное наказание практически не оказывает влияния на эти преступления, иными словами оно неэффективно. И мы связываем причины такого положения с резким ограничением уголовной репрессии в отношении потребителей наркотиков.

И здесь мы сталкиваемся с очень любопытным явлением: пределы уголовной репрессии в данной сфере от законодателя практически не зависят, поскольку компетенция определения крупных и особо крупных размеров наркотических средств и психотропных веществ, выступающих в качестве криминообразующих признаков по ст. 228 УК РФ, принадлежит Правительству РФ, несущему, таким образом, часть ответственности за неэффективность уголовного законодательства в этой сфере.

Для повышения эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания в этой сфере представляется необходимым выполнение сле-

дующих условий:

1) повышение материальной заинтересованности врачей наркологов – стимулирование интереса, в том числе путем увеличения окладов и восстановления надбавок, к выявлению и постановке на учет лиц, употребляющих наркотические средства и психотропные вещества;

2) резкое уменьшение крупных и особо крупных размеров наркотических средств, как способ ужесточения ответственности за немедицинское применение наркотиков. Полагаем, что полезной была бы дифференциация ответственности в зависимости от разновидности хранимых наркотических средств с полным запретом на хранение тяжелых наркотиков (героина, дезоморфина и им подобных);

3) восстановление в уголовном праве института принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступления и страдающих наркоманией;

4) внесение в уголовное законодательство определения наркотических средств и психотропных веществ, основанного на медицинских представлениях об их типичном воздействии на организм человека, и установление запрета на действия с такими веществами, совершенными без специального разрешения, что позволит сократить время реакции уголовного закона на появление новых наркотиков.

Следует также отметить, что с точки зрения анализа эффективности уголовного наказания, показатели преступности (состояние, динамика рецидива и т. д.) не всегда могут быть определяющими. В таких случаях поиск критериев эффективности наказания за отдельные преступления превращается в самостоятельную научную задачу. Одновременно можно сделать вывод, что какие-либо универсальные критерии оценки эффективности уголовного наказания и его предупредительного воздействия вряд ли возможны. Для каждого вида преступлений необходима собственная методика оценки и собственные критерии эффективности.

В ряде случаев может оказаться перспективным изучение показателей преступности низколатентных преступлений, которые часто совершаются совместно с изучаемыми явлениями (например, о росте числа наркозависимых в определенный период времени свидетельствовала динамика преступлений, предусмотренных ст. 232 УК РФ), определение уровня латентности, а также поиск иных маркеров (статистических показателей, социальных закономерностей и проч.), уникальных для конкретного вида преступлений, способных выступать в качестве критериев эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания.

И, наконец, в случае с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ ослабление эффективности наказания явилось следствием целого комплекса изменений в законодательстве.

3.3. Оценка эффективности уголовного наказания за получение ВЗЯТКИ

Принятый в 2008 г. Закон РФ «О противодействии коррупции» был с надеждой воспринят юридической общественностью. Решительной настрой руководителей государства, широта и комплексность предлагаемых мер внушали оптимизм относительно результатов объявленной компании.

Федеральным законом № 97-ФЗ от 4 мая 2011 г. были внесены изменения в ст. 46 УК РФ, в соответствии с которыми штраф за коррупционные преступления стал назначаться в размере, кратном сумме взятки или коммерческого подкупа. Были изменены и санкции статей, предусматривающих ответственность за взяточничество и коммерческий подкуп. Президент РФ, на тот момент Д. А. Медведев, предположил, что кратные штрафы, исчисляемые миллионами рублей, будут более значимой мерой воздействия, чем лишение свободы¹.

За прошедшее время экспертами была обобщена практика назначения наказаний и сделаны первые заключения об эффективности кратных штрафов. Но, к сожалению, эти выводы носят полярный характер.

И. Н. Соловьев, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции, положительно оценил внесенные изменения, указав, что благодаря принятым мерам, в том числе, и гигантским штрафам, «начала ломаться коррупционная вертикаль, разрушаются многие коррупционные схемы»².

По мнению В. Н. Бурлакова и Н. И. Пряхиной, кратные штрафы порождают больше отрицательных последствий, чем положительных. Так, применение кратного штрафа не способствует достижению цели восстановления социальной справедливости. Последняя может быть достигнута лишь вычищением взяточников из рядов чиновничества на длительные сроки, что обеспечивается не штрафом, а сроком, в течение которого они будут отстранены от службы. Во-вторых, внедрение кратного штрафа породило пробелы в законодательстве. Например, если размер взятки не превышает 1 тыс. рублей, кратный штраф назначен быть не может, поскольку его минимальный размер в соответствии со ст. 46 УК, не может быть менее 25 тыс. рублей. Однако по ч. 1 ст. 290 он назначается в размере от двадцатипяти до пятидесятикратной суммы взятки. Приводится еще ряд примеров подобного рода³.

Полагаем, что изложенные соображения абсолютно справедливы, однако не исчерпывают все аспекты назначения наказания за это преступление.

¹ См.: Белов С., Сибиде П. Плати или сиди // Российская газета. Столичный выпуск. 2011. 5 мая.

² См.: Куликов В. Сыграли по-крупному // Российская газета. 2013. 19 июня.

³ См.: Бурлаков В. Н., Пряхина Н. И. Эффективность наказания за взяточничество // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 85–95.

Прежде всего, с количественной точки зрения, наблюдается постоянное снижение числа лиц, осужденных по ст. 290 УК (данные приводятся по состоянию на 2012 г., поскольку на момент подготовки статьи сведения за 2013 г. не опубликованы). При этом непрерывно увеличивается число осужденных за получение взятки при отягчающих обстоятельствах, что можно было бы интерпретировать как сосредоточение внимания правоохранительных органов на крупных взяточниках.

Таблица 1

Количество лиц, осужденных по ст. 290 УК¹

Количество осужденных за получение взятки	2008	2009	2010	2011	2012
Всего	1609	1837	2032	1797	1442
- без отягчающих обстоятельств	1476	1682	1817	1360	893
- при отягчающих обстоятельствах	133	155	215	437	549

Из всей массы преступников в 2012 г. 1168 человек (81 %) осуждены за получение взятки, не превышающей 10 тыс. рублей. То есть это – взяточники низшего звена. Однако из оставшихся 274 человек далеко не все представляют верхний эшелон. По данным И. Н. Соловьева, в 2012 г. за взятку в размере более одного миллиона рублей было осуждено 76 человек или 5,3%. Учитывая, что по данным МВД РФ получение взятки в крупном и особо крупном размере было зафиксировано в 2012 г. только в 69, а за 9 мес. 2013 г. – в 72 субъектах Российской Федерации², можно заключить, что в целом по стране борьба с коррупцией не охватывает высшие эшелоны власти. А в ряде регионов все антикоррупционные мероприятия сосредоточены на взяточниках низшего и среднего уровня.

Анализ таблиц 2 и 3 позволяет охарактеризовать практику назначения наказаний по ст. 290 УК как ультралиберальную, не соответствующую масштабам проблемы борьбы с коррупцией (в исследованиях получен коэффициент латентности равный 75). При этом вероятность назначения наказания в виде лишения свободы крайне мала, а по ч. 1 ст. 290 УК — находится на уровне статистической погрешности, что означает фактическую утрату этим видом наказания своего предупредительного воздействия.

¹ См.: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2012 гг.: сборник // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL : http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/Sbornik_2008-2012.xlsx.

² См.: МВД России наращивает усилия в борьбе с коррупцией, масштабы которой по-прежнему вызывают серьезное беспокойство. URL: <http://mvd.ru/news/item/1392317/>

Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания в 2012 г.¹

Статья УК / наказание	Всего осуждено	Лишение свободы								Штраф	Условное осуждение л/с	Конфискация имущества
		всего	До 1 года	Свыше 1 до 2 л. вкл.	Свыше 2 до 3 л. вкл.	Свыше 3 до 5 л. вкл.	Свыше 5 до 8 л. вкл.	Свыше 8 до 10 л. вкл.	Свыше 10 л.			
ст. 290 УК РФ чч. 1, 3 (включая чч. 1-2 старой редакции)	1135	25	4	3	6	10	2			963	137	15
ч. 4. ст. 290 УК РФ	38	25			3	6	11	4	1	6	7	1
ч. 5, 6 ст. 290 УК РФ (включая ч. 4 старой редакции)	269	69	2	8	10	26	16	6	1	125	73	3
ст. 291 УК РФ	2093	107	38	20	25	18	3	1	1	164	164	60

Павлинов А. В., обобщивший практику назначения наказания по ст. 290 УК за 2008—2009 гг., сообщает, что лишение свободы за это деяние назначается в 3 раза реже, чем за иные преступления². Данная тенденция сохраняется, иллюстрацией чему являются сведения, приведенные в таблице 16.

Таблица 16

Удельный вес осужденных к лишению свободы за получение взятки и кражу в 2012 г. по отношению к общему числу осужденных за эти преступления

Удельный вес осужденных	Без отягчающих обстоятельств	При отягчающих обстоятельствах
За получение взятки	3,6%	15,7
За кражу	17,6	33,3

Примечание: удельный вес осужденных к лишению свободы за кражу при особо отягчающих обстоятельствах составляет 59,2 %.

Этот же автор пишет, что по 80–90 % вынесенных приговоров по ст. 290 УК РФ назначается наказание ниже низшего предела³. Объясняется это тем, что

¹ См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2012 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 15.10.2014).

² См.: Павлинов А. В. Мониторинг эффективности применения уголовного наказания за преступления коррупционной направленности // Уголовное право. 2011. № 3. С. 111–114.

³ См.: Там же.

основная масса взяточников имеет положительные характеристики с мест работы, состоят в браке (81 %), имеют детей (77 %)¹. По данным Г. С. Гончаренко, 97,3 % из них по месту работы характеризовались положительно, 11,3 % имели государственные награды или почетные звания Российской Федерации. И лишь 2,7 % осужденных имели дисциплинарные взыскания по службе или ненадлежащим образом исполняли профессиональные функции². Формально, у судов всегда имеются основания для применения ст. 64 УК РФ. Так, по делу бывшего мэра г. Саратова Ю. Н. Аксененко, осужденного по п. «г» ч. 4 ст. 290, ч. 2 ст. 285, ч. 2 ст. 286 УК РФ, суд признал исключительной совокупность смягчающих обстоятельств: наличие малолетних детей, государственных наград, а также то, что Аксененко впервые привлекался к уголовной ответственности³.

Таким образом, признание исключительными типичных для взяточников обстоятельств, девальвирует значение смягчающих обстоятельств и снижает эффективность предупреждения взяточничества.

Р. А. Гребенюк установил, что удельный вес женщин в массе осужденных по ст. 290 УК РФ в два раза выше, чем во всей массе осужденных⁴. Учитывая меньшую склонность женщин к риску⁵, значительный их удельный вес в массе взяточников объясняется тем, что они расценивают риск задержания как минимальный.

Поскольку, как мы показали выше, взяточники характеризуются в подавляющем большинстве случаев положительно, имеют семьи и детей, то они не склонны к совершению общеуголовных преступлений. Поэтому для этой категории лиц неэффективно условное осуждение к лишению свободы (вторая по распространенности после штрафа мера, применяемой по отношению ко взяточникам). Это объясняется тем, что ограничения, налагаемые судом при условном осуждении, принципиально не меняют их образа жизни. С точки зрения специальной превенции основную роль играет лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. По ст. 290 УК РФ максимальный срок, на который может быть назначено это наказание, составляет 3 года и здесь мы абсолютно согласны с В. Н. Бурлаковым и Н. И. Пряхиной, указавшими на

¹ См.: Гребенюк Р. А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика взяточничества : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 114.

² См.: Гончаренко Г. С. Криминологический анализ личности коррупционного преступника. URL :

<http://www.advpalatato.ru/info/trainings.php?ID=7291&PHPSESSID=1f76101c7db18ed2ef817067e3be149f> (дата обращения: 15.10.2014).

³ См.: Областной суд вынес приговор в отношении Ю. Н. Аксененко. URL : http://zavodskoi.sar.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=92 (дата обращения: 15.10.2014).

⁴ См.: Гребенюк Р. А. Указ. соч. С. 109.

⁵ См.: Чирикова А. Е. Деловая женщина в экстремальных ситуациях // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 68–76.

недостаточность такого срока¹. Полагаем, что сохранение потенциальной возможности бывшего взяточника вновь вернуться на государственную службу или занять выборную должность никак не соответствует цели общего предупреждения таких преступлений.

В настоящее время существует практика пожизненной дисквалификации отдельных категорий специалистов, допустивших нарушения, несовместимые со статусом занимаемой должности. Например, футбольный арбитр может быть дисквалифицирован пожизненно за участие в договорных матчах². Полагаем, что аналогичная мера должна применяться и для должностных лиц. Поэтому считаем необходимым для лиц, осужденных по ст. 290 УК РФ, дополнить санкцию обязательным дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью **пожизненно**, а также внести соответствующие изменения в ст. 47 УК РФ. Полагаем, что такое наказание должно быть безальтернативным, демонстрирующим серьезность намерений государства в борьбе со взяточничеством и исключающим всякую возможность судебного усмотрения в этом вопросе.

По замыслу законодателя, основной (и вполне достаточной) мерой предупредительного воздействия должен являться штраф, поэтому в настоящее время именно он является наиболее распространенным видом наказания по ст. 290 УК. Однако с его исполнением возникают определенные проблемы. По данным, представленным И. Н. Соловьевым, в настоящее время исполняется не более 27 процентов взысканий, а из назначенных в виде штрафов 2 миллиардов рублей в казну поступило всего 155 миллионов рублей, по остальным предусмотрена рассрочка до 5 лет³. Если допустить самый льготный для осужденных вариант, что все назначенные штрафы предполагают возможную пятилетнюю рассрочку выплаты, то даже в таком случае в полном объеме они, скорее всего, выплачены не будут, поскольку фактически уплаченная сумма 155 миллионов гораздо меньше 1/5 части суммы, которую должны уплатить осужденные по ст. 290 УК РФ за год (400 млн руб.).

Существует еще одно обстоятельство, которое нужно учесть при оценке эффективности кратного штрафа — в 2012 г. каждый второй осужденный к данному виду наказания по ст. 290 просил заменить ему штраф лишением свободы в связи с отсутствием средств для его уплаты⁴. Такая ситуация может означать, что при назначении штрафа суд неправильно оценил материальное положение осужденного, либо последний пытается избежать дальнейших выплат, скрывая имущество. Следует также учитывать, что в ряде случаев

¹ См.: Бурлаков В. Н. Указ. соч. С. 85–95.

² См.: ФИФА пожизненно дисквалифицировала двух арбитров. URL : <http://sport.obozrevatel.com/football/59302-fifa-pozhiznenno-diskvalifitsirovala-dvuh-arbitrov.htm> (дата обращения: 15.10.2014).

³ См.: Куликов В. Указ. соч.

⁴ См.: Бурлаков В. Н. Указ. соч. С. 85–95.

деяния, связанные с получением должностным лицом взятки, в ходе расследования переqualифицируются на мошенничество¹. Такая ситуация вполне объяснима, поскольку по ст. 159 УК РФ наказания в целом более мягкие, чем по ст. 290 УК, а возможность назначения кратного штрафа отсутствует.

Таким образом, должностным лицам зачастую выгодно наказание в виде лишения свободы, дающее возможность сохранить имущество, добытое преступным путем, нежели кратный штраф в большом размере. При этом, такая мера как конфискация имущества, как следует из таблицы 2, применяется к осужденным за получение взятки очень редко, гораздо реже, чем, например, за дачу взятки, что лишь подтверждает наш вывод.

Также добавим, что автор проводил на эту тему опрос среди студентов (всего опрошено 90 человек), предложив им в гипотетической ситуации выбор — получить за некоторое преступление небольшой срок лишения свободы, сохранив незаконно полученное имущество (для примера речь шла о сумме сто миллионов рублей), либо избежать лишения свободы в обмен на конфискацию. Подавляющее большинство опрошенных предпочло бы лишение свободы.

В соответствии со ст. 46 УК РФ, максимальный размер кратного штрафа установлен в сумме 500 млн рублей. Однако по опубликованным сведениям², многие чиновники имеют семейный доход, значительно превышающий эту сумму, причем речь идет о сотнях миллионов и даже о миллиардах рублей. Установление предельного размера кратного штрафа означает, что для таких лиц предупредительное воздействие кратного штрафа, пусть даже и в максимальном размере, ничтожно. Мы оставляем за рамками настоящего обсуждения те обстоятельства, что 38 из 100 мест в рейтинге наиболее богатых семей чиновников России заняли семьи депутатов Госдумы, 18 — семьи сенаторов, 17 — депутаты региональных парламентов, 15 — представители региональной исполнительной власти (в том числе 6 губернаторов и мэр Казани), 6 — членов правительства, топ-менеджеров госкорпораций — 5 и 1 — сотрудник администрации Президента РФ³. Хотя представленная статистика сама по себе способна объяснить многие законодательные решения последнего времени.

Нас интересует в данном случае эффективность кратного штрафа, который, по мнению Д. А. Медведева, должен был стать более значимой мерой, чем лишение свободы. Интересы повышения эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания неминуемо приводят нас к выводу, что формальное установление максимального размера штрафа всегда будет выполнять роль барьера, надежно ограждающего наиболее

¹ См.: МВД России наращивает усилия в борьбе с коррупцией. URL : <http://mvd.ru/news/item/1392317/> (дата обращения: 15.10.2014).

² См.: 100 самых богатых семей российских чиновников. URL : <http://www.aif.ru/money/business/43533> (дата обращения: 15.10.2014).

³ См.: Там же.

богатых чиновников от уголовного преследования, а разница в санкциях ст. 159 и 290 УК всегда оставляет лазейку для сохранения незаконно нажитого имущества. Кроме того, такая ситуация совершенно безнравственна и к тому же прямо нарушает уголовно-правовой принцип равенства граждан перед законом, когда один субъект, не имеющий достаточных средств для уплаты штрафа, просит заменить это наказание лишением свободы, а другой, обладающий многомиллионными доходами, даже не утруждает себя экономией во время его выплаты. Такое неравенство существенно раздвигает границы дозволенного поведения, ставя их в зависимость от имущественного положения субъектов, что не способствует достижению цели предупреждения преступлений.

Решение этой проблемы мы видим в восстановлении принципа равенства граждан перед законом путем восстановления конфискации имущества и включения его в качестве обязательного наказания за получение взятки при отягчающих обстоятельствах, а также за мошенничество при отягчающих обстоятельствах.

Еще одно соображение об эффективности штрафа мы можем почерпнуть из экономической теории преступности, в которой разработаны модели преступного поведения. Например, из модели основоположника экономической теории Г. Беккера, в которой рассматривается поведение рационального преступника (а именно к таким относятся взяточники), следует, что сдерживающее влияние на преступника оказывают вероятность и размер наказания, при этом значение вероятности наказания для удержания лица от преступления выше, чем размер наказания¹.

Исходя из проанализированных нами сведений о числе лиц, привлеченных к ответственности за получение взятки в особо крупном размере, можно сделать вывод, что при такой низкой вероятности наказания, какая имеет место для этой категории преступников, согласно положениям экономической теории преступности, сдерживающее влияние кратного штрафа представляется незначительным.

Проведенный анализ эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний, предусмотренных за получение взятки, приводит нас к выводам, сходным с теми, которые получил в своей работе А. В. Павлинов. По мнению этого автора, при нынешнем состоянии уголовного законодательства карательная модель как одна из составных частей борьбы с коррупцией является фикцией, поэтому конструирование сложной и многозатратной профилактической модели в такой ситуации предстает «сизифовым трудом»².

Для коренного изменения ситуации в данной сфере полагаем необходимым поддержать внесенный в Государственную Думу законопроект № 391313-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской

¹ См.: Андриенко Ю. В. Экономика преступления: теоретическое и эмпирическое исследование определяющих факторов преступности : дис канд. эконом. наук. М., 2003. С. 17.

² См.: Павлинов А. В. Указ. соч. С. 111–114.

Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации», предусматривающий восстановление уголовного наказания в виде конфискации имущества¹, и установить ее в качестве обязательного дополнительного наказания за преступления, предусмотренные ст. 290 и 159 УК РФ.

Есть еще одно направление повышения эффективности уголовно-правового воздействия на взяточничество. Выше были приведены данные Г. С. Гончаренко, согласно которым 97,3 % лиц, осужденных за получение взятки, не имели взыскания по службе, а 11,3 % имели награды. Эти данные не были интерпретированы исследователем, хотя на наш взгляд, они весьма красноречиво характеризуют качество государственного аппарата современной России. Современный взяточник удачно вписался в систему государственного управления, стал в ней абсолютно своим для коллег и руководителей. Поскольку в любом рабочем коллективе, как правило, не удается долго вести двойную жизнь, то, можно заключить, что осужденные взяточники не являлись «белыми воронами», а действовали в полном соответствии с принятыми в коллективе правилами. С большой степенью уверенности можно утверждать, что коррупционная деятельность осужденного была известна его коллегам или даже руководству. И наоборот — те кто по своим высоким моральным качествам не смогли ужиться в этой среде, изгоняются, получают взыскание и не занимают коррупционно-привлекательных должностей.

Исходя из этого, мы предлагаем установить в ограниченном объеме уголовную ответственность лиц, прикосновенных к получению взятки — попустительствующих либо осведомленных о ней. О мерах ограниченной уголовной ответственности мы писали в параграфе 2.3.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что исключение конфискации имущества из числа уголовных наказаний, а также широкое применение штрафов в качестве основного наказания за получение взятки (либеральная судебная практика) резко снизили эффективность предупредительного воздействия на данный вид преступлений уголовно-правовыми средствами.

¹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: законопроект. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&40ED865CA75403BB43257C2E003AAA16](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&40ED865CA75403BB43257C2E003AAA16) (дата обращения: 15.10.2014).

Заключение

В рамках проведенного исследования мы, разумеется, не планировали решить все возможные научные проблемы, связанные с оценкой эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания. Ставилась задача сформулировать общие подходы и очертить круг проблем, стоящих перед исследователями эффективности норм уголовного права, и представить некоторые соображения относительно возможных методик и критериев ее оценки.

Вместе с тем некоторые положения работы носят законченный характер и могут представлять интерес не только с практической, но и теоретической точки зрения.

В то же время в работе были обозначены некоторые вопросы, не получившие здесь своего развития, однако заслуживающие того, чтобы выступить предметом дальнейших теоретических изысканий. В частности, общетеоретический интерес представляет обоснованное положение об отсутствии качественного отличия преступлений от проступков в виде общественной опасности. Показано, что различия между ними имеют количественный характер (по степени опасности). Данный вывод может получить дальнейшее теоретическое развитие в исследованиях, посвященных уголовно-правовому понятию «преступление», субъективной стороне состава преступления, в частности, формам вины, поскольку положения действующего уголовного законодательства включают в качестве интеллектуального элемента осознание (неосознание) лицом общественной опасности совершенного деяния.

Полагаем, что данное положение полностью устраняет теоретические препятствия для восстановления в уголовном законодательстве административной преюдиции, как средства повышения эффективности предупредительного воздействия как уголовных, так и административных наказаний. В связи с этим важное практическое значение представляет определение преступлений, по которым целесообразно в качестве криминообразующего признака включать совершение лицом ранее соответствующих административных проступков.

Затронут, но не получил развития вопрос об ограниченной уголовной ответственности лиц, прикосновенных к преступлениям. Несомненно, в дальнейших исследованиях нужно будет определить и научно обосновать перечень преступлений, по которым может быть применена такая мера, а также конкретизировать конкретные меры ограниченной уголовной ответственности.

Требуют проведения специальных исследований обозначенные автором вопросы, касающиеся учета физиологических особенностей человека при конструировании уголовно-правовых норм. Нам представляется, что учет таких характеристик позволит избежать излишнего, без нужды, ужесточения уголовной ответственности в случаях. Возможно, что внесение изменений в ряд смежных нормативных актов позволит в ряде случаев предупреждать преступ-

ления без необходимости привлечения кого-либо к уголовной ответственности. Речь может идти о введении ограничений на управление транспортными средствами в силу низких индивидуальных показателей скорости реакции, а также иных характеристик.

Разработанные в настоящей монографии положения об эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания, ее условиях и критериях оценки, совместно с проведенной опытной оценкой эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний за убийство, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также за получение взятки могут быть взяты за основу для разработки методик оценки эффективности предупредительного воздействия уголовного наказания за отдельные видов преступлений. В силу разнообразия свойств и условий совершения различных преступлений единого набора методов быть не может, поэтому разработка методик оценки эффективности должна стать, по нашему мнению, самостоятельным направлением уголовно-правовых и криминологических исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты и комментарии законодательства

1. Декреты советской власти. Т. 3. – М., 1964. – 664 с.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.) // Российская газета. 1993. 25 дек.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.
4. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / под ред. Ю. А. Дмитриева. – М., 2009.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования : федеральный закон РФ от 3 декабря 2012 г. № 243-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50, ч. 5, ст. 6966.
6. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации : федеральный закон РФ от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7597.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

Монографии

9. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М., 1995. – 304 с.
10. Баранов, В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права / В. М. Баранов. – Саратов, 1978. – 148 с.
11. Бытко, Ю. И. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков / Ю. И. Бытко, С. Ю. Бытко. – Саратов, 2006. – 768 с.
12. Гернет, М. Н. Избранные произведения / М. Н. Гернет. – М., 1974. – 639 с.
13. Громов, В. Г. Основные направления снижения криминогенного потенциала мест лишения свободы / В. Г. Громов. – М., 2008. – 336 с.
14. Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь / Л. Н. Гумилев. – М., 2002. – 839 с.
15. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М., 1993. – 318 с.
16. Дубинин Н. П. Генетика. Поведение. Ответственность / Н. П. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. – М., 1989. – 304 с.

17. Дурманов, Н. Д. Советский уголовный закон / Н. Д. Дурманов. – М., 1967. – 319 с.
18. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957. 274 с.
19. Жуков, Ю. Иной Сталин / Ю. Жуков. – М., 2005. – 512 с.
20. Керимов, Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе / Д. А. Керимов. – М., 1960. – 223 с.
21. Теоретические основы предупреждения преступности / А. С. Клочков и др. – М., 1977. – 256 с.
22. Колосовский, П. Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья. Опыт исследования по русскому праву / П. Колосовский. – М., 1857. – 296 с.
23. Конституции зарубежных государств. – М., 1997. – 586 с.
24. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и паталогия / В. Н. Кудрявцев. – М., 1982. – 287 с.
25. Кудрявцев, В. Н. Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко, В. В. Глазырин. – М., 1980. – 280 с.
26. Кузнецова, Н. Ф. Избранные труды / Н. Ф. Кузнецова. – СПб., 2003. – 834 с.
27. Лазарев, В. В. Эффективность правоприменительных актов / В. В. Лазарев. – Казань, – 1975. – 206 с.
28. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. – СПб., 2004. – 339 с.
29. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – М., 2009. – 579 с.
30. Лунев, В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ / В. В. Лунев. – М., 1997. – 525 с.
31. Мавродин, В. Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. / в. Мавродин. – М., 1961. – 118 с.
32. Макаренко, А. С. Избранные произведения в трех томах / А. С. Макаренко. – Т. 2. – Киев, 1985. – 574 с.
33. Мальцев, В. В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве / В. В. Мальцев. – Волгоград, 2007. – 224 с.
34. Маркс, К. ПСС. Издание второе / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 13. – М., 1959. – 652 с.
35. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. – Т. 2. – СПб., 2000. – 568 с.
36. Мицкевич, А. Ф. Уголовное наказание / А. Ф. Мицкевич. – СПб., 2005. – 329 с.
37. Наташев, А. Е. Основы теории исправительно-трудового права / А. Е. Наташев, Н. А. Стручков. – М., 1967. – 190 с.

38. Ной, И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве / И. С. Ной. – Саратов, 1962. – 156 с.
39. Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии / И. С. Ной. – Саратов, 1975. – 222 с.
40. Перминов, О. Г. Проблемы реализации наказания. – М., 2003. – 255 с.
41. Поздняков, Э. А. Философия преступления / Э. А. Поздняков. – М., 2001. – 576 с.
42. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М., 1983. – 605 с.
43. Пыхалов, И. 1937. Как врут о «сталинских репрессиях». Всё было не так! / И. Пыхалов. – М., 2013. – 256 с.
44. Разгильдиев, Б. Т. Задачи уголовного права и их реализация / Б. Т. Разгильдиев. – Саратов, 1993. – 232 с.
45. Рогов, В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. / В. А. Рогов. – М., 1995. – 288 с.
46. Сергун, Е. П. Научно-теоретические вопросы в сфере уголовно-правовой охраны конституционного строя Российской Федерации / Е. П. Сергун. – Саратов, 2011. – 140 с.
47. Спиридонов, Л. И. Социология уголовного права / Л. И. Спиридонов. – М., 1986. – 223 с.
48. Сырых, В. М. Логические основания общей теории права. Т. 2. Логика правового исследования (Как написать диссертацию) / В. М. Сырых. – М., 2004. – 560 с.
49. Тард, Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Г. Тард. – М., 2004. – 397 с.
50. Федосова, В. А. Эффективность действия норм советского права / В. А. Федосова. – Воронеж, 1984. – 157 с.
51. Ферр Гровер. Тени XX съезда, или антисталинская подлость. – М., 2010. – 464 с.
52. Чижевский, А. Л. Земное эхо солнечных бурь / А. Л. Чижевский. – М., 1976. – 368 с.
53. Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели и эффективность / М. Д. Шаргородский. – Л., 1973. – 160 с.
54. Эфроимсон, В. П. Генетика этики и эстетики / В. П. Эфроимсон. – М., 2004. – 304 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

55. Аистова, Л. С. Теоретические и практические проблемы квалификации незаконного предпринимательства – ст. 171 УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001. – 180 с.
56. Андриенко, Ю. В. Экономика преступления: теоретическое и

эмпирическое исследование определяющих факторов преступности : дис. ... канд. эконом. наук. – М., 2003. – 133 с.

57. Бикситова, Б. С. Эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы (по материалам Оренбургской области) : дис. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2006. – 178 с.

58. Гребенюк, Р. А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика взяточничества : дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – 171 с.

59. Искалиев, Р. Г. Уголовная ответственность за сокрытие денежных средств и имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов и сборов : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – 198 с.

60. Соловьев, И. Н. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений (ст. 198 и 199 Уголовного кодекса) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 250 с.

61. Мадатов, Я. Г. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с незаконным предпринимательством в сфере строительства : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003. – 200 с.

62. Поляков, М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – 442 с.

63. Тер-Акопов, А. А. Правовые основания ответственности за воинские преступления : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1982. – 368 с.

64. Шарипова, А. Р. Уголовное преследование по делам о налоговых преступлениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2010. – 20 с.

65. Шикип, Е. П. Основные условия эффективности применения права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1971. – 18 с.

Учебники, учебные пособия, комментарии к законодательству, словари, энциклопедии

66. Антонян, Ю. М. Криминология. Избранные лекции. – М., 2004. – 448 с.

67. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. – М., 2002. – 800 с.

68. Бернер, А. Ф. Учебник уголовного права: Часть общая. Части общая и особенная: С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Т. 1. – СПб., 1865. – 940 с.

69. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М., 1993. – 1632 с.

70. Долгова, А. И. Криминология. – М., 2005. – 784 с.

71. Курс Российского уголовного права. Общая часть. – М., 2001. – 767 с.

72. Малков, В. Д. Криминология : учебник для вузов. – М., 2006. – 528 с.
73. Назначение наказания, его эффективность и освобождение от уголовной ответственности и наказания : учебное пособие / под ред. Г. Б. Виттенберга. – Иркутск, 1978. – 90 с.
74. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть. – М., 1997. – 496 с.
75. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. – М., 2004. – 864 с.
76. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М., 1990. – 1632 с.
77. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / С. М. Иншаков и др. – М., 2011. – 839 с.
78. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел : учебник / под ред. Л. И. Беляевой. – М., 2003. – 246 с.
79. Уголовное право России : курс лекций. Т. 1, кн. 1 / под ред. Б. Т. Разгильдиева. – Саратов, 2004. – 320 с.
80. Уголовное право России : курс лекций. Т. 2 / под ред. Б. Т. Разгильдиева. – Саратов, – 2008. – 648 с.
81. Уголовное право России. Общая часть / под ред. И. Э. Звечаровского. – М., 2004. – 461 с.
82. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – 840 с.
83. Философская энциклопедия : в 5 т. Т. 5 – М., 1970. – 740 с.
84. Хейвуд, Э. Политология / Э. Хейвуд. – М., 2005. – 544 с.

85. Научные статьи, материалы из периодических изданий

86. Авария на нефтяной платформе "Дипуотер хорайзн" в Мексиканском заливе. URL: <http://www.webcitation.org/67ANOffIw> (дата обращения: 14.01.2014).
87. Бавсун М. В., Векленко, С. В., Фаткуллина, М. Б. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве // Правоведение. – 2006. – № 4. – С. 125–134;
88. Байбакова М. Увольнять прислугу надо быстро и при свидетелях // URL: http://www.tatler.ru/nashi_lyudi/interview_and_photo_set_21/334709_mariya_baybakova_uvolyat_prislugu_nado_bistro_i_pri_svidetelyah.php#activehp=334711;p=335196 (дата обращения 15.10.2014 г.).
89. Белов С., Сибида П. Плати или сиди // Российская газета - Столичный выпуск. 2011. 5 мая.
90. Брейтуэйт Дж. Теория воссоединяющего стыда // Человек. – 2002. – № 3. – С. 64–76.

91. Бурлаков В. Н., Пряхина Н. И. Эффективность наказания за взяточничество // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 85-95.
92. Вартбург М. Зеркальные нейроны // http://wsyachina.narod.ru/biology/glassy_neurons.html (дата обращения 2. 11. 2014 г.);
93. Васецкий А. Педофилов будут кастрировать // Взгляд. – 2008. – 9 апр.
94. Васильев В. С. Причинность преступности и статистические закономерности. В кн.: Криминальная ситуация на рубеже веков в России / под ред. А. И. Долговой. – М., 1999. – С. 62–66.
95. Волкова Т. Н. Низкая эффективность штрафа в современной системе наказаний: критический взгляд на проблему // Уголовно-исполнительное право. – 2008. – № 1. – С. 15-18;
96. Воробьев В. Клинтон предупредили дважды. Россия не намерена пересматривать свое решение по USAID // Российская газета. – 2012. – 21 сент.
97. Горбачева А. Э. Как поймать «крокодила» // Новая газета. – 2012. – 5 июня.
98. Громов В. Г. Об уточнении целей уголовного наказания // Общество. Культура. Преступность. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 8. – Саратов, – 2006. – С. 56-60.
99. Данакари Р. Р. Объективное вменение в практике советской политической юстиции // Юрист-правовед. – 2008. – № 2. – С. 92–95.
100. Егоров М. Насильников будут кастрировать // Российская газета. – 2007. – 15 июня.
101. Ермолаева Е. Г. Суицид и преступность в ряду социальных девиаций в России // Вестник СГАП. Вып. 2. – 2007. – С. 129–131.
102. Ермолович Я. Н. Эффективность военно-уголовных норм и эффективность военно-уголовной политики // ЭНИ «Военное право». Выпуск № 1. URL: [http://www.voennoepravo.ru/files /%d0%95%d1%80%d0%bc%d0%be%d0%bb%d0%be%d0%b2%d0%b8%d1%87_4.doc](http://www.voennoepravo.ru/files/%d0%95%d1%80%d0%bc%d0%be%d0%bb%d0%be%d0%b2%d0%b8%d1%87_4.doc) (дата обращения 15.10.2014 г.).
103. Жалинский А. Э., Герасун А. А. Криминологические аспекты непредумышленных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. № 15. – М., 1972. – С. 3-10.
104. Жалинский А. Э. Оценки эффективности уголовно-правовой борьбы с преступностью // Право и политика. № 4 (112). С. 819-826.
105. Замрий О. Н. О применении гражданско-правовых средств в сфере исполнения уголовного наказания в виде штрафа в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки // Вестник ТвГУ. Серия «Право». – 2012. – Выпуск 32. – С. 38 – 42
106. Зелинский А. Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности // Сов. государство и право. – 1984. – № 9. – С. 52–58.

107. Зотов Г. Куба — остров долгожителей. Народ беднее, зато здоровее // *АиФ*, – 2008. – 28 мая.
108. Ионова Л. В. Астрахани за взятки задержан взвод ДПС URL: <http://www.rg.ru/2013/09/26/reg-ufo/vzatka-anons.html> (дата обращения 1.11.2014 г.)
109. Кабурнеев Э. В. О некоторых проблемах квалификации фактов причинения смерти при превышении пределов необходимой обороны // *Российский следователь*. – 2007. – № 1. – С. 14–16.
110. Каменская Е.В., Рождествина А.А. Коррупциогенные факторы как следствие нарушения правил юридической техники // *Правовая культура*. – 2011. – № 1(10). – С. 50-57.
111. Ковалев М. И. К вопросу об эффективности уголовного законодательства // *Проблемы эффективности уголовного закона*. – 1975. – Вып. 37. – С. 27-38.
112. Козлова Н. Педофилы объявили войну России. В прошлом году в стране от рук преступников погибли 2,5 тысячи детей // *Российская газета*. – 2008. – 10 апр.
113. Кондрашов Д. Л., Корейша М. Н., Макаренко Т. В. Эпидемиология смертельных отравлений кодеинсодержащими наркотизирующими смесями на территории Свердловской области в 2010 — 2011 г. // *Проблемы медицины в экспертизе*. – № 3-4. – 2011. – С. 14-16.
114. Краснопольская И. Избавление от мук. В США намерены узаконить марихуану в медицинских целях. // *Российская газета*. – 2013. – № 6018.
115. Кудашев Ш. Е. К. Маркс о краже леса и не только; некоторые проблемы дифференциации уголовной ответственности и наказания за хищения по УК РФ // *Мировой судья*. – 2006. – № 11. – С. 16–20.
116. Кузнецова Н. Ф. Мнение ученых о реформе (QUI PRODEST?) // *Уголовное право*. – 2004. – № 1. – С. 26-27.
117. Кузнецова Н. Ф. Профилактическая функция уголовного закона // *Уголовное право*. – 1998. – № 1. – С. 11–20.
118. Кузьмин В. Пятый элемент. Дмитрий Медведев добавил еще один пункт в собственную экономическую программу // *Российская газета*. – 2008. – 9 июня.
119. Куликов А. Саратовские милиционеры сожгли живьем подозреваемого // URL: <http://www.rg.ru/2008/10/31/reg-saratov/sogenie-anons.html> (дата обращения 1. 11. 2014 г.).
120. Куликов В. Сыграли по-крупному // *Российская газета*. – 2013. – 19 июня.
121. Курганов С. И. Изменение целей наказания: кризис права или кризис общества? (Криминологический анализ) // *Куда идет Россия?. . Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / под общ. ред. Т. И. Заславской*. – М., 1999. – С. 240-249.
122. Лапупина Н. Н. Некоторые вопросы квалификации преступных

посягательств на свободу человека // Правовая культура. – 2011. – № 2 (11). – С. 149-154.

123. Лебедев М. П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. – 1963. – № 1. – С. 22-31.

124. Лейкина Н. С. К вопросу об обоснованности ответственности за преступления, совершаемые в состоянии опьянения // Вестник Ленингр. ун-та. – 1958. – № 11. – С. 115-120.

125. Лизан И. Белорусская экономическая модель: химическая промышленность. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_32689 (дата обращения 13. 01. 2013 г.).

126. Лопашенко Н. А. Квалификация неоконченной деятельности и соучастия в экологических преступлениях // Законность. – 2007. – № 10. – С. 20-24.

127. Лунеев В. В. Предпосылки объективного вменения и принцип виновной ответственности // Государство и право. – 1992 г. – № 9. – С. 54–62.

128. Мальков Б.Н. Проблема смертной казни: биосоциальное измерение // Правовая культура. – 2014. – № 3 (18). – С. 8-17.

129. Мартынов Д. Ворьё моё // Компьютерра. – 2 сент. 2008. – С. 32-34.

130. Межуев В. М. Гуманитарная наука и идеология // Российская гуманитарная наука: генезис и состояние: Материалы постоянно действующего научн. семинара. – М., 2007. – № 2. – С. 12-13.

131. Мелешко Н., Куссмауль Р. Исключить объективное вменение квалифицирующих обстоятельств несовершеннолетним // Российская юстиция. – 2002. – № 6. – С. 57–59.

132. Минская В. С. Уголовная ответственность за коррупционные преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2009. – № 14. – С. 55-60.

133. Павлинов А. В. Мониторинг эффективности применения уголовного наказания за преступления коррупционной направленности // Уголовное право. – 2011. – № 3. – С. 111-114.

134. Паклин Н. Саркози отправли Европу в нокаут // Российская газета. – 2007. – 22 авг.

135. Панченко П. Н. Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве / под ред. Л. Л. Кругликова, – Ярославль, – 1999. – С. 104-112.

136. Пашков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 3-11.

137. Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность правовой нормы // Советское государство и право. – 1970. – № 3. – С. 41–44.

138. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека

с природой. – М., 2001. – 432 с.

139. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–57.

140. Похмелкин В. В. О восстановительной функции уголовного права // Правоведение. – 1990. – № 2. – С. 40-47.

141. Пуля И. Асфальтовые болезни, Чем чаще всего болеют в Москве // Российская газета — Неделя. – 2012. – № 5707 (34).

142. Рождествина А. А. Незнание закона как объективная причина совершения преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда // Правовая культура. – 2013. – № 1. – С. 70-73.

143. Россию оставят неразвивающейся страной // Коммерсантъ. – 2012. – 19 сент.

144. Самощенко И. С., Никитинский В. И. Изучение эффективности действующего законодательства // Советское государство и право. – 1969. – № 8. – С. 3-12.

145. Сергун Е. П. Соотношение понятий «религиозный экстремизм» и «религиозный фундаментализм» // Правовая культура. – 2012. – № 2 (13). – С. 99-103.

146. Спасенников Б., Спасенников С. Определение понятия «опьянение» в уголовном праве // Уголовное право. – 2007. – № 4. – С. 67–71;

147. Смольякова Т. Жена курская, дом черкесский // Российская газета. – 2011. – № 5499 (123).

148. Теслицкий И. Невинное причинение вреда по психофизиологическому основанию // Уголовное право. – 2008. – № 3. – С. 50-53.

149. Титова В. Крупный размер контрабанды // Законность. – 2008. – № 5. – С. 43-45.

150. Усманов И. М. Условия эффективности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Право и безопасность. – 2009. – № 33.

151. Федотова И. Порок бедности // Российская газета. – 2005. – 23 июня.

152. Фролова С. М. Понятие эффективности исправительных работ применительно к несовершеннолетним осужденным // Правовые проблемы укрепления российской государственности . Часть 54. – Томск, – 2012. – С. 57-58.

153. Чирикова А. Е. Деловая женщина в экстремальных ситуациях // Социологические исследования. – 1998. – № 5. – С. 68-76.

154. Шкель Т. Исцелился сам. Генпрокурор вскрыл болезни общества // Российская газета. – 2005. – 10 марта.

155. Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. – 1971. – № 10. – С. 193-213.

156. Anand, S. The Concern for Equity in Health / S. Anand // J. of Epidemiology and Community Health. – 2002. – Vol. 56, № 7. – P. 485-487;

157. Mackenbach, J. P. Measuring the magnitude of socio- economic

inequalities in health: an overview of available measures illustrated with two examples from Europe / J. P. Mackenbach, A. E. Kunst // Soc Sci Med. – 1997. – № 44. – P. 757-771;

158. Marmot, Michael. The Status Syndrome: How Social Standing Affects Our Health and Longevity / Michael Marmot. – New York : Times Books, Henry Holt and Company, – 2004. – 336 p.

159. Vijaya Murali and Femi Oyeboode Poverty, social inequality and mental health // Advances in Psychiatric Treatment – 2004; vol. 10, – 216–224.

160. Worldwide, Median Household Income About \$10,000 URL: <http://www.gallup.com/poll/166211/worldwide-median-household-income-000.aspx> (дата обращения 13. 01. 2013 г.)

Материалы юридической практики, справочно-статистические материалы

161. О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р // Российская газета. – 2009. 27 ноября.

162. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2008 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 8.

163. Лица обоснованно осуждены по ст. 209 УК РФ за создание банды и участие в ней (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 4. – С. 19

164. Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан отменен в части осуждения Глазкова и Егорова по ч. 1 ст. 209 УК РФ за недоказанностью, а по п. "а", "б" ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 162 УК РФ - за отсутствием состава преступления : Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2001 год. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2002. – № 9. – С. 14.

165. Определение № 31-098-35 по делу Истратова : Вопросы квалификации преступлений // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 3. – С. 18;

166. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных

статьями 131 и 132 : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 : // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 8. – С. 2.

167. Отчет Судебного департамента при Верховном Суде РФ о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2012 г. // URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения 15.10.2014 г.).

168. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2012 г.: сборник // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/Sbornik_2008-2012.xlsx (дата обращения 15.10.2014 г.).

Научное издание

Бытко Сергей Юрьевич

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ**

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 01.12.2014.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 8,64.
Гарнитура «Times».
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 500 экз.

Поволжский (г. Саратов) юридический институт (филиал)
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации»

410003, г. Саратов, ул. Радищева, 55.
Отпечатано в типографии ООО «ЛИОН».
125464, г. Москва, шоссе Пятницкое, 16.